Писатель, который произвел на меня самое сильное впечатление.

Стивен Кинг

Ричард Матесон

КУДА ПРИВОДЯТ МЕЧТЫ

Ричард Матесон, несомненно, достоин нашего внимания и нашей симпатии.

Рэй Брэдбери

Куда приводят мечты
Ричард Матесон

Аннотация
Ричард Матесон. Куда приводят мечты
От автора
Предисловие
Смертный сон
  Наплыв мелькающих образов
  Видеть сон о сне
  Бесконечный страшный сон
  Знать, что я все еще существую!
  Мое присутствие не имеет силы
  Существует что-то еще
Страна вечного лета
  Продолжение на другом уровне
  На пороге дома Альберта
  Мысли вполне реальны
  Посмотри вокруг
  В том-то и проблема
  Сила разума
  Меня все еще преследуют воспоминания
  Воспоминания отходят в тень
  Снова теряю Энн
  Конец отчаянию

Знать судьбу Энн
Когда Энн будет со мной
Где же уверенность в принятом решении?
Тревожные ассоциации
Возвращение ночного кошмара
Этот бренный шум
Единственная мучительная возможность
Потерять Энн навсегда
Внутри низшей сферы
Доступ к мрачным мыслям
На дне ада
Преисподние внутри ада
Где обитает теперь Энн
Достучаться до ее души
Неудачное начало
Приют меланхолии
Есть боль и кровь
Есть только смерть!
Битва завершена
Да будет ад нашим раем
И видеть сны...
В Индии
Путь начинается на Земле
Сквозь вечность
Возвращаюсь к своей любимой
Эпилог

Аннотация

Представьте себе, что вы умерли! Но, как выясняется, жизнь продолжается и за порогом смерти. Более того, впереди ждет бесконечное странствие по неизведанным мирам и вселенным. Именно в такое путешествие суждено отправиться Крису Нильсену, чтобы спастись от отчаяния и вновь обрести надежду и любовь.

Сразу же после публикации роман Р. Матесона стал бестселлером и вызвал бурные дискуссии не только в литературных кругах, но и среди ученых. Названный едва ли не основополагающим произведением о жизни после смерти, он лег в основу одного из самых красивых фильмов Голливуда, главную роль в котором исполнил Робин Уильямс.

Фантастическая мелодрама, поставленная Винсентом Уордом, с триумфом демонстрировалась во многих странах мира и была удостоена премии «Оскар».

Ричард Матесон
Куда приводят мечты

Моей жене, сердечным участием скрашивающей мое существование, с признательностью и любовью

От автора

Предисловие к роману — почти без исключений — вещь ненужная. Это моя десятая опубликованная книга, и мне ни разу не пришло в голову писать предисловия.

Однако этот роман, как мне кажется, требует некоего введения. Поскольку его темой является жизнь после смерти, очень важно, чтобы перед прочтением читатель осознал следующее: лишь один аспект этой истории вымышленный — персонажи и их взаимоотношения.

За редким исключением, все детали взяты из научных исследований.

Ричард Матесон
Калабасас, Калифорния,
август 1977 г.

Умереть, уснуть. – Уснуть!
И видеть сны, быть может?
Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бренный шум, –
Вот что сбивает нас...

Гамлет, акт III, сцена 1
(перевод М. Лозинского)

Предисловие

Рукопись, которую вам сейчас предстоит прочитать, попала ко мне следующим образом.

Вечером семнадцатого февраля 1976 года в дверь нашей квартиры позвонили, и жена пошла открывать. Через пару минут она вернулась в спальню, где мы смотрели телевизор, и сказала, что меня спрашивает какая-то женщина.

Я встал и пошел в прихожую. Дверь была открыта. Я увидел стоящую на пороге высокую женщину лет пятидесяти с большим, пухлым конвертом в руках.

— Вы Роберт Нильсен? — спросила она.

Я ответил утвердительно, и она протянула мне конверт со словами:

— Тогда это вам.

Я с подозрением взглянул на конверт и спросил, что это такое.

— Сообщение от вашего брата, — ответила она.

Мои подозрения усилились.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Ваш брат Крис надиктовал мне эту рукопись, — объяснила она.

Ее слова меня разозлили.

— Не знаю, кто вы такая, — сказал я ей, — но имей вы хоть какую-то информацию о моем брате, вы бы знали, что он умер больше года тому назад.

Женщина вздохнула.

— Я это знаю, мистер Нильсен, — устало произнесла она. — Я — медиум. Ваш брат передал мне этот материал из…

Она замолчала, а я тем временем начал закрывать дверь.

Тут она быстро прибавила:

— Мистер Нильсен, прошу вас.

В ее голосе звучала такая неподдельная мольба, что я взглянул на нее с удивлением.

— В течение полугода я неотрывно трудилась над расшифровкой этой рукописи, — сказала она. — Не по собственной воле. У меня уйма других дел, но ваш брат не хотел оставить меня в покое, пока я не запишу каждое слово его послания и не пообещаю, что обязательно доставлю его вам. — В ее голосе зазвучали нотки отчаяния. — А теперь вы должны взять это, чтобы я могла обрести покой.

С этими словами она сунула конверт мне в руки, повернулась и заспешила по дорож-

ке к тротуару. Я видел, как она села в машину и та быстро тронулась с места.

Я никогда больше не видел ее и ничего о ней не слышал. Не знаю даже ее имени.

Я перечел рукопись уже три раза, однако так и не понял, что с ней делать.

Я неверующий, но, как и любой человек, хотел бы верить в то, что смерть — нечто большее, чем забвение. И все же навряд ли смогу принять эту историю за чистую монету. Я по-прежнему считаю, что это не более чем выдумка.

Правда, там присутствуют реальные факты. Факты из жизни моего брата и его семьи, едва ли известные той женщине — если только не предположить, что перед написанием рукописи она посвятила несколько месяцев утомительным и дорогостоящим расследованиям, касающимся жизни нашей семьи. Но какой в этом смысл? Какая ей выгода от подобных действий?

В голове у меня роятся вопросы по поводу этой книги. Не стану их перечислять, а дам возможность читателю поставить свои собственные. Лишь в одном я уверен. Если в рукописи изложена правда, нам всем надлежит пересмотреть свою жизнь. И очень основательно.

Роберт Нильсен
Ислип, Нью-Йорк,
январь 1978 г.

Смертный сон

Наплыв мелькающих образов

Есть такое выражение — «Начни с начала». Я не могу этого сделать. Начну с конца — с завершения моей жизни на земле. Излагаю так, как все произошло — и что случилось после.

Замечание по поводу этого текста. Роберт, ты уже знаком с моим стилем изложения. Этот текст может тебе показаться иным. Причина в том, что меня ограничивает мой интерпретатор. Мои мысли должны пройти через ее сознание — без этого мне не обойтись. Не все зерна проходят сквозь сито. Не суди меня строго за упрощенность. Особенно вначале.

Мы оба делаем все, что в наших силах.

Слава богу, в тот вечер я был один. Обычно со мной в кино ходил Йен. Дважды в неделю — из-за моей работы, ты же понимаешь.

В тот вечер он не пошел. Выступал в школьной пьесе. И снова скажу — слава богу.

Я пошел в кинотеатр около торгового центра. Не могу вспомнить название. Тот большой, который разделили на два. Спроси у Йена, как называется.

Я вышел из кино после одиннадцати. Сел в машину и поехал на площадку для гольфа. Маленькую, для детей. Не могу объяснить. Ну ладно. Попытаюсь сказать по буквам, медленно: м-и-н-и-гольф. Хорошо. Получилось.

По улице шел поток машин. Нет, не по улице, по пр…о-спекту. Неточно, но сойдет. Я подумал, что проскочу, и выехал из своего ряда на обгон. Пришлось затормозить — навстречу неслась машина. Места для объезда было достаточно, но она все же врезалась мне в левое переднее крыло, отчего мою машину развернуло.

Меня тряхнуло, но на мне был пояс безопасности. Не пояс. Р-е-м-е-н-ь. Я не был бы сильно ранен, если бы не фургон, врезавшийся в правое заднее крыло моей машины и ударивший вдоль осевой линии. С другой стороны приближался грузовик. Ударил мою машину в лоб. Послышался скрежещущий грохот, звон разбитого стекла. Я сильно ударился головой, и свет померк у меня перед глазами. На миг мне показалось, что я вижу себя без сознания, истекающим кровью. Потом наступила темнота.

Я снова пришел в себя. Боль была нестерпимой. Я слышал свое дыхание, этот ужасный звук. Затрудненное поверхностное дыхание с редкими

булькающими вздохами. Мои ступни были ледяными. Я это помню.

Постепенно я понял, что нахожусь в комнате. Думаю, там были люди. Что-то мешало мне в этом увериться. Упоительное. Нет, не то. Произнесу медленно: у-с-п-о-к-о… успокоительное.

Я начал различать чей-то шепот. Но слов было не разобрать. На краткий миг я увидел очертания фигуры. Глаза мои были закрыты, но я видел ее. Я не мог различить, мужчина это или женщина, но понимал, что человек со мной разговаривает. Когда я перестал слышать слова, фигура удалилась.

Возникла другая боль, на этот раз в моем сознании, и она все росла. Казалось, я настраиваюсь на нее, как на радиоволну. Боль была не моя, а Энн. Она плакала от страха. Потому что я был ранен. Она за меня боялась. Я чувствовал ее боль. Она ужасно страдала. Я тщетно пытался произнести ее имя. «Не плачь, — думал я. — Я поправлюсь. Не бойся. Я люблю тебя, Энн. Где ты?»

В тот же миг я оказался дома. Был воскресный вечер. Все мы собрались в гостиной, разговаривали и смеялись. Энн сидела рядом со мной, возле нее — Йен. Рядом с Йеном — Ричард, Мэри — на другом краю дивана. Я обнял Энн одной рукой,

она прижалась ко мне, такая теплая. Я поцеловал ее в щеку. Мы улыбнулись друг другу. Был воскресный вечер — покойный и идиллический, когда все собрались вместе.

Я почувствовал, что начинаю подниматься из мрака. Я лежал на кровати. Боль вернулась, пронизывая все мое существо. Никогда прежде не испытывал я подобной боли. Я понимал, что исчезаю. Да, именно исчезаю.

Тут я услышал ужасающий звук. Хрип в горле. Я молил Бога, чтобы поблизости не было Энн с детьми и чтобы они этого не услышали. Эти звуки привели бы их в ужас. Я просил Бога не позволить им услышать этот жуткий звук, оградить их от этого ужаса.

И тогда мне на ум пришла мысль: «Крис, ты умираешь». Я изо всех сил пытался вздохнуть, но воздуху мешала пройти жидкость в дыхательном горле. Я чувствовал себя раздувшимся и вялым, погруженным в какую-то вязкую среду.

У постели опять кто-то появился. Та же фигура.

— Не противься, Крис, — услышал я.

Я рассердился на эти слова. Кто бы ни были эти призраки, они хотели моей смерти. Я этому сопротивлялся. Не поддамся. Энн! Я мысленно ее звал: «Не отпускай меня! Не дай мне уйти!»

И все же я ускользал. «Я получил слишком серьезные повреждения», — с ужасом подумал я. Меня одолевала слабость. Потом появилось странное ощущение. Щекотание. Понимаю, что это необычно. Смешно. Но я это чувствовал. Во всем теле.

И еще одно новое ощущение. Я лежал не в постели, а в люльке. Я чувствовал, как она раскачивается взад-вперед, взад-вперед. Но постепенно до меня дошло. Я не лежал в люльке, и кровать не раскачивалась. Качалось взад-вперед мое тело. Из моего нутра доносилось легкое потрескивание. Те звуки, что слышишь при медленном снятии бинтов. Боль уменьшилась. Она постепенно утихала.

Испугавшись, я попытался восстановить боль. Через несколько мгновений она вернулась, еще более нестерпимая. Агонизируя, я за нее цеплялся. Боль означала, что я еще жив. «Не поддамся! Энн!» Мой рассудок с мольбой взывал к ней: «Не отпускай меня!»

Бесполезно. Я чувствовал, как жизнь вытекает из меня, вновь слышал эти звуки, теперь раздававшиеся громче: словно разрывались сотни тонких нитей. Вкус и обоняние пропали. Ступни, пальцы ног потеряли чувствительность. Оне-

мение стало подниматься по ногам. Я пытался вновь обрести чувствительность, но не мог. Мой желудок и грудь заполняло что-то холодное. Потом оно охватило льдом мое сердце. Я чувствовал, как медленно-медленно, с глухим шумом бьется мое сердце, словно барабан в похоронной процессии.

Я вдруг представил себе, что происходит в соседней комнате. Я видел лежащую там пожилую женщину с разметавшимися по подушке прядями седых волос. Пожелтевшая кожа и усохшие руки, напоминающие птичьи лапы: рак желудка. Кто-то сидел рядом с ней, тихо разговаривая. Дочь. Я решил, что не хочу это видеть.

Я тотчас же покинул ту комнату и вновь оказался в своей. Теперь боль почти прошла. Как ни пытался, я не мог ее восстановить. Потом я услышал жужжание — да, жужжание. Нити по-прежнему продолжали рваться. Я чувствовал, как скручивается конец каждой оторванной нити.

Снова зашевелилось холодное «нечто». Оно перемещалось до тех пор, пока не сосредоточилось в моей голове. Все остальное во мне онемело. «Ну пожалуйста!» Я звал на помощь. Но голоса не было; мой язык был парализован. Я чувство-

вал, как мое существо втягивается внутрь, полностью сосредоточиваясь в голове. Сжимались облачка… Нет, попробую еще раз. О-б-о-лочки. Да. Выталкивались и двигались к центру — все сразу.

Я начал выдвигаться из отверстия в голове. Послышались жужжание и звон; что-то очень быстро мчалось, как поток через узкое ущелье. Я почувствовал, что начинаю подниматься. Я был пузырем, качающимся вверх-вниз. Мне показалось, я увидел над собой бесконечный темный туннель. Я перевернулся, посмотрел вниз и с изумлением обнаружил свое тело, лежащее на кровати. Забинтованное и неподвижное. С подведенными к нему пластмассовыми трубками. Я был соединен с ним шнуром, отсвечивающим серебром. Этот тонкий шнур входил в мое тело на макушке. «Серебряный шнур, — подумал я. — Бог мой, серебряный шнур». Я понимал, что это единственное, что поддерживает во мне жизнь.

Наступил резкий перелом, и я увидел, как начали судорожно подергиваться мои руки и ноги. Дыхание почти остановилось. Лицо мое исказилось агонией. И снова я стал бороться — чтобы спуститься вниз и вернуться в свое тело. Нет,

не пойду! Я слышал, как кричит мой рассудок: «Энн, помоги мне! Пожалуйста! Мы должны быть вместе!»

Я заставил себя посмотреть вниз и стал разглядывать свое лицо. Губы были фиолетовыми, на коже виднелись мелкие капельки пота. Я видел, как начинают набухать вены на шее. Мышцы задергались. Я изо всех сил пытался вернуться обратно в тело. «Энн! — обращался я к ней. — Пожалуйста, позови меня, чтобы я остался с тобой!»

И чудо произошло. Мое тело наполнилось жизнью, кожа приобрела здоровый оттенок, на лице появилось выражение покоя. Я возблагодарил Бога. Энн и детям не придется видеть меня таким, каким я недавно был. Понимаешь, я подумал, что возвращаюсь.

Но это было не так. Я увидел свое тело в разноцветном мешке с приделанным к нему серебряным шнуром. Потом почувствовал, словно что-то роняю, услышал громкий треск — будто разорвалась гигантская резиновая лента — и ощутил, что начинаю подниматься.

Потом взгляд в прошлое. Да, именно так. Ретроспектива — как в кино, но гораздо быстрее. Ты много раз слышал фразу: «Перед ним про-

мелькнула вся его жизнь». Роберт, это правда. Так быстро, что я не мог уследить, и в обратном порядке. Дни перед несчастным случаем, жизнь детей вплоть до рождения, моя женитьба на Энн, моя писательская карьера. Колледж, Вторая мировая война, средняя школа, начальная школа, мое детство и младенчество. Каждое мгновение жизни с 1974-го до 1927-го. Каждое движение, мысль, чувство, каждое произнесенное слово. Я все это увидел. Наплыв мелькающих образов.

Видеть сон о сне

Я резко сел в постели и рассмеялся. Это был всего лишь сон! Я ощущал необыкновенный подъем, все чувства были обострены. «Невероятно, — думал я, — до чего реальным может быть сон».

Но с моим зрением что-то случилось. Оглядываясь по сторонам, я видел все размытым, а дальше десяти футов не видел почти ничего.

Комната казалась знакомой: стены, оштукатуренный потолок. Пятнадцать футов на двенадцать. Бежевые шторы в коричневую и оранжевую полоску. Я увидел подвешенный под потолком цветной телевизор. Слева от меня — кресло с оранжево-красной обивкой под кожу и с подлокотниками из нержавеющей стали. Ковровое покрытие того же оранжево-красного цвета.

Теперь я понял, почему предметы выглядели размытыми. Комната была заполнена дымом. Правда, запаха не чувствовалось; мне это показалось странным. И тут я понял окончательно. Несчастный случай. Я повредил глаза. Но меня это не обескуражило. Облегчение при мысли, что я еще жив, свело на нет возникшее беспокойство.

«Но сначала — самое главное, — подумал я. — Надо разыскать Энн и сказать ей, что со мной все в порядке, прекратить ее муки». Я спустил ноги с кровати и встал. Прикроватный столик был из металла, покрашен бежевой краской, верх, как в нашей кухне, из пластика. Скажу по буквам: ф-о-р-м-а-й-к-а. Я увидел нишу с раковиной. Знаешь, краны напоминали головки клюшек для гольфа. Над раковиной висело зеркало. У меня перед глазами был туман, и я не увидел своего отражения.

Я хотел подойти к раковине, но должен был остановиться, потому что вошла медсестра. Она шла прямо ко мне, и я отступил в сторону. Она даже не посмотрела на меня, а лишь охнула и поспешила к кровати. Там лежал мужчина с разинутым ртом и пепельно-бледной кожей. Он был сильно перебинтован, и к его телу тянулись многочисленные трубочки.

Я с удивлением обернулся, когда медсестра выбежала из комнаты. Я не расслышал, что именно она прокричала.

Я подошел к мужчине поближе и понял, что он, вероятно, мертв. Странно, почему же кто-то оказался в моей постели? Что это за больница, в которой укладывают в одну кровать двух па-

циентов?

Странно. Я наклонился, чтобы его рассмотреть. Его лицо очень напоминало мое. Я покачал головой. Это невозможно. Я взглянул на его левую руку. На пальце было в точности такое же обручальное кольцо, что и у меня. Как это возможно?

В желудке появилось ощущение болезненного холода. Я попытался стянуть с лежащего тела простыню, но не смог. У меня почему-то пропало осязание. Я продолжал свои попытки, пока не увидел, что мои пальцы проходят сквозь простыню, и я с отвращением отдернул руку. «Нет, это не я», — сказал я себе. Как такое может быть, раз я все еще жив? У меня даже болело тело. Подтверждение того, что я жив.

Когда в комнату вбежали два врача, я резко повернулся, отступив назад, чтобы дать им подойти к телу.

Один из них начал делать мужчине искусственное дыхание рот в рот. Другой держал шприц для поднож… по буквам: п-о-д-к-о-ж-н-ы-х инъекций; верно. Я смотрел, как он вводит иглу в плоть мужчины. Потом вбежала медсестра, толкая перед собой какую-то установку на колесиках. Один из врачей прижал к голой груди человека два толстых металлических стержня, и тот задер-

гался. Теперь я знал, что между этим мужчиной и мной нет ничего общего, поскольку я ничего не почувствовал.

Их усилия ни к чему не привели. Бедняга был мертв. «Плохо, — подумал я. — Его семья будет горевать». Это навело меня на мысли об Энн и детях. Я должен их найти и ободрить. Особенно Энн; я знал, в каком ужасе она пребывает. Моя бедная, милая Энн.

Я повернулся и направился в сторону двери. Справа была ванная комната. Заглянув в нее, я увидел туалет, выключатель, а также красную лампочку и кнопку с нанесенными под ней словами «Вызов персонала».

Выйдя в коридор, я сразу узнал это место. Да, разумеется. Карточка в моем бумажнике предписывала доставить меня сюда при несчастном случае. Госпиталь «Моушн пикча» в Вудленд-Хиллз.

Я остановился и попытался осмыслить происходящее. Произошел несчастный случай, меня доставили сюда. Тогда почему я не в постели? Но я же был в постели. В той самой, в которой лежал теперь мертвец. Человек, очень похожий на меня. Всему этому должно найтись какое-то объяснение. Но я никак не мог его найти. У меня в мыслях не было ясности.

Наконец ответ нашелся. Я не был уверен, что он правильный, но ничего другого на ум не приходило. Мне пришлось его принять, по крайней мере в тот момент.

«Меня оперировали под анестезией. Все происходит у меня в голове». Ответ должен был быть таким. Все остальное не имело смысла.

«И что теперь?» — думал я. Несмотря на душевные страдания от происходящего, надо было улыбаться. Если все происходило в моей голове, разве не мог я все контролировать?

«Правильно, — подумал я. — Я сделаю именно то, что намеревался». А намеревался я найти Энн.

Подумав об этом, я увидел другого врача, который бежал по коридору мне навстречу. Мне захотелось его остановить, но моя протянутая рука прошла сквозь его плечо. «Не важно, — сказал я себе. — По существу, это мне снится. Во сне могут происходить любые странности».

Я пошел по коридору. Проходя мимо какой-то комнаты, я увидел на двери зеленую табличку с надписью белыми буквами: НЕ КУРИТЬ! ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КИСЛОРОД. «Необычный сон», — подумал я. Мне никогда раньше не удавалось читать во сне: когда я пытался, буквы сливались.

А эта надпись была вполне различимой, хотя и несколько размытой.

«Разумеется, это не совсем сон, — говорил я себе, пытаясь найти ему объяснение. — Быть под наркозом — не то же самое, что спать». Я кивнул, соглашаясь с этим объяснением, и продолжал идти дальше. Энн должна быть в комнате ожидания. Я мысленно убеждал ее не волноваться, успокаивал. Ее страдания воспринимались мною как собственные.

Проходя мимо сестринского поста, я слышал разговор медсестер, но не пытался с ними заговорить. Ведь все происходило у меня в голове. Приходилось с этим примириться и принять правила. Ладно, может, это и не сон — но проще было считать происходящее сном. Пусть сон — под наркозом.

«Подожди, — сказал я себе, останавливаясь. — Сон это или нет, нельзя разгуливать в больничной пижаме». Я окинул себя взглядом и с удивлением увидел одежду, которая была на мне во время несчастного случая. «Где же кровь?» — спрашивал я себя. На миг я увидел себя самого, без сознания, истекающего кровью в момент катастрофы.

И тут я возьми… Нет! Прошу прощения за нетер-

пение. В-о-з-л-и-к-о-в-а-л. Почему? Потому что, несмотря на замедленность мышления, пришел к одному выводу. Я никак не мог быть тем человеком в кровати. Он был в больничной пижаме, перебинтованный, с подведенными трубками. А я одет, без бинтов и могу перемещаться. Ничего общего.

Ко мне приближался мужчина в уличной одежде. Я ожидал, что он пройдет мимо меня. Вместо этого он, к моему изумлению, останавливая меня, положил руку мне на плечо. Я чувствовал каждый его палец, надавливающий на кожу.

— Ты еще не знаешь, что случилось? — спросил он.

— Случилось?

— Да. — Он кивнул. — Ты умер.

Я с отвращением посмотрел на него.

— Это абсурд, — сказал я.

— Это правда.

— Если бы я умер, то не мог бы размышлять, — заявил я. — И не мог бы с вами разговаривать.

— Тут все по-другому, — настаивал он.

— Умер тот пациент в палате, а не я, — возразил я. — Я сейчас под наркозом, и меня оперируют. В сущности, я сплю. — Я был доволен своими умозаключениями.

— Нет, Крис, — сказал он.

У меня мороз пошел по коже. Откуда он знает мое имя? Я стал пристально в него всматриваться. Я что, его знаю? И поэтому он появился в моем сне?

Нет, вовсе нет. Я испытывал к нему неприязнь. Во всяком случае, я подумал (несмотря на досаду, эта мысль вызвала у меня улыбку), что это мой, и только мой сон и появившийся человек не имеет к нему никакого отношения.

— Идите и разыщите свой сон, — сказал я, испытывая удовлетворение от своей остроумной реплики.

— Если не веришь мне, Крис, — сказал он мне, — посмотри в комнате ожидания. Там твоя жена и дети. Им еще не сообщили, что ты умер.

— Постойте минутку, постойте. — Я стал тыкать в него пальцем. — Это ведь вы сказали, чтобы я не противился?

Он хотел было ответить, но я был так разъярен, что не дал ему говорить.

— Я устал от вас и от этого дурацкого места, — сказал я. — Я иду домой.

В тот же миг что-то сорвало меня с места. Ощущение было такое, словно мое тело заключили в металлический кожух и его притянул к себе

находящийся на удалении магнит. Я пронесся по воздуху так быстро, что не успел ничего увидеть и услышать.

Все кончилось так же неожиданно, как началось. Я стоял в тумане, осматриваясь по сторонам, но нигде ничего не видя. В конце концов я решил, что надо что-то делать, и пошел, медленно перемещаясь во мгле. Там и сям, казалось, мелькали силуэты людей. Правда, когда я пытался их рассмотреть, они расплывались. Я едва не окликнул одного из них, но потом передумал. Хозяином этого сна был я. Нельзя позволить ему меня одолеть.

Я попытался отвлечься, представив себе, что я опять в Лондоне. Помнишь, как я туда ездил в 1957-м, чтобы написать сценарий? Стоял ноябрь, и я не единожды попадал в туманы вроде этого — настоящий «гороховый суп». Правда, этот туман был даже гуще. Мне казалось, я нахожусь под водой, ощущая повсюду сырость.

Наконец я разглядел сквозь туман наш дом. Эта картина успокоила меня по двум причинам. Во-первых, сам его вид. Во-вторых, то, что я добрался туда так быстро. Такое могло случиться только во сне.

На меня неожиданно нашло вдохновение.

Я тебе уже говорил о том, как болело мое тело. Несмотря на то что это был сон, я все же ощущал боль. Итак, я сказал себе, что поскольку боль порождена сном, не обязательно ее испытывать. Роберт, при этой мысли боль прошла. Ее сменили чувства облегчения и удовольствия. Разве это не доказательство того, что все происходило во сне?

Тогда я вспомнил, как, сидя недавно на больничной койке, я рассмеялся при мысли о том, что все это сон. Это и был именно сон. Точка.

И вот я без всякого перемещения оказался в прихожей нашей квартиры. «Сон», — подумал я и с удовлетворением кивнул. Я оглянулся вокруг; перед глазами по-прежнему все расплывалось. «Подожди, — размышлял я. — Тебе удалось ослабить боль, почему бы не исправить зрение?»

Но ничего не произошло. Все, что было дальше десяти футов, скрывалось за какой-то пеленой.

Я повернулся на клацающий звук когтей по кухонному полу. В прихожую вбежала Джинджер; ты ведь помнишь, это наша немецкая овчарка. Увидев меня, она принялась скакать от радости. Я назвал собаку по имени, радуясь, что вижу ее. Наклонившись, я стал гладить ее по голове

и увидел, что моя рука глубоко уходит в ее череп. С визгом отскочив, она в ужасе помчалась прочь, с плотно прижатыми к голове ушами и стоящей дыбом шерстью, а по дороге сильно ударилась о дверной косяк.

— Джинджер, — позвал я, отгоняя от себя страх, — иди сюда.

Ну почему она так глупо себя ведет? Я пошел за ней и увидел, что она, обезумев, скользит по кухонному полу, пытаясь убежать.

— Джинджер! — закричал я.

Я готов был на нее разозлиться, но она была так напугана, что я не смог. Она пробежала через гостиную и нырнула под щиток собачьей дверцы.

Я хотел пойти за ней, но потом передумал. Нельзя было позволить ввести себя в заблуждение этому сну, каким бы безумным он ни казался. Я повернулся и позвал Энн.

Никто не ответил на мой зов. Осмотрев кухню, я увидел, что включена кофеварка — горели две красные лампочки. Стеклянный кофейник на подложке был почти пуст. Я выдавил из себя улыбку. «Как всегда», — подумал я. Через несколько мгновений дом про… п-р-о-п-и-т-а-е-т-с-я вонью жженого кофе. Я в рассеянности потянулся, чтобы выдернуть вилку. Моя рука

прошла через провод, и я весь сжался, но потом заставил себя улыбнуться. «Во сне всегда все делаешь не так», — напомнил я себе.

Я стал обследовать дом. Наша спальня и ванная. Комнаты Йена и Мэри, их общая ванная комната. Комната Ричарда. Я не обращал внимания на туман перед глазами. Я решил, что это не важно.

Что я был не в состоянии проигнорировать, так это возрастающую вялость. Сон это был или нет, но мое тело казалось мне оцепеневшим. Я вернулся в нашу спальню и сел на свою сторону кровати. Мне стало немного не по себе, потому что кровать подо мной не продавилась — а матрац был водяным. «Брось, — сказал я себе, — сон есть сон. Они безумны, вот и все».

Я взглянул на радиоприемник с часами, наклонившись поближе, чтобы рассмотреть стрелки и цифры. Шесть пятьдесят три.

Я бросил взгляд через стеклянную дверь. Снаружи брезжил свет. И все же как могло быть утро, если дом пустой? В это время все мои должны были бы спать.

«Не важно, — сказал я себе, тщетно пытаясь сложить все в уме. — Тебя оперируют. Это лишь сон. Энн с детьми сейчас в больнице, ждут…»

Меня вдруг смутила еще одна вещь. Я действительно был в больнице? Или это тоже было частью сна? Может, несчастного случая вовсе не было? Так много разных вариантов, каждый из которых влияет на следующий. Вот если бы голова моя прояснилась. Но я плохо соображал. Словно выпил спиртного или принял успокоительное.

Я лег на постель и закрыл глаза. Это было единственное, что мне оставалось делать, — я это понимал. Скоро я проснусь и узнаю правду: находился ли я в больнице под наркозом или видел сон в своей постели.

Я надеялся на последнее, потому что в этом случае я должен был проснуться и увидеть лежащую рядом Энн и рассказать ей, какой дурацкий сон мне приснился. Держать в объятиях ее теплое, родное тело и нежно целовать, со смехом рассказывая о том, до чего это странно — видеть сон о сне.

Бесконечный страшный сон

Я был измотан, но спать не мог, потому что слышал, как плачет Энн. Я попытался встать, чтобы успокоить ее. Но вместо этого оказался в подвешенном состоянии между темнотой и светом.

— Не плачь, — слышал я собственное бормотание. — Скоро я проснусь и буду с тобой. Дай мне только немного поспать. Не плачь, пожалуйста; все хорошо, любимая. Я о тебе позабочусь.

В конце концов мне пришлось открыть глаза. Я не лежал на постели, а стоял в тумане. Потом медленно двинулся в ту сторону, откуда доносились рыдания. Я очень устал, Роберт, и еле держался на ногах. Но не мог позволить Энн плакать. Надо было выяснить, что случилось, и прекратить это, чтобы она не плакала так горько. Я был не в силах вынести ее отчаяние.

Я оказался в церкви, которую никогда раньше не видел. Все скамьи были заняты людьми. Серые фигуры, лиц не различить. Я пошел по центральному проходу, пытаясь понять, почему оказался здесь. Что это за церковь? И почему оттуда доносятся рыдания Энн?

Я увидел ее, сидящую в первом ряду, одетую

в черное. Справа Ричард, слева Мэри и Йен. Рядом с Ричардом я заметил Луизу и ее мужа. Все они были в черном. Я видел их более отчетливо, чем других людей в церкви, но даже и они казались размытыми, как призраки. Я по-прежнему слышал рыдания, хотя Энн молчала. «Это в ее сознании, — дошло до меня, — а наши сознания настолько близки, что я их слышу». Я поспешил к ней, чтобы успокоить.

Я встал перед ней.

— Я здесь, — сказал я.

Она все смотрела вперед, словно я ничего не сказал, словно меня там не было. Никто из них на меня не смотрел. Смущало ли их мое присутствие, отчего они делали вид, что меня не замечают? Я осмотрел себя. Возможно, дело в моем костюме. Не слишком ли он поношенный? Пожалуй, да, хотя я не был в этом уверен.

Я вновь поднял глаза.

— Ладно, — сказал я. Мне было трудно говорить; язык не слушался. — Ладно, — медленно повторил я. — Я одет неподобающе. И я опоздал. Но это не значит… — Голос мой прервался, потому что Энн по-прежнему смотрела перед собой. Я мог быть невидимым. — Пожалуйста, Энн, — с отчаянием проговорил я.

Она не шевельнулась и даже не моргнула. Я вытянул руку, чтобы коснуться ее плеча.

Она дернулась, подняла глаза и побледнела.

— Что случилось? — спросил я.

Ее невидимые слезы вдруг проявились на лице, и она поднесла ладонь к глазам, чтобы их скрыть, стараясь подавить рыдания. Я ощутил тупую боль в голове. «Что случилось?» — думал я.

— Энн, что произошло? — взывал я к ней.

Не ответив, она взглянула на Ричарда. Лицо его словно окаменело, по щекам сбегали слезы.

— Ричард, что происходит? — спросил я.

Мои слова прозвучали невнятно, словно я был пьян.

Он не ответил и посмотрел на Йена.

— Будь добр, скажи мне, — попросил я.

Глядя на него, я ощутил боль. Он тихо рыдал, притрагиваясь к щекам трясущимися пальцами, пытаясь смахнуть слезы, капающие из глаз. «Что, во имя Бога, происходит?» — думал я.

Потом я понял. Разумеется. Сон: он все еще продолжается. «Я был в больнице, и меня оперировали — нет, я спал в своей постели и видел сон — так или иначе!» — проносилось у меня в голове. Сон продолжался и теперь включал в себя мои похороны.

Мне пришлось отвернуться; невозможно было видеть, как плачут близкие мне люди. «Ненавижу этот глупый сон! — думал я. — Когда же он кончится?»

Для меня было мучением отвернуться от Энн и детей, когда прямо у себя за спиной я слышал их рыдания. Мне отчаянно хотелось обернуться и успокоить их. Правда, ради чего? В моем сне они оплакивали мою смерть. Какой смысл было мне что-то говорить, если они считали меня умершим?

Надо подумать о чем-нибудь другом — это был единственный ответ. Сон изменится, они быстро меняются. Я пошел в сторону алтаря, откуда доносился монотонный голос. «Священник», — подумал я. Я заставил себя взглянуть на это с юмором. «Забавно», — сказал я себе. Скольким посчастливилось, пусть даже и во сне, услышать в свой адрес хвалебную надгробную речь?

Теперь я различил за кафедрой расплывчатый серый силуэт. Голос духовника звучал гулко и отдаленно. «Надеюсь, мне устроят королевские проводы», — с горечью подумал я.

— Вот он, — произнес голос.

Я огляделся по сторонам. Опять тот человек, которого я видел в больнице. Казалось странным,

что из всех встреченных мною людей именно его я видел яснее всего.

— Вижу, вы еще не нашли свой сон, — сказал я.

Странно также, что с ним я говорил без усилия.

— Крис, постарайся понять, — начал он. — Это не сон. Это правда. Ты умер.

— Может, вы оставите меня в покое?

Я собирался уже от него отвернуться.

Он снова ухватил меня за плечо, сильно нажимая пальцами на кожу. Это тоже было странно.

— Крис, разве не видишь? — спросил он. — Твоя жена и дети в черном. Церковь. Священник, произносящий надгробную речь!

— Убедительный сон, — подытожил я.

Он покачал головой.

— Дайте мне пройти, — с угрозой произнес я. — Я не обязан это выслушивать.

Он продолжал
крепко меня держать; мне не удавалось вырваться.

— Пойдем со мной, — сказал он. Он подвел меня к возвышению, на котором стоял гроб на опорах. — Там твое тело.

— Неужели? — холодно произнес я.

Крышка гроба была закрыта. Откуда он узнал, что я там?

— Если попробуешь заглянуть внутрь — увидишь, — ответил он.

Неожиданно я почувствовал, что начинаю дрожать. Я действительно мог бы заглянуть в гроб, если бы захотел. Я вдруг это понял.

— Я не стану этого делать, — сказал я и, вырвавшись от него, отвернулся. — Это сон, — прибавил я, бросив взгляд через плечо. — Может быть, вы этого не понимаете, но…

— Если это сон, — прервал он меня, — почему ты не попытаешься проснуться?

Я повернулся и взглянул на него.

— Хорошо, именно это я и сделаю, — пообещал я. — Благодарю за совет.

Я закрыл глаза. «Ладно, ты слышал этого человека, — сказал я себе. — Проснись. Он посоветовал тебе, что надо делать. Теперь сделай это».

Я услышал, как рыдания Энн становятся громче.

— Не надо, — сказал я. Мне было этого не вынести.

Я попятился назад, но тягостные звуки меня преследовали. Я стиснул зубы. «Это сон, и ты немедленно от него пробудишься», — твердил я себе. В любой момент я могу проснуться, как от толчка, дрожащий, в поту. Энн с сочув-

ствием произнесет мое имя, потом обнимет, станет ласкать, скажет…

Рыдания становились все громче. Я зажал оба уха ладонями, чтобы ничего не слышать.

— Проснись, — сказал я, как мне показалось, громко. И повторил с горячей решимостью: — Проснись!

Мои усилия были вознаграждены неожиданной тишиной. Я это сделал! В приливе радости я открыл глаза.

Я очутился в передней нашего дома. Я совершенно не понимал, каким образом.

Потом я снова увидел туман, четкость зрения пропала. И я различал лишь силуэты людей в гостиной. Серые и блеклые, собравшиеся стояли и сидели небольшими группами, невнятно говоря что-то, чего я не мог расслышать.

Я вошел в гостиную, миновав группу людей. Их лица были размыты, и я не смог узнать ни одного. «По-прежнему сон», — подумал я, продолжая цепляться за эту мысль.

Я прошел мимо Луизы и Боба. Они на меня не взглянули. «Не пытайся с ними разговаривать, — внушал я себе. — Считай, что это сон. Иди дальше». Я вошел в бар, двигаясь в сторону семейной гостиной.

Ричард, стоя за стойкой бара, разливал спиртное. Я ощутил приступ негодования. Пить в такое время! И тут же отбросил эту мысль. В какое такое? Я отругал себя. Никакого особого времени не было. Просто печальное сборище людей, приснившееся в унылом, тягостном сне.

На ходу я мельком замечал других людей. Билл, старший брат Энн, его жена Патриция. Ее отец и мачеха, младший брат Фил с женой Андреа. Я пытался улыбаться.

«Как же, — говорил я себе, — во сне ты все делаешь правильно, ничего не упускаешь». Собралась вся семья Энн из Сан-Франциско. «А где же моя семья?» — недоумевал я. Безусловно, и они могли мне здесь присниться. Разве во сне имеет значение то, что они находятся за три тысячи миль отсюда?

Именно в этот момент в голову мне пришла новая мысль: а не мог ли я потерять рассудок? Возможно, во время аварии пострадал мой мозг. Вот это мысль! Я ухватился за нее. Повреждение мозга: причудливые, искаженные образы. Проходит не просто рядовая операция, а нечто более сложное. В то время как я, невидимый, брожу среди этих призраков, возможно, хирурги обследуют мой мозг, пытаясь восстановить его функции.

Это не помогло. Несмотря на логичность этой мысли, я начал испытывать обиду. Все собравшиеся совершенно меня игнорировали. Я остановился перед одним из них, безликий, безымянный.

— Черт возьми, даже во сне люди с тобой разговаривают, — сказал я и попытался схватить его за руку.

Мои пальцы прошли сквозь его плоть, словно она была из воды. Я огляделся и увидел семейный стол. Подойдя к нему, я сделал попытку взять один из стаканов и швырнуть его в стену. Это было все равно что пытаться схватить воздух. Во мне вдруг проснулся гнев. Я закричал:

— Черт побери, это мой сон! Послушайте меня!

Из горла моего вырвался какой-то натужный смех. «Послушай себя, — подумал я. — Ты ведешь себя так, словно все происходит в действительности. Принимай все как есть, Нильсен. Это сон».

Оставив всех позади, я устремился по коридору. Передо мной оказался Джон, дядюшка Энн, рассматривающий какие-то фотографии на стенах. Я прошел сквозь него, ничего не почувствовав. «Перестань, — приказал я себе. — Не имеет значения».

Дверь нашей спальни была закрыта. Я прошел сквозь нее.

— Безумие, — пробормотал я.

Даже во сне я никогда раньше не проходил сквозь двери.

Мне стало чуть спокойнее, когда я подошел к кровати и взглянул на Энн. Она лежала на своей левой стороне, уставившись на стеклянную дверь. На ней было то же черное платье, что и в церкви. Туфли она сняла. Ее глаза покраснели от слез.

Рядом с ней сидел Йен, держа ее за руку. По его щекам струились слезы. Я испытал к нему прилив нежности. Он такой милый и чуткий мальчик, Роберт! Я наклонился, чтобы погладить сына по голове.

Он огляделся по сторонам, и на один миг мне показалось, что он смотрит на меня, видит меня — тогда сердце мое чуть не остановилось.

— Йен, — пролепетал я.

Он снова взглянул на Энн.

— Мама? — сказал он.

Она не ответила.

Он вновь заговорил, и ее взгляд медленно переместился на его лицо.

— Я знаю, это кажется безумием, — сказал он, — но… у меня такое чувство, словно папа с нами.

Я быстро взглянул на Энн. Она не отрываясь

смотрела на Йена все с тем же выражением.

— То есть прямо здесь, — сказал он ей. — Сейчас.

Улыбка ее была вымученной, но ласковой.

— Я знаю, ты хочешь мне помочь, — сказала она.

— Я правда это чувствую, мама.

Ее сотрясали рыдания; она была не в состоянии ответить.

— О боже, — прошептала она, — Крис…

Я опустился на пол рядом с кроватью и попытался прикоснуться к лицу жены.

— Энн, не надо… — начал я.

Прервав свои попытки, я со стоном отвернулся. Видеть, как мои пальцы утопают в ее плоти…

— Йен, мне страшно, — промолвила Энн.

Я быстро повернулся к ней. Последний раз я видел такое выражение на ее лице, когда однажды вечером шестилетний Йен пропал на три часа, — выражение беспомощного, парализующего страха.

— Энн, я здесь! — почти заорал я. — Я здесь. Смерть — не то, что ты думаешь!

Ужас застал меня врасплох. «Я не имел этого в виду!» — кричал мой рассудок. Но слова уже было не вернуть назад. Я позволил себе это до-

пустить.

Я старался вытеснить из сознания страшное слово, сконцентрировавшись на Энн и Йене. Но вставал непрошеный вопрос, от которого было не спрятаться. Что, если тот человек говорил правду? Что, если это не сон?

Я пытался отступить. Невозможно — путь назад был заблокирован. Я гневно сопротивлялся. И что теперь, если я об этом подумал? Просто предположил такую возможность? Ведь не было никаких доказательств!

Так-то лучше. Я стал мстительно опровергать свои измышления, ощупывая собственное тело.

«И это смерть? — насмешливо выговаривал я. — Плоть и кости? Смешно!» Возможно, это не сон — такое я мог допустить. Но уж точно не смерть.

Эти раздумья вдруг меня опустошили. И снова тело мое словно окаменело. «Опять?» — подумал я.

Ну и ладно. Я постарался выкинуть все из головы. Я лег на свою сторону кровати и взглянул на Энн. Меня лишало присутствия духа то, что она лежит со мной лицом к лицу, глядя сквозь меня, как через окно.

«Закрой глаза, — говорил я себе. — Спрячься

в сон. Никаких доказательств нет. Это все-таки может быть сон». Но Господи, добрый Бог на небесах, если это сон, я ненавидел в нем все. «Пожалуйста, — взывал я к силам, которые могли бы меня защитить. — Освободите меня от этого бесконечного страшного сна».

Знать, что я все еще существую!

Воспарив, словно подвешенный, в безмолвной, засасывающей пустоте, я поднимался вверх на несколько дюймов, потом опускался. Так ли чувствует себя ребенок перед рождением, плавая в жидком сумраке?

Нет, в утробе матери не слышался бы плач. Меня не одолевала бы печаль. Во сне я бормотал, мечтая успокоиться, нуждаясь в этом покое, но желая также проснуться ради Энн. «Милая, все хорошо». Я, должно быть, сотню раз произнес эти слова перед пробуждением.

Мои глаза под отяжелевшими веками с трудом открылись.

Она лежала, спящая, рядом со мной. Вздохнув, я нежно ей улыбнулся. Сон окончился, мы снова были вместе. Я смотрел на ее лицо, по-детски милое во сне. Усталое дитя — дитя, вволю наплакавшееся и уснувшее. Бесценная моя Энн. Я потянулся к ее лицу, чувствуя странную тяжесть в руке.

Мои пальцы исчезли в ее голове.

Она, вздрогнув, проснулась, глядя встревоженными глазами.

— Крис? — вымолвила она.

И опять молниеносная вспышка надежды. Тут же погасшая, когда стало ясно, что она смотрит не на меня, а сквозь меня. Глаза ее наполнились слезами. Она подтянула к себе ноги и сжала руками подушку, прижав к ней лицо. Тело ее сотрясалось от рыданий.

— О боже, любимая, ну пожалуйста, не плачь.

Я плакал тоже. Я бы душу отдал, если бы она хоть на минутку меня увидела, услышала мой голос, почувствовала мое утешение и любовь.

Хотя и знал, что это невозможно. Как знал и то, что этот страшный сон еще не закончился. Я отвернулся от нее и закрыл глаза, отчаявшись снова спастись во сне, дать темноте унести меня далеко от жены. Ее рыдания разрывали мне сердце. «Пожалуйста, унеси меня от нее. Если я не в силах ее утешить, забери меня!»

Я почувствовал, как мое сознание начинает соскальзывать вниз, опускаясь в темноту.

Теперь это действительно был сон. Передо мной непрерывной чередой живых картин разворачивалась моя жизнь. Кое-что в этом зрелище меня поразило. Разве я не видел этого чуть раньше — но более сжато, более беспорядочно?

На сей раз ничего беспорядочного в наплы-

вавших картинах не было. Словно я сидел в зрительном зале, смотря фильм под названием «Моя жизнь» — каждый эпизод от начала до конца. Нет, не так. С конца до начала; фильм начинался с дорожного столкновения — реально происшедшего — и разворачивался вплоть до моего рождения с показом каждой детали.

Не стану описывать все эти подробности, Роберт. Не эту историю хочу я тебе рассказать — и она заняла бы слишком много времени. Жизнь каждого человека — это большая книга, состоящая из эпизодов. Представь все моменты своей жизни, перечисленные один за другим и подробно описанные. Получится двадцатитомная энциклопедия событий — по меньшей мере.

Теперь позволь мне вкратце описать эту череду сцен. Они не просто «промелькнули у меня перед глазами». Я был более чем зрителем; это очень скоро стало очевидно. Я остро переживал вновь каждый момент, одновременно чувствуя и понимая. Все было настолько живо, Роберт, каждая эмоция, бесконечно помноженная на следующий уровень познания.

Суть состояла в том — и это очень важно, — что я отдавал себе отчет в реальности собственных мыслей. Реальным было не только то, что я

говорил и делал. А также и то, что происходило в моем сознании, — положительное или отрицательное.

Каждое воспоминание оживало перед моими глазами и внутри меня. Я не мог избежать этих воспоминаний. Как не мог и отмахнуться от них или объяснить с рациональной точки зрения. Я мог лишь вновь проживать их с полным осознанием, не пытаясь прикрыться притворством. Никакого самообмана — а лишь сокрушительная правда. Совсем не так, как я себе это представлял. Совсем не то, на что надеялся. Только так, как было на самом деле.

Я досадовал по поводу собственных ошибок. То, что я упустил, проигнорировал или от чего отмахнулся. То, что должен был дать и не дал — друзьям, родственникам, матери и отцу, тебе и Элеоноре, моим детям и более всего — Энн. Я остро переживал каждое невыполненное обязательство. И не только в личной жизни, но и в работе — свои писательские неудачи. Куча моих сценариев, пользы от которых не было никакой. Когда-то я с этим мирился. Теперь, после полнейшего изобличения моей жизни, примирение было невозможно, как и самооправдание. Бесконечное число промахов сводилось к одно-

му главному обвинению: что я мог бы сделать и с каким постоянством я недотягивал почти до каждой вехи.

Не могу сказать, что это было несправедливо и однобоко. Добрые дела также присутствовали. Душевные порывы, успехи и свершения — все это тоже было.

Беда была в том, что я никак не мог с этим разделаться. Горе Энн отвлекало меня от созерцания этих картин, словно кто-то издалека тянул меня за руку. «Милая, дай посмотреть». Думаю, я произнес эти слова или просто они пришли мне на ум.

Я очнулся, снова лежа рядом с ней, с трудом приподняв отяжелевшие веки. Энн всхлипывала во сне, и эти звуки, словно кинжал, вонзались в мое сердце. Ну пожалуйста, я обязательно должен увидеть, узнать — оценить. Это слово вдруг показалось мне очень важным. Оценить.

Я снова поплыл к своим тайным видениям. Секунду назад я покинул кинозал; изображение на экране застыло. Теперь оно снова ожило, поглощая все мое существо. Я опять оказался внутри, переживая давно минувшие дни.

Теперь я понимал, сколько времени провел, потворствуя своим чувствам, и опять не буду

вдаваться в детали. Я не только открывал заново каждое испытанное ощущение, но мне приходилось также пережить каждое неисполненное желание — так, словно оно было исполнено. Я увидел, что происходящее в сознании столь же реально, как вещи, имеющие место в физическом мире. То, что в жизни существовало лишь в воображении, теперь сделалось осязаемым; каждая фантазия становилась реальностью. Я проживал их все — и в то же время наблюдал со стороны, будучи свидетелем присущего им зачастую убожества. Свидетель, страдающий от абсолютной объективности.

И все же всегда равновесие, Роберт; подчеркиваю это — равновесие. Весы правосудия: темнота против света, жестокость против сочувствия, похоть против любви. И всегда этот неизменный сокровенный вопрос: «Что ты сделал со своей жизнью?»

Утешало лишь то, что свидетелем этого глубоко личного серьезного смотра являлся только я сам. Это было закрытое исполнение спектакля, оценивать который могло лишь мое сознание. Более того, я был уверен в том, что каким-то образом каждый пережитый поступок и каждая мысль навеки отпечатываются в моем сознании

на будущее. Я не имел понятия, почему так происходит. Просто знал, что это так.

Потом начало происходить нечто совсем странное. Я оказался в каком-то загородном доме. Я смотрел на лежащего в постели старика. Рядом с ним сидели седая женщина и мужчина средних лет. Их одежда была мне незнакома. Когда женщина заговорила, в голосе ее прозвучал какой-то странный акцент.

— Думаю, он умер.

— Крис!

Мучительный крик Энн вырвал меня из сна. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что лежу на земле, а вокруг клубится туман. Я медленно поднялся, ощущая боль в каждой мышце, и попытался пойти, но не смог. Я был на дне темного озера, плотные воды которого колыхались вокруг меня.

Я вдруг почувствовал голод, непонятно с чего. Нет, слово «голод» не подходит. Нужны были средства для поддержания. Нет, нечто большее. Надо было что-то восполнить, чтобы помочь мне собраться воедино. Да, точно. Я был незаконченным; недоставало каких-то частей. Я попытался думать, но это оказалось выше моих возможностей. Мысли едва ворочались в голове, словно

их склеили. «Оставь это, — все, что я мог придумать. — Оставь».

Я увидел, как белый столб света передо мной начинает принимать очертания фигуры.

— Тебе нужна моя помощь? — послышался голос.

В тот момент мне не хватало проницательности понять, мужчина это или женщина.

Я сделал попытку заговорить, потом услышал, как издалека Энн снова зовет меня по имени, и огляделся по сторонам.

— Ты можешь здесь остаться надолго, — произнесла фигура. — Возьми меня за руку.

Я взглянул на фигуру.

— Я тебя знаю?

Я едва мог говорить, голос мой звучал как-то безжизненно.

— Сейчас это не важно, — молвила фигура. — Просто возьми меня за руку.

Я рассеянно уставился на неясный силуэт. Энн снова позвала меня по имени, и я покачал головой. Это существо пыталось увести меня от нее. Я не позволю ему это сделать.

— Убирайся, — сказал я. — Я иду к жене.

Я снова оказался в тумане, совсем один.

— Энн! — позвал я. Мне было холодно и страш-

но. — Энн, где ты? — Голос мой звучал безжизненно. — Я тебя не вижу.

Что-то потащило меня сквозь туман. Что-то другое пыталось удержать меня, но я отогнал его; это была не Энн. Я это понимал и должен был найти Энн. Только она имела для меня значение.

Туман начал рассеиваться, и я понял, что могу перемещаться. Передо мной расстилался чем-то знакомый пейзаж: широкие зеленые лужайки с рядами металлических табличек вровень с землей, букетами цветов там и сям — некоторые засохшие, иные — увядающие, а другие — совсем свежие. Я бывал здесь раньше.

Я пошел к отдаленной фигуре, сидящей на траве. «Где же я видел это место?» — недоумевал я, тщетно пытаясь вспомнить. Наконец, подобно пузырьку, выталкиваемому наверх из трясины, всплыло воспоминание. Ван. Чей-то сын. Мы его знали. Он был здесь похоронен. «Сколько времени прошло с тех пор?» — спрашивал я себя. И не мог ответить на этот вопрос. Время представлялось неразрешимой загадкой.

Теперь я видел, что сидящая фигура — это Энн, и со всех ног поспешил к ней, испытывая одновременно радость и печаль, сам не знаю почему.

Подойдя к ней, я позвал ее по имени. Она ни-

чем не показала, что видит или слышит меня, и по какой-то необъяснимой причине теперь я этому не удивлялся. Я сел на траву подле нее, обняв ее одной рукой. Я ничего не чувствовал, и она никак мне не отвечала, устремив взор в землю. Я пытался понять, что происходит, но мне это не удавалось.

— Энн, я тебя люблю, — бормотал я. Другие слова не приходили на ум. — Я всегда буду тебя любить, Энн.

На меня навалилось отчаяние. Я взглянул на то место на земле, куда смотрела она. Там были цветы и металлическая табличка.

«Кристофер Нильсен. 1927–1974». Я уставился на табличку, онемев от изумления. Я смутно припомнил, как ко мне обращался какой-то человек, пытаясь убедить меня в том, что я умер. Был ли то сон? А сейчас сон ли это? Я покачал головой. По какой-то причине я не мог этого уразуметь, считая концепцию сна неприемлемой. Что означало, что я умер. Умер.

Как это сокрушительное открытие могло оставить меня в том же состоянии глубокой апатии? Я должен был бы вопить от ужаса. Вместо этого я лишь неотрывно смотрел на табличку со своим именем, годом рождения и годом смерти.

Моим рассудком медленно овладевала навязчивая идея. Я что — там, внизу? Я? Мое тело? Но я ведь обладал способностью выяснить все это. Я мог перенестись туда, вниз, увидеть свой труп. Передо мной замелькали обрывки воспоминаний. «Если попробуешь заглянуть внутрь — увидишь». Где я слышал эти слова? Внутрь чего мог я заглянуть?

Пришло понимание. Я мог спуститься и заглянуть внутрь гроба. Я мог увидеть себя и убедиться в том, что умер. Я почувствовал, как мое тело перемещается вперед и вниз.

— Мама?

Я испуганно оглянулся. К нам приближался Ричард в компании худощавого темноволосого молодого человека.

— Мама, это Перри, — сказал Ричард. — Я тебе о нем уже рассказывал.

Я недоверчиво уставился на молодого человека. Он смотрел на меня.

— Здесь твой отец, Ричард, — спокойно сказал он. — Сидит около таблички со своим именем.

Я с трудом поднялся на ноги.

— Ты меня видишь? — спросил я.

Я был поражен его словами и тем, что он смотрит прямо на меня.

— Он говорит что-то, чего я не могу разобрать, — сказал Перри.

Я взглянул на Энн с тревогой. Я мог бы с ней общаться; дать ей знать, что я все еще существую.

Она с ошеломленным видом смотрела на молодого человека.

— Энн, поверь ему, — взмолился я. — Поверь ему.

— Он снова разговаривает, — сказал Перри. — Теперь с вами, миссис Нильсен.

Содрогнувшись, Энн взглянула на Ричарда и с мольбой позвала его по имени.

— Мама… — Ричард казался смущенным и в то же время полным решимости. — Если Перри говорит, что папа здесь, я ему верю. Я же говорил тебе, как он…

— Энн, я здесь! — выкрикнул я.

— Я понимаю, что вы чувствуете, миссис Нильсен, — прервал Ричарда Перри, — но поверьте мне на слово. Я вижу его рядом с вами. На нем темно-голубая рубашка с короткими рукавами, синие клетчатые брюки и ботинки от Уоллоби. Он высокий, ладно скроенный, со светлыми волосами. У него зеленые глаза, и он смотрит на вас с тревогой. Я уверен, он хочет, чтобы вы поверили в его присутствие здесь.

— Энн, ну пожалуйста, — сказал я, потом вновь посмотрел на Перри. — Услышь меня, — умолял я его. — Ты должен меня услышать.

— Он снова говорит, — сообщил Перри. — Мне кажется, он говорит «малыш» или что-то в этом роде.

Я застонал и еще раз взглянул на Энн. Она старалась не расплакаться, но не могла с собой совладать. Сильно разволновавшись, она тяжело и прерывисто дышала.

— Пожалуйста, не делай этого, — бормотала она.

— Мамочка, он пытается помочь, — сказал ей Ричард.

— Не надо. — Энн поднялась на ноги и пошла прочь.

— Энн, не уходи, — умолял я.

Ричард устремился за ней, но Перри удержал его.

— Пусть привыкнет к этой мысли, — сказал он.

Ричард беспокойно огляделся по сторонам.

— Он здесь? — спросил он. — Мой отец?

Я не знал, что делать. Мне хотелось быть с Энн. Но как же я мог отойти от единственного человека, который меня видел?

Перри положил ладони на плечи Ричарда и по-

вернул его так, что он оказался лицом к лицу со мной.

— Он перед тобой, — сказал он. — Примерно в четырех футах.

— О боже, — произнес Ричард тонким дрожащим голосом.

— Ричард, — позвал я, сделав шаг вперед и пытаясь схватить его за руки.

— Он сейчас прямо перед тобой, пытается взять тебя за руки, — сообщил ему Перри.

Ричард побледнел.

— Почему же тогда я его не вижу? — с недоумением спросил он.

— У тебя может получиться, если ты уговоришь свою мать посетить сеанс.

Несмотря на волнение, которое вызвали во мне слова Перри, я был более не в состоянии с ним оставаться; мне надо было находиться возле Энн. Его голос быстро затих позади, когда я устремился за ней.

— Он идет за твоей матерью, — сказал он. — Он, наверное, хочет…

Я не мог больше этого слышать. Я с тревогой последовал за Энн, стараясь ее догнать. Что бы за сеанс это ни был — спиритический? — Энн следовало на него соглашаться. Раньше я никогда

не верил в подобные вещи, даже не думал о них. Теперь я о них думал. Перри меня видел, действительно видел. Мысль о том, что с его помощью Энн и дети тоже смогут меня увидеть, а может быть, и услышать, наполняла меня восторгом. Тогда они перестанут горевать!

Я застонал, внезапно испытав смятение. Снова собирался туман, скрывая от моих глаз Энн. Я пытался бежать, но движения давались мне все с большим трудом. «Мне необходимо ее догнать!» — думал я.

— Энн, подожди! — звал я. — Не покидай меня!

«Надо идти дальше». Казалось, я слышал эти слова, произнесенные кем-то в моем сознании. Мне не хотелось прислушиваться к этому голосу, и я шел все медленнее и медленнее, пока не оказался снова на дне того темного озера. Я переставал понимать, что происходит вокруг. «Пожалуйста!» — мысленно молил я. Должен найтись способ заставить Энн меня увидеть, чтобы она утешилась, узнав, что я все еще существую!

Мое присутствие не имеет силы

Я поднимался вверх по холму к нашему дому. По обеим сторонам аллеи шелестели на ветру перечные деревья. Я старался вдохнуть их аромат, но не мог. Небо над головой было затянуто облаками. «Дождь собирается», — подумал я, не понимая, почему здесь нахожусь.

Входная дверь для меня была не плотнее воздуха, и я вошел в дом. Тогда я понял, зачем пришел.

В гостиной сидели Энн, Ричард и Перри. Я подумал, что Йен, наверное, в школе, а Мэри в Пасадине, в Академии.

У ног Энн лежала Джинджер. Едва я вошел в гостиную, она резко подняла голову и уставилась на меня, прижав уши, но не издала ни звука. Перри, сидевший на диване рядом с Ричардом, повернулся, взглянул на меня и объявил присутствующим:

— Он вернулся.

Энн с Ричардом непроизвольно посмотрели в мою сторону, но я знал, что они меня не видят.

— Он так же выглядит? — с тревогой спросил Ричард.

— Точно так же, как на кладбище, — ответил Перри. — На нем та же одежда, что и в день аварии, верно?

Ричард кивнул.

— Да. — Он взглянул на Энн; я не сводил с нее глаз. — Мамочка, — вымолвил он, — ты не хочешь…

Она прервала его, спокойно, но твердо:

— Нет, Ричард.

— Но папа был одет именно так в ночь аварии, — настаивал Ричард. — Откуда Перри знать, если он…

— Но мы это знаем, Ричард, — снова прервала его Энн.

— Я узнал это не от вас, даю слово, миссис Нильсен, — сказал Перри. — Ваш муж сейчас стоит вон там. Посмотрите на собаку. Она его видит.

Энн, поежившись, взглянула на Джинджер.

— Мне так не кажется, — пробормотала она.

Надо было заставить ее увидеть.

— Джинджер! — позвал я.

Когда я, бывало, звал ее по имени, она начинала молотить хвостом. Сейчас же только сжалась от страха, не сводя с меня глаз.

Я направился к ней через комнату.

— Джинджер, перестань, — сказал я. — Ты ведь

меня знаешь.

— Он идет к вам, миссис Нильсен, — промолвил Перри.

— Будь добр… — начала она и замолчала, с испугом наблюдая за собакой, которая вскочила и бросилась вон из комнаты.

— Она его боится, — объяснил Перри. — Видите ли, она не понимает, что происходит.

— Мама! — обратился Ричард к молчавшей матери.

До чего же хорошо я знал это упрямое молчание. Я вынужден был улыбнуться, несмотря на нежелание Энн поверить в мое присутствие.

— Он вам улыбается, — сказал Перри. — Похоже, он понимает, как трудно вам поверить в его присутствие.

Лицо Энн вновь стало напряженным.

— Конечно, ты не сомневаешься, что мне хотелось бы в это поверить, — сказала она. — Но я просто не могу… — Внезапно замолчав, она тяжело вздохнула. — Ты… и правда его видишь? — спросила она.

— Да, Энн, видит, — сказал я.

— Он только что сказал: «Да, Энн», — сообщил ей Перри. — Я его вижу — таким, каким описал вам на кладбище. Естественно, он не кажется

таким же материальным, как мы. Но он вполне реален. Я вовсе не извлекаю информацию из вашего сознания. Я этого не умею.

Энн прикрыла глаза ладонью левой руки.

— Хотела бы я поверить, — с несчастным видом произнесла она.

— Постарайся, мамочка, — попросил Ричард.

— Энн, ну пожалуйста! — умолял я.

— Понимаю, что это принять нелегко, — сказал Перри. — Я живу с этим всю жизнь, так что считаю само собой разумеющимся. Я видел развоплощенных людей еще ребенком.

Я посмотрел на него с неприязнью. Развоплощенные? Это слово делало из меня какого-то уродца.

— Извини, — сказал Перри с улыбкой.

— Что случилось? — спросил Ричард.

Энн сняла руку с лица и с любопытством взглянула на Перри.

— Он посмотрел на меня с упреком, — сказал Перри, все еще улыбаясь. — Вероятно, ему не понравились какие-то из моих слов.

Ричард вновь взглянул на Энн.

— Мам, что скажешь? — спросил он.

Она вздохнула.

— Просто не знаю.

— Какой вред может от этого быть?

— Какой вред? — Она недоверчиво посмотрела на него. — Позволить себе надеяться, что твой отец еще существует! Ты ведь знаешь, как много он для меня значил.

— Миссис Нильсен, — начал Перри.

— Я не верю в жизнь после смерти, — прервала его Энн. — Я верю в то, что, когда мы умираем — мы умираем, и это конец. А сейчас вы хотите убедить меня…

— Миссис Нильсен, вы ошибаетесь, — сказал Перри. Он подтверждал мое присутствие, но все же меня обижал его самоуверенный тон. — Ваш муж стоит прямо перед вами. Разве это было бы возможно, не существуй он?

— Я его не вижу, — отвечала Энн. — И не могу поверить только потому, что ты говоришь, будто он здесь.

— Мама, Перри тестировали в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, — сказал Ричард. — Его способности были неоднократно подтверждены.

— Ричард, речь не об университетских тестах. Речь о твоем папе! О человеке, которого мы любили!

— Тем больше оснований… — начал Ричард.

— Нет. — Она покачала головой. — Просто не могу позволить себе в это поверить. Если поверю, а потом окажется, что это неправда, я умру тоже. Это меня убьет.

«О нет, только не это!» — подумал я, ощутив неожиданную слабость. На меня снова навалилась эта ужасная усталость. Я не ведал, было это вызвано тщетными попытками убедить Энн или ее неизбывной печалью. Знал лишь, что мне надо передохнуть. Предметы у меня перед глазами начали расплываться.

— Мама, все-таки попробуй! — попросил ее Ричард. — Неужели не хочешь даже попробовать? Перри говорит, мы можем увидеть папу, если…

— Энн, мне надо прилечь, — сказал я.

Я знал, что она меня не услышит, но все-таки произнес эти слова.

— Он разговаривает с вами, миссис Нильсен, — сообщил Перри. — А сейчас он над вами склонился.

Я сделал попытку поцеловать ее в голову.

— Вы это почувствовали? — спросил Перри.

— Нет, — с напряжением произнесла она.

— Он только что поцеловал ваши волосы, — сказал он.

Она прерывисто вздохнула и принялась ти-

хонько плакать. Ричард вскочил с места, быстро направляясь к ней. Сев на подлокотник ее кресла, он притянул ее к себе.

— Все хорошо, мамочка, — пробормотал он. Потом с упреком взглянул на Перри. — Обязательно было это говорить?

Перри пожал плечами.

— Я сказал вам о том, что он сделал, вот и все. Мне жаль.

Теперь мое утомление быстро нарастало. Я хотел остаться, встать перед Перри, чтобы он читал по моим губам. Правда, сил у меня уже не было. Мое тело опять словно окаменело, и я отвернулся от них. Надо было отдохнуть.

— Хотите знать, что он сейчас делает? — спросил Перри.

В его тоне как будто звучало раздражение.

— Что?

Ричард с огорченным видом гладил Энн по волосам.

— Он входит в ваш бар. И постепенно исчезает. Похоже, теряет силы.

— Ты можешь позвать его назад? — спросил Ричард.

Я не мог больше этого слышать. Не знаю, как добрался до нашей спальни — каким-то

непонятным путем. Помню только, что улегся с мыслью: «Почему я испытываю утомление, если у меня нет физического тела?»

Я открыл глаза. Было темно и тихо. Что-то потянуло меня, заставив встать.

Я сразу же почувствовал что-то новое в своих ощущениях. Раньше я ощущал свой вес. Теперь я был легким как пух. Я едва не парил по комнате, пройдя сквозь дверь.

В гостиной слышался голос Перри. Проплывая по заднему коридору, я пытался расслышать, что он говорит. Согласилась ли Энн на спиритический сеанс? Я надеялся, что да. Все, чего мне хотелось, — это знать, что она утешилась.

Я пересек семейную гостиную и оказался в баре.

Вдруг я замедлил шаги, в ужасе обратив взор в сторону гостиной.

Уставившись на себя.

Мой разум отказывался реагировать. Я был словно громом поражен. Я знал, что продолжаю стоять там, где стоял.

И все же я стоял также и в гостиной. Одетый в ту же одежду. Мое лицо, мое тело. Без сомнения, то был я.

Но как такое возможно?

Тут я понял, что не нахожусь в том теле. Я лишь видел его. Я приблизился, пристально вглядываясь. Эта фигура была похожа на труп. Лишенное выражения лицо. Словно это моя восковая фигура из музея. Не считая того, что она медленно перемещалась, как робот, который вот-вот остановится.

Оторвав взгляд от фигуры, я осмотрел гостиную. Там были Энн, Ричард, Йен и Мэри, а также Перри, разговаривающий с фигурой. Я с досадой задавался вопросом, все ли они видят ее. Зрелище было отвратительным.

— Где ты? — спрашивал Перри.

Я взглянул на это подобие трупа. Его губы слегка зашевелились. Он пробормотал глухим, безжизненным голосом, совсем не моим:

— По ту сторону.

Перри сказал об этом семье. Он снова обратился к фигуре:

— Ты можешь описать место, где находишься?

Фигура не отвечала. Она переминалась с ноги на ногу, глаза ее вяло моргали. Наконец она заговорила.

— Холодно, — молвила она.

— Он говорит, что холодно, — сообщил Перри.

— Ты говорил, мы сможем его увидеть, — стро-

гим голосом произнесла Мэри.

Я взглянул на Энн. Она в полном изнеможении сидела на диване между Йеном и Мэри. Ее белое лицо напоминало маску; она не отрывала глаз от своих рук.

— Пожалуйста, покажись всем, — попросил Перри фигуру.

Даже сейчас его голос звучал повелительно.

Фигура покачала головой и произнесла:

— Нет.

Не знаю, как это произошло, но я понял. Это существо не разговаривало самостоятельно. Оно лишь механически повторяло то, что подсказывало ему сознание Перри. Это никоим образом не был я. Это была марионетка, созданная усилием его воли.

Я сердито двинулся к Перри и встал перед ним, загораживая от него фигуру.

— Прекрати это, — сказал я.

— Почему ты не проявляешься? — спросил он.

Я уставился на него. Он меня больше не видел. Он смотрел сквозь меня на мою восковую копию. Точно так же, как смотрела сквозь меня Энн.

Вытянув руку, я попытался схватить его за плечо.

— Что ты наделал? — строго спросил я.

Он понятия не имел о моем присутствии. Когда я повернулся к Энн, он продолжал разговаривать с фигурой. Теперь она, дрожа, наклонилась вперед, прижав ладони к нижней части лица, вглядываясь во что-то безумными невидящими глазами.

«О господи, — с болью подумал я. — Теперь она никогда не узнает».

Существо отвечало своим монотонным голосом. Звук его вызывал во мне отвращение.

— Ты счастлив там? — спросил Перри.

— Счастлив.

— У тебя есть послание к жене? — спросил Перри.

— Будь счастлива, — пробубнила фигура.

— Он сказал: будь счастлива, — сообщил Перри.

Будто подавившись чем-то, Энн поднялась и выбежала из комнаты.

— Мама! — Йен устремился за ней.

— Не нарушайте круг! — закричал Перри.

Рассердившись, Мэри встала.

— Нарушить круг! Ты… идиот!

Она побежала вслед за Йеном.

Я смотрел на стоящую в нашей гостиной фигуру, напоминающую выцветший манекен.

С глазами впавшего в ступор человека.

— Черт тебя побери, — пробормотал я.

Я вдруг подошел к этому существу.

Попытавшись схватить его, я с изумлением и отвращением обнаружил, что плоть его мертва и холодна.

С омерзением я ощутил, как оно хватает меня за руки, вцепляясь в меня ледяными пальцами. Я закричал от боли, но стал ему сопротивляться. Я боролся с собственным трупом, Роберт. Мое мертвое лицо находилось в нескольких дюймах от меня, мои мертвые глаза уставились на меня.

— Убирайся прочь! — закричал я.

— Прочь, — монотонно повторило существо.

— Будь ты проклят! — завопил я еще громче.

— Проклят, — пробубнило оно.

Объятый ужасом, чувствуя, как живот сводит судорога, я рывком освободился от его цепенящей хватки.

— Берегись, он падает! — крикнул Перри и вдруг завалился на спинку кресла, в котором сидел, пробормотав: — Пропал…

Так и было. Как только я освободился, фигура начала валиться в мою сторону и потом растворилась в воздухе прямо у меня перед глазами.

— Его что-то подтолкнуло, — сказал Перри.

— Ради бога, Перри.

Голос Ричарда дрожал.

— Можно мне выпить воды? — спросил Перри.

— Ты сказал, мы его увидим, — промолвил Ричард.

— Немного воды, Ричард! — умолял Перри.

Когда Ричард поднялся и пошел на кухню, я стал разглядывать Перри. Что с ним случилось? Как мог он быть таким уверенным в себе, а потом так ошибаться?

Я завернул на кухню, услышав бульканье наливаемой из бутылки минеральной воды. Прежде всего непонятно было, зачем Ричард позволил Перри втянуть себя во все это. Я понимал, что он хотел лишь помочь, но теперь все стало еще хуже, чем раньше.

Вернувшись назад, я сел около Перри.

— Послушай, — сказал я.

Он не пошевельнулся, а так и сидел, ссутулившись, с каким-то болезненным видом. Я дотронулся до его руки, но он никак не прореагировал.

— Перри, что с тобой происходит? — допытывался я.

Он неловко заерзал. Вдруг меня осенило,

и я мысленно повторил вопрос.

Он нахмурился.

— Оставь меня в покое, — пробурчал он. — Все кончено.

— Кончено? — Мне захотелось тут же задушить его. — А как насчет моей жены? Для нее тоже все кончено?

Вспомнив, я мысленно повторил эти слова.

— Кончено, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Вот так.

Я начал придумывать следующее послание, но, едва начав, остановился. Он отключился, отгородившись от меня щитом воли.

Я видел, как вернулся Ричард и подал Перри стакан воды. Медиум выпил его залпом, не отрываясь, и вздохнул.

— Извини, — сказал он. — Не знаю, что произошло.

Ричард холодно на него посмотрел.

— А как же моя мать? — спросил он.

— Можем еще раз попробовать, — сказал Перри. — Я уверен…

Ричард прервал его сердитым возгласом.

— Она ни за что не согласится, — вымолвил он. — Что бы ты ей ни говорил, она не поверит.

Я встал и пошел прочь. Надо было уходить —

и поскорее, без сомнения. Я больше ничего не мог поделать. В голове засела упорная мысль: «С этого момента мое присутствие здесь не имеет силы».

Существует что-то еще

Я сделал попытку выйти из дома; отправиться куда-нибудь, куда угодно. И все-таки, несмотря на то что тяжесть пропала и я чувствовал себя гораздо более крепким, я по-прежнему не мог освободиться. Я никак не мог уйти: отчаяние Энн удерживало меня, как тиски. Пришлось остаться.

В тот момент, когда я об этом думал, я снова оказался в доме. Гостиная была пуста. Время текло. Правда, я не знал, сколько его прошло; хронология была выше моего понимания.

Я вошел в гостиную. На диване перед камином лежала Джинджер. Я сел подле нее. Она даже не пошевельнулась. Я попытался погладить собаку по голове. Она продолжала крепко спать. Не знаю, как это произошло, но контакт был нарушен.

Удрученно вздохнув, я встал и отправился в нашу спальню. Дверь была открыта, и я вошел. На постели лежала Энн, а рядом с ней сидел Ричард.

— Мама, почему ты даже не допускаешь мысли о том, что это мог быть папа? — спрашивал он

ее. — Перри клянется, что он там был.

— Давай больше не будем об этом говорить, — попросила она.

Я видел, что она опять плакала: глаза покраснели, веки припухли.

— Неужели это совсем невозможно? — спросил Ричард.

— Я в это не верю, Ричард, — промолвила она. — Вот и все. — Всматриваясь в его лицо, она добавила: — Я не отрицаю, что Перри может обладать определенными способностями. Но он не убедил меня в том, что после смерти существует что-то еще. Я знаю, что ничего нет, Ричард. Я знаю, что твой отец умер, и нам надо…

Она не смогла договорить; голос ее прервался от рыданий.

— Прошу тебя, не будем больше об этом говорить, — пробормотала она через какое-то время.

— Прости, мамочка. — Ричард наклонил голову. — Я лишь пытался помочь.

Она взяла его правую руку и, нежно поцеловав, прижала к щеке.

— Знаю, — пробормотала она. — Это было так мило с твоей стороны, но… — Голос ее стих, и она закрыла глаза. — Он умер, Ричард, — немного помолчав, сказала она. — Ушел от нас. И ничего

с этим не поделаешь.

— Энн, я здесь! — закричал я.

Я огляделся по сторонам в приступе страшного гнева. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы дать ей знать? Я тщетно пытался поднять предметы с комода. Я уставился на маленькую шкатулку, пытаясь сконцентрировать волю и передвинуть ее. Прошло немало времени, и она слегка дернулась, но я почувствовал, что измотан этим усилием.

— Боже правый.

Опечаленный, я вышел из комнаты и пошел по коридору, потом, повинуясь порыву, повернул назад к комнате Йена. Дверь была закрыта. Невеликое дело, как любит говорить Ричард. Я моментально прошел сквозь нее, и тут до меня дошла омерзительная догадка: я — привидение.

Йен с хмурым видом сидел за письменным столом, делая уроки.

— Ты меня слышишь, Йен? — спросил я. — Мы всегда были с тобой друзьями.

Он продолжал что-то писать в тетради. Я попытался погладить его по волосам, разумеется, тщетно. Я в отчаянии застонал. Что мне было делать? И все-таки я не мог заставить себя уйти. Меня удерживала печаль Энн.

Я оказался в ловушке.

Отвернувшись от Йена, я вышел из его комнаты. Несколько ярдов по коридору, и я прошел через закрытую дверь комнаты Мэри. Теперь я испытывал к себе отвращение. Прохождение сквозь двери казалось мне мерзким трюком на публику.

Мэри сидела за письменным столом и писала письмо. Я остановился около нее и стал ее разглядывать. Она такая прелестная девушка, Роберт, — высокая, белокурая, грациозная. К тому же талантлива: прекрасный певческий голос и безусловное умение держаться на сцене. Она усердно занимается в Академии драматического искусства, мечтая о театральной карьере. Я всегда был уверен в ее будущем. Профессия трудная, но Мэри настойчива. Я давно планировал помочь ей с деловыми связями, когда она закончит обучение. Теперь я не смогу этого сделать. Еще одно огорчение.

Немного погодя я заглянул в ее письмо.

Мы нечасто бывали вместе. То есть мы двое, особенно за последние несколько лет. Моя вина, не его. Он старался собрать нас вместе – на день или вечер.

Они с Йеном проводили вместе целые дни – играли в гольф, ходили смотреть спортивные игры или в кино. Он и Ричард тоже проводили время вместе, часами болтая за ужином в ресторане, узнавая друг друга. Ричард тоже хочет писать, и папа всегда был готов ему помочь и поддержать.

Я выходила с ним в общество всего несколько раз. И всегда это было то, чего мне хотелось, – пьеса, фильм или концерт. Сначала мы шли ужинать, чтобы пообщаться. И всегда это доставляло мне удовольствие, но теперь я понимаю, что этого было недостаточно.

И все-таки, Венди, я всегда чувствовала близость к нему. Он всегда заботился обо мне, был терпимым и понимающим. Спокойно относился к моим поддразниваниям – ведь у него было замечательное чувство юмора. Я знаю, он меня любил. Иногда, бывало, обнимал меня и прямо говорил, что верит в мое будущее. Я посылала ему записки, в которых писала, что он «лучший папа на свете» и что я его люблю. Жаль, я не так часто произно-

сила это вслух.

Вот если бы увидеть его сейчас. Сказать ему: «Папочка, спасибо за все...»

Она остановилась и стала тереть глаза; слезы капали на письмо.

— Придется его разорвать, — пробормотала она.

— О Мэри.

Я положил ладонь ей на голову. «Если бы только можно было прочесть ее мысли», — подумал я. Вот если бы она ощутила мое прикосновение и поняла, как я ее люблю.

Она снова принялась писать.

Прости, пришлось прерваться и вытереть глаза. Возможно, придется делать это еще несколько раз, пока не закончу письмо.

Теперь я думаю о маме. Папа так много для нее значил, и она значила для него так много. У них были замечательные отношения, Венди. Не думаю, что раньше говорила с тобой об этом. Они были абсолютно преданы друг другу. Если не считать нас, детей, им, казалось, никто был не нужен, кроме друг друга.

Дело не в том, что они не встречались с другими людьми. Люди их любили и хотели их видеть, ты это знаешь; они были большими друзьями твоих родителей. Но для них эта близость была важнее всего на свете.

Смешно. Я разговаривала со многими детьми, и почти всем им трудно мысленно себе представить – даже подумать о том, что их родители занимаются любовью. Думаю, это чувство присуще всем.

Мне совсем не трудно было мысленно представить маму и папу вместе. Часто мы, бывало, видели, как они стоят рядом – на кухне, в гостиной, своей спальне, где угодно, – тесно прижавшись друг к другу, не говоря ни слова, как пара любовников. Иногда они стояли так даже в бассейне. И всегда они садились вместе – чтобы поговорить, посмотреть телевизор, не важно для чего: мама обычно прижималась к папе, он обнимал ее одной рукой, и ее голова лежала у него на плече. Они были такой чудной парой, Венди. Они… извини, опять слезы.

Потом. Прервусь, чтобы немного успо-

коиться. Так или иначе, я легко могла себе представить, как они занимаются любовью. Это казалось совершенно справедливым. Я помню каждый раз – разумеется, став достаточно взрослой, чтобы понимать, – как слышала тихий звук притворяемой двери в их спальню и отчетливый щелчок замка. Не знаю, как Луиза, Ричард или Йен, но у меня это всегда вызывало улыбку.

Не скажу, чтобы они никогда не ссорились. Они были обыкновенными людьми, в чем-то уязвимыми; оба отличались вспыльчивостью. Папа помогал маме освободиться от раздражительности, особенно после ее нервного срыва, – и знаешь, Венди, все эти годы он был ей поддержкой! Он помогал ей выпустить гнев, вместо того чтобы его сдерживать; говорил ей, чтобы она громко кричала, когда едет в машине. Она так и делала, и однажды Кэти так испугалась, что у нее едва не случился сердечный приступ. Она была на заднем сиденье машины, а мама, забыв о ее присутствии, начала кричать.

Даже если они и ссорились, ссора нико-

гда не восстанавливала их друг против друга. Она всегда кончалась объятиями, поцелуями и смехом. Венди, иногда они вели себя как дети. Порой я чувствовала себя их матерью.

Знаешь, что еще? Я никому об этом пока не говорила. Я знаю, что папа нас любил и мама нас любит. Но между ними всегда было это «нечто», эта особая связь, к которой мы не смели прикасаться. Нечто драгоценное. Нечто не выразимое словами.

Не то чтобы мы от этого страдали. Нас никогда не оставляли без внимания. Мы не испытывали никаких лишений. Родители окружали нас любовью и поддерживали во всех наших начинаниях.

И все-таки в их отношениях было нечто особенное, заставлявшее их оставаться союзом двоих, в то время как наша семья была более обширным союзом людей, включавшим всех нас. Возможно, это не имеет смысла, но это правда. Не могу объяснить. Надеюсь только, что в моем замужестве будет то же самое. Как бы то ни было, надеюсь, в твоем

браке это есть.

Подтверждением моих слов является то, что вначале я рассказывала в этом письме о папе, а под конец – о маме и папе. Потому что не могу говорить о нем, не вспомнив также и ее. Они всегда вместе. В этом все дело. Просто не могу себе мысленно представить ее без него. Словно разделили на две части единое целое, и каждая половинка от этого потеряла. Будто…

Поняв кое-что, я вздрогнул.

На протяжении примерно четверти страницы письма я воспринимал ее слова прежде, чем она их записывала.

Внезапно меня осенило.

«Мэри, — подумал я. — Напиши то, что я тебе скажу. Запиши эти слова. „Энн, это Крис. Я все еще существую“».

Я направил на нее взгляд и стал повторять эти слова.

— Энн, это Крис. Я все еще существую.

Снова и снова направлял я эти слова в сознание Мэри, пока она писала.

— Запиши их, — говорил я ей. Я повторял сло-

ва, которые ей надо было записать. — Запиши их, — говорил я ей. — Запиши. — Снова повторял слова. — Пиши. — Повторял. Десять раз, еще и еще. — Запиши: «Энн, это Крис. Я все еще существую».

Я был настолько поглощен своим занятием, что подпрыгнул, когда Мэри судорожно вздохнула и отдернула руку от стола. Она в молчаливом оцепенении смотрела на бумагу; я тоже посмотрел вниз.

Она написала на листе бумаги: «Эннэтокрис. Явсеещесуществую».

— Покажи это маме, — в волнении сказал я ей.

Я сконцентрировался на словах. «Покажи это маме, Мэри. Прямо сейчас». Я быстро повторил эти слова несколько раз.

Мэри встала и пошла в сторону коридора с бумагой в руке.

— Вот так, вот так, — приговаривал я.

«Вот так», — подумал я.

Она вышла в коридор и повернула в сторону двери нашей спальни. Там она остановилась. В волнении следуя за ней, я тоже остановился. Чего она ждет?

Заглянув в дверь, Мэри увидела Энн и Ричарда. Энн все еще прижимала его ладонь к своей щеке.

Глаза ее были закрыты — казалось, она спит.

— Отдай им письмо, — сказал я Мэри, поморщившись от звука собственного голоса.

«Отдай письмо, — мысленно приказал я ей. — Покажи его маме и Ричарду».

Мэри стояла неподвижно, уставившись на Ричарда и Энн с выражением сомнения на лице.

— Мэри, давай, — настаивал я, напрягаясь изо всех сил.

«Мэри, отдай его им, — подумал я. — Пусть они посмотрят».

Она повернула прочь.

— Мэри! — закричал я.

И тут же себя остановил. «Отдай им письмо!» — мысленно закричал я. Она заколебалась, потом повернула назад, в сторону нашей спальни. «Вот так, отдай ей письмо, — подумал я. — Отдай, Мэри. Сейчас».

Она стояла не двигаясь.

«Мэри, — мысленно умолял я, — ради бога, отдай письмо маме».

Она вдруг резко повернулась в сторону своей комнаты и поспешно направилась туда, пройдя сквозь меня. Я развернулся и побежал за ней.

— Что ты делаешь? — крикнул я. — Разве

не слышишь?..

Мой голос замер, когда она смяла листок и бросила в корзину для мусора.

— Мэри! — в отчаянии повторил я.

Я в смятении уставился на нее. Почему она это сделала?

Но я понял, Роберт; понять это было нетрудно. Она подумала, что подсознательно проявила собственные мысли. Она не хотела заставить Энн страдать еще больше. Это было сделано из лучших побуждений. Но от этого разбилась моя последняя надежда сообщить Энн о моем существовании.

Меня захлестнула волна парализующей печали. «Боже правый, это, должно быть, сон! — думал я, вдруг возвращаясь к прежним мыслям. — Это не может быть правдой!»

Я прищурился. У себя под ногами я увидел табличку с надписью: «Кристофер Нильсен. 1927–1974». Как я сюда попал? Тебе когда-нибудь случалось очнуться в своей машине и с недоумением обнаружить, что ты заехал очень далеко и не помнишь, как это произошло? В тот момент у меня было подобное ощущение. Правда, я понятия не имел, что же там делаю.

Я пришел в себя довольно быстро. Рассудок мой

кричал: «Этого не может быть в реальности!» Этот же рассудок знал, что существует способ выяснить все наверняка. Я уже однажды начинал это делать, но тогда меня что-то удержало. Сейчас меня ничто не остановит. Был лишь единственный способ узнать, сон это или реальность. Я начал спускаться под землю. Для меня это было не большим препятствием, чем двери. Я погрузился в темноту. И чтобы не сомневаться, продолжал думать. Я увидел гроб прямо под собой. «Как же я увижу в темноте?» — недоумевал я, но тут же постарался выбросить это из головы. Имело значение лишь одно: узнать. Я проскользнул в гроб.

Казалось, мой вопль ужаса многократно отражается от стенок могилы. Оцепенев, я с отвращением уставился на свое тело. Оно начало разлагаться. Мое напряженное лицо напоминало маску, застывшую в страшной гримасе. Кожа разлагалась, Роберт. Я увидел… нет, не надо. Не стоит вызывать в тебе такое же отвращение, какое испытал я.

Я закрыл глаза и, продолжая кричать, выбрался оттуда. Меня овевали холодные, влажные потоки. Открыв глаза, я осмотрелся. Опять туман, этот серый клубящийся туман, от которого не было

спасения.

Я побежал. Должен же он где-то кончиться. Чем дальше я бежал, тем гуще становился туман. Я повернул и побежал в обратном направлении, но это не помогло. Туман сгущался. Я мог рассмотреть что-то лишь на расстоянии нескольких дюймов. Я зарыдал. В этой мгле можно блуждать вечно! Я в страхе закричал:

— Помогите! Пожалуйста!

Из сумрака появилась фигура: опять тот человек. У меня было ощущение, что я его знаю, хотя лицо было незнакомо. Я подбежал к странному человеку и схватил его за руку.

— Где я? — спросил я.

— В месте, которое ты сам придумал, — ответил он.

— Я тебя не понимаю!

— Сюда тебя привело твое сознание, — сказал он. — И удерживает тебя здесь.

— Мне придется здесь остаться?

— Вовсе нет, — сказал он. — Можешь в любой момент разорвать эту связь.

— Каким образом?

— Надо сконцентрироваться на чем-то, что находится вовне.

Я начал уже задавать следующий вопрос, когда

почувствовал, как меня опять призывает печаль Энн. Я не мог оставить ее в одиночестве. Не мог.

— Ты ускользаешь прочь, — предостерегающе произнес человек.

— Я не в силах просто так оставить ее, — сказал я.

— Придется, Крис, — откликнулся он. — Либо ты пойдешь дальше, либо останешься таким, как есть.

— Не могу просто так оставить ее, — повторил я.

Прищурившись, я осмотрелся по сторонам. Человек пропал. Так быстро, что казалось, он — плод моего воображения.

Я опустился на холодную сырую землю, чувствуя себя безвольным и несчастным. «Бедная Энн, — думал я. — Теперь ей придется начать новую жизнь. Все наши планы нарушены. Места, которые мы собирались посетить, захватывающие проекты, которые мы планировали. Написать вместе пьесу, сочетая ее поразительную память о прошлом и интуицию с моими способностями. Купить где-нибудь лесной участок, где она могла бы фотографировать жизнь природы, а я — писать об этом. Купить передвижной домик и путешествовать по стране в течение

года, чтобы многое повидать. Посетить, наконец, места, о которых всегда говорили, но еще не видели. Быть вместе, наслаждаясь жизнью и обществом друг друга».

Теперь все было кончено. Она осталась одна; я ее потерял. Мне нужно было жить. Я сам виноват в том, что погиб. Я был глупым и легкомысленным. Теперь она осталась одна. Я не заслуживал ее любви. Растратил попусту многие мгновения жизни, которые мы могли бы провести вместе. Теперь я загубил оставшееся у нас время.

Я ее предал.

Чем больше я об этом думал, тем более отчаивался. «Почему она не права в своем убеждении?» — с горечью думал я. Лучше бы смерть была концом, прекращением всего. Все, что угодно, только не это. Я чувствовал, что теряю надежду, что меня опустошает отчаяние. Существование теряло смысл. Зачем все это продолжать? Бесполезно и бессмысленно.

Не знаю, сколько времени я так сидел в раздумье. Роберт, мне это казалось вечностью — один, покинутый в леденящем, скользком тумане, погруженный в глубокую печаль.

Прошло очень много времени, прежде чем

ход моих мыслей начал меняться. Много времени прошло, прежде чем я вспомнил слова того человека: я могу покинуть это место, сконцентрировавшись на чем-то вовне. И что же было вовне?

«Разве это имеет значение?» — думал я. Что бы это ни было, хуже быть не может.

«Ладно, тогда попробуй», — сказал я себе.

Я закрыл глаза и попытался представить место лучше этого. Солнечный свет, тепло, траву и деревья. Место, похожее на те места, куда мы все эти годы обычно брали с собой наш дом-автоприцеп.

Наконец я мысленно остановился на опушке леса из красных деревьев в Северной Калифорнии, где мы шестеро — Энн, Луиза, Ричард, Мэри, Йен и я — стояли однажды августовским вечером в сумерках, затаив дыхание, прислушиваясь к всеобъемлющей тишине природы.

Мне показалось, я почувствовал, как мое тело пульсирует — вперед, вверх. Я в испуге открыл глаза. И я смог это вообразить? Я снова закрыл глаза и попробовал еще раз, представляя себе эту огромную спокойную опушку.

Я ощутил, как мое тело снова завибрировало. Это было правдой. Какое-то непостижимое давление — слабое, но настойчивое — подталки-

вало и приподнимало меня сзади. Я чувствовал, как мое дыхание становится все мощнее, причиняя мне боль. Я еще более сконцентрировался, и движение ускорилось. Я мчался вперед, мчался вверх. Ощущение было тревожным, но и воодушевляющим. Теперь мне не хотелось его терять. Впервые после аварии я почувствовал внутри проблеск покоя. И начало познания — удивительное прозрение.

Существует что-то еще.

Страна вечного лета

Продолжение на другом уровне

Я открыл глаза и посмотрел вверх. Над головой я увидел зеленую листву и просвечивающее сквозь нее голубое небо. Никаких признаков тумана. Я сделал глубокий вдох: воздух был прохладным и бодрящим. На лице чувствовалось легкое дуновение ветерка.

Я сел и осмотрелся по сторонам. Оказывается, подо мной была травянистая лужайка, а рядом — ствол дерева. Вытянув руку, я прикоснулся к коре. И почувствовал, как от нее исходит какая-то энергия.

Потом я потрогал траву. Она выглядела безупречно ухоженной. Я отодвинул в сторону кусок дерна и осмотрел почву. Ее цвет дополнял оттенок травы. Никаких сорняков не было.

Сорвав травинку, я поднес ее к щеке. И тоже ощутил идущую от нее слабую энергию. Я вдохнул тонкий аромат, положил травинку в рот и стал жевать, как, бывало, делал это в детстве. Но никогда в детстве не приходилось мне пробовать такую траву.

Потом я заметил, что на земле нет теней. Я сидел под деревом, но не в его тени. Я этого

не понимал и стал искать на небе солнце.

Его не было, Роберт. Был свет без солнца. Я в замешательстве осмотрелся. По мере того как мои глаза постепенно привыкали к свету, я стал всматриваться в сельский пейзаж. Никогда не видел подобного ландшафта: великолепная перспектива зеленых лужаек, цветов и деревьев. Я подумал, что Энн это понравилось бы.

И тогда я вспомнил. Энн ведь по-прежнему жива. А я? Я стоял, прижимая к твердому стволу дерева обе ладони. Впечатав подошвы ботинок в землю. Я был мертв; сомнений не оставалось. И все же я стоял здесь, воплощенный в теле с прежними ощущениями, имеющий прежний вид, и даже одетый, как при жизни. Стоял на этой вполне реальной земле на фоне вполне осязаемого пейзажа.

«И это смерть?» — подумал я.

Я перевел взгляд на свои руки: линии, рубчики, складки кожи, — потом внимательно осмотрел ладони. Как-то я проштудировал книгу по хиромантии, так, ради смеха, чтобы веселить народ на вечеринках. Так что свои ладони я изучил как следует.

Они оставались прежними. Линия жизни была все такой же длинной. Помню, как показывал ее

Энн и говорил, что волноваться не стоит — я проживу долго. Будь мы вместе, мы могли сейчас посмеяться над этим.

Я повернул руки ладонями вниз и увидел, что кожа и ногти розовые. Во мне текла кровь. Мне пришлось встряхнуться, чтобы убедиться в том, что я не сплю. Я поднес правую руку к носу и рту и почувствовал, как из легких теплыми толчками выходит воздух. Прижав к груди два пальца, я нашел нужное место.

Сердцебиение, Роберт. Как и всегда.

Я резко повернулся, заметив рядом какое-то движение. На дерево опустилась необычная птица с серебристым оперением. Похоже, она совсем меня не боялась, сидя рядом. «Волшебное место», — подумал я. Я пребывал в изумлении. «Если это сон, — говорил я себе, — надеюсь, я никогда не проснусь».

Я вздрогнул, увидев бегущее ко мне животное — собаку, как я понял. Первые несколько мгновений она не выражала никаких эмоций. Потом вдруг помчалась ко мне.

— Кэти! — закричал я.

Она мчалась ко мне, тоненько повизгивая от радости. Я уже много лет не слышал этого восторженного визга.

— Кэти… — прошептал я.

Я упал на колени, чувствуя, как из глаз полились слезы.

— Старушка Кэти.

И вот она уже рядом, в восторге прыгает, лижет мои руки. Я прижал ее к себе.

— Кэти, старушка Кэти. — Я едва мог говорить. Она вилась около меня, поскуливая от радости. — Кэти, это и правда ты? — бормотал я.

Я присмотрелся к ней внимательнее. Последний раз я видел ее в ветеринарной клинике. Ей сделали укол, и она лежала на левом боку с остановившимся взглядом. Лапы ее непроизвольно подергивались. Мы с Энн приехали к ней по звонку врача, а потом стояли у открытой клетки и гладили ее, чувствуя себя ошеломленными и беспомощными. На протяжении почти шестнадцати лет Кэти была нашим хорошим другом.

Сейчас она была той Кэти, которую я помнил со времени, когда подрастал Йен, — живой, полной энергии, с блестящими глазами и забавной, как будто улыбающейся мордочкой. Я с восторгом обнимал ее, думая о том, как была бы счастлива Энн ее увидеть, как счастливы были бы дети, особенно Йен. В тот день, когда она умерла, он был в школе. Вечером я застал его

сидящим на постели с мокрыми от слез глазами. Они с Кэти вместе выросли, а ему не пришлось с ней даже попрощаться.

— Вот если бы он тебя сейчас увидел, — сказал я, прижимая ее к себе в восторге от нашей встречи. — Кэти, Кэти.

Я гладил ей голову и спину, чесал чудесные висячие уши. И ощущал прилив благодарности к силе — не важно какой, — приведшей Кэти ко мне.

Теперь я знал, что это замечательное место.

Трудно сказать, сколько времени мы там пробыли. Кэти лежала рядом со мной, устроив теплую голову у меня на коленях, время от времени потягиваясь и вздыхая от удовольствия. Я продолжал гладить ее, все еще находясь в блаженном состоянии. Мне так хотелось, чтобы Энн была с нами.

Прошло немало времени, прежде чем я заметил дом. Странно, как мог я не обратить на него внимания раньше; он стоял всего лишь в сотне ярдов. Такой дом мы с Энн всегда планировали когда-нибудь построить: из дерева и камня, с огромными окнами и просторной террасой, с которой открывается вид на сельский ландшафт.

Меня немедленно к нему потянуло, сам не знаю

почему. Поднявшись, я направился к нему, а Кэти вскочила и пошла рядом.

Дом стоял на поляне в обрамлении красивых деревьев — сосен, кленов и берез. Снаружи не было ни стены, ни забора. К своему удивлению, я заметил, что входной двери нет, а то, что я принял за окна, — только проемы. Я заметил также отсутствие труб и проводки, плавких предохранителей, водосточных желобов и телевизионных антенн. Дом в целом гармонировал с окружающим пространством. Мне в голову пришла мысль, что Фрэнк Ллойд Райт[1] одобрил бы такое сооружение. Мне это показалось забавным, и я улыбнулся.

— По сути дела, он мог бы спроектировать такой дом, Кэти, — сказал я.

Собака взглянула на меня, и на долю секунды мне показалось, что она меня понимает.

Мы вошли в сад, расположенный рядом с домом. В центре красовался фонтан, сделанный из какого-то белого камня. Подойдя к нему, я опустил руки в кристально чистую воду. Она была прохладной и, так же как ствол дерева и травинка, излучала поток энергии. Я сделал глоток.

---

[1] Сноски: 1

Американский архитектор, основоположник органической архитектуры.

Никогда не пробовал такой освежающей воды.

— Хочешь, Кэти? — спросил я, посмотрев на собаку.

Она не шевельнулась, но у меня возникло другое впечатление: что вода ей больше не нужна. Снова повернувшись к фонтану, я зачерпнул воду ладонями и плеснул себе в лицо. Невероятно, но капли сбегали с моих рук и лица, словно я был водонепроницаемым.

Удивляясь каждому новому сюрпризу этого места, я направился вместе с Кэти к цветочной клумбе и наклонился, чтобы понюхать цветы. У них был чудесный нежный аромат. Оттенки отличались радужным разнообразием и к тому же переливались. Я поднес ладони к золотистому цветку с желтой окаемкой и почувствовал покалывание от энергии, поднимающейся вверх по рукам. Я подносил ладони к одному цветку за другим. Каждый отдавал мне поток едва ощутимой энергии. Мое изумление еще больше усилилось, когда я понял, что цветы издают также тихие гармоничные звуки.

— Крис!

Я быстро обернулся. В саду появился сияющий ореол. Я взглянул на Кэти, которая завиляла хвостом, потом вновь посмотрел на свет. Мои глаза

постепенно привыкли, и свет начал меркнуть. Ко мне приближался человек, которого я видел — сколько же раз? Было даже не припомнить. Я никогда раньше не замечал его одежду: белая рубашка с короткими рукавами, белые брюки и сандалии. Он с улыбкой подошел ко мне с раскрытыми для объятия руками.

— Я почувствовал, что ты недалеко от моего дома, и сразу же пришел, — молвил он. — Ты это сделал, Крис.

Он тепло меня обнял, потом отстранился, по-прежнему улыбаясь. Я взглянул на него.

— Ты… Альберт? — спросил я.

— Верно.

Он кивнул.

Это был наш кузен, мы всегда звали его Бадди[2]. Он выглядел великолепно, насколько я помню его появления в нашем доме, когда мне было лет четырнадцать. Сейчас он казался даже более энергичным.

— Ты так молодо выглядишь, — заметил я. — Тебе не дашь больше двадцати пяти.

— Оптимальный возраст, — ответил он.

Ответа я не понял.

---

[2] Сноски: 2
Дружище *(англ.).*

Когда он наклонился, чтобы погладить Кэти по голове и поздороваться с ней — меня удивило, что он знает ее, — я уставился на одну вещь, о которой еще не упоминал. Всю его фигуру окружал сияющий голубой ореол, пронизанный белыми искрящимися огоньками.

— Привет, Кэти. Рада его видеть, да? — спросил он.

Он снова погладил собаку по голове, потом с улыбкой выпрямился.

— Тебя интересует моя аура, — сказал он.

Я с удивлением улыбнулся.

— Да.

— Она есть у всех, — объяснил он. — Даже у Кэти. — Он указал на собаку. — Ты не заметил?

Я с удивлением посмотрел на Кэти. Я действительно не заметил, хотя теперь, после слов Альберта, это стало очевидным. Аура была не такой яркой, как у него, но совершенно четкой.

— По ауре нас можно распознать, — сказал Альберт.

Я посмотрел на себя.

— А где же моя? — спросил я.

— Никто не видит свою собственную, — пояснил он. — Это мешало бы.

Я этого тоже не понял, но в тот момент меня

мучил другой вопрос.

— Почему я не узнал тебя, когда умер? — спросил я.

— Ты был в смятении, — ответил он. — Наполовину проснувшийся, наполовину спящий, в каком-то неясном состоянии.

— Это ведь ты в больнице советовал мне не сопротивляться, правда?

Он кивнул.

— Правда, ты слишком сильно сопротивлялся, чтобы меня услышать, — сказал он. — Боролся за жизнь. Помнишь смутный силуэт, стоящий у твоей постели? Ты видел его, хотя глаза у тебя были закрыты.

— Так это был ты?

— Да. Я пытался прорваться, — объяснил он. — Сделать твой переход менее болезненным.

— Боюсь, не очень-то я тебе помог.

— Ты и себе не мог помочь. — Он похлопал меня по спине. — Тебя все это сильно травмировало. Жаль, ты не получил облегчения. Обычно людей встречают сразу же.

— Почему же не встретили меня?

— До тебя было никак не добраться, — сказал он. — Ты очень стремился найти жену.

— Я чувствовал, что должен, — вымолвил я. —

Она была так напугана.

Он кивнул.

— Ты проявил большую самоотверженность, но из-за этого оказался в ловушке на пограничной полосе.

— Это было ужасно.

— Знаю. — Он ободряюще сжал мое плечо. — Но могло быть гораздо хуже. Ты мог задержаться там на месяцы или годы — даже на столетия. Не такой уж редкий случай. Если бы не позвал на помощь…

— Ты хочешь сказать, пока я не захотел, чтобы мне помогли, ты ничего не мог поделать?

— Я пытался, но ты отвергал мою помощь. — Он покачал головой. — И только когда меня достигли вибрации твоего зова, появилась надежда на то, что удастся тебя убедить.

Тогда до меня дошло; не знаю, почему я так долго не мог догадаться. Я с благоговением огляделся по сторонам.

— Так это… небеса?

— Небеса. Отчизна. Жатва. Страна вечного лета, — ответил он. — Выбирай.

Я понимал, что это прозвучит глупо, но хотел знать.

— Это — страна? Образ существования?

Он улыбнулся.

— Образ мыслей.

Я посмотрел на небо.

— Никаких ангелов, — констатировал я, отдавая себе отчет в том, что это шутка лишь наполовину.

Альберт рассмеялся.

— Можешь ты вообразить себе нечто более неуклюжее, чем притороченные к лопаткам крылья?

— Так что — таких вещей не существует?

Понимая, что спрашивать наивно, я не мог удержаться от этого вопроса.

— Существуют, если человек в них верит, — сказал он, снова приводя меня в смущение. — Как я сказал, это образ мыслей. Что говорится в изречении на стене твоего офиса? То, во что ты веришь, становится твоим миром.

Я был поражен.

— Так ты об этом знаешь?

Он кивнул.

— Каким образом?

— Объясню в свое время, — пообещал он. — А сейчас я хочу лишь доказать то, что наши мысли действительно становятся нашим миром. Ты думал, это относится только к Земле,

но здесь это еще более уместно, потому что смерть — переход сознания с физического уровня на психический, настройка на более тонкие поля вибрации.

Я представлял себе то, о чем он говорит, но не был вполне уверен. Думаю, это отразилось на моем лице, потому что он с улыбкой спросил:

— Непонятно? Объясню по-другому. Разве жизнь человека хоть как-то изменяется, когда он снимает пальто? Она не меняется и тогда, когда смерть лишает его оболочки в виде тела. Он остается той же самой личностью. Не более мудрой. Не более счастливой. Не более свободной. Такой же, как прежде.

Смерть — всего лишь продолжение жизни на другом уровне.

На пороге дома Альберта

И тогда меня осенило. Не могу понять, почему не подумал об этом раньше — наверное, на меня обрушилось слишком много удивительного, с чем предстояло свыкнуться, так что эта мысль пришла ко мне только сейчас.

— Мой отец, — сказал я, — твои родители. Наши дяди и тети. Они все здесь?

— «Здесь» — слишком большое место, Крис, — заметил он с улыбкой. — Если ты хочешь спросить, существуют ли они, то да, конечно.

— Где они?

— Надо проверить, — ответил он. — Единственные люди, о ком я знаю наверняка, — это моя мать и дядя Свен.

При упоминании имени дяди на меня нахлынуло радостное чувство. В памяти возник его образ: голова с блестящей лысиной, яркие глаза, сверкающие за стеклами очков в роговой оправе, оживленное лицо и бодрый голос, неисчерпаемое чувство юмора.

— Где он? — спросил я. — Чем занимается?

— Работает с музыкой, — ответил Альберт.

— Разумеется. — Я не удержался от улыб-

ки. — Он всегда любил музыку. Можно с ним повидаться?

— Конечно. — Альберт улыбнулся в ответ. — Устрою вашу встречу, как только ты немного привыкнешь.

— И с твоей матерью тоже, — сказал я. — Я знал ее не очень хорошо, но обязательно хотел бы повидаться.

— Я это устрою, — пообещал Альберт.

— Ты говорил, «надо проверить». Что ты имел в виду? — спросил я. — Разве семьи не остаются вместе?

— Не обязательно, — ответил он. — Земные связи здесь значат меньше. Родство мыслей, а не крови — вот что важно.

И снова я испытал благоговение.

— Мне надо рассказать об этом Энн, — заявил я. — Сообщить ей, где я нахожусь, — и что все в порядке. Мне хочется этого больше всего.

— Это действительно невозможно, Крис, — сказал Альберт. — Ты не сможешь с ней связаться.

— Но я это почти сделал.

Я рассказал ему, как заставил Мэри записать мое послание.

— Вы двое, похоже, очень близки, — заметил он. — Она показала письмо своей матери?

— Нет. — Я покачал головой. — Но я могу еще раз попробовать.

— Она сейчас вне досягаемости, — возразил он.

— Но мне необходимо дать ей знать.

Альберт положил руку мне на плечо.

— Она довольно скоро будет с тобой, — деликатно сообщил он мне.

Я не знал, что сказать еще. Меня ужасно угнетала мысль о том, что не осталось способа дать Энн знать о том, что со мной все хорошо.

— А что ты думаешь о таких людях, как Перри? — спросил я, вдруг вспомнив о нем.

Я рассказал Альберту о медиуме.

— Вспомни, что тогда вы с ним были на одном и том же уровне, — сказал Альберт. — Сейчас он бы тебя не воспринял.

Заметив выражение моего лица, он обнял меня за плечи.

— Она будет здесь, Крис, — повторил он. — Гарантирую это. — Он улыбнулся. — Вполне понимаю твои чувства. Она очаровательна.

— Ты о ней знаешь? — с удивлением спросил я.

— О ней, о ваших детях, о Кэти, твоей работе, обо всем, — сказал он. — Я провел с тобой более двадцати лет. То есть земного времени.

— Провел со мной?

— Люди на Земле не бывают в одиночестве, — объяснил он. — У каждого человека всегда есть свой спутник.

— Ты хочешь сказать, ты был моим ангелом-хранителем?

Фраза получилась избитой, но ничего другого в голову не пришло.

— «Спутник» подходит лучше, — сказал Альберт. — Понятие ангела-хранителя было придумано в древности. Тогда человек угадывал правду о спутниках, но неверно истолковывал их суть из-за религиозных верований.

— У Энн тоже есть такой? — спросил я.

— Разумеется.

— Тогда разве ее спутник не может ей сообщить обо мне?

— Будь она для этого открыта, тогда — да, легко, — ответил он.

Я понял, что выхода нет. Ее ограждал скептицизм.

Еще одна мысль, вызванная тем, что я узнал о близком соседстве Альберта на протяжении двух десятилетий. Я испытал чувство стыда, когда понял, что он был свидетелем многих моих не совсем благовидных поступков.

— С тобой все было в порядке, Крис, — успокоил

он меня.

— Ты читаешь мои мысли? — спросил я.

— Что-то в этом роде, — ответил он. — Слишком не переживай по поводу своей жизни. Твои ошибки повторяются в жизни миллионов мужчин и женщин, по сути своей хороших людей.

— Мои ошибки в большинстве своем касались Энн, — признался я. — Я всегда любил ее, но слишком часто подводил.

— В основном в молодые годы, — прибавил он. — Молодые чересчур заняты собой, чтобы по-настоящему понять своих близких. Одного только стремления сделать карьеру достаточно, чтобы разрушить способность к пониманию. То же произошло и со мной. Мне так и не довелось жениться, потому что подходящую девушку я встретил, когда был еще слишком юн. Но мне не удавалось хорошенько понять мать, отца и сестер. Как звучит фраза из той пьесы? «Продается вместе с участком»?[3]

Мне пришло в голову, что он умер еще до того, как пьеса была написана. Но я не стал делать замечания на этот счет, все еще занятый мыслями об Энн.

---

[3] Сноски: 3
Цитата из пьесы А. Миллера «Смерть коммивояжера» (1949).

— Действительно нет никакого способа добраться до нее? — спросил я.

— Возможно, со временем что-нибудь проявится, — уклончиво ответил он. — В данный момент ее неверие является непреодолимым барьером. — Он убрал руку с моего плеча и ободряюще похлопал меня по спине. — Она и вправду будет с тобой, — заверил он. — Можешь не сомневаться.

— Ей не придется испытать то же, что мне? — смущенно спросил я.

— Маловероятно, — ответил он. — Обстоятельства должны быть иными. — Он улыбнулся. — И мы будем за ней присматривать.

Я кивнул.

— Хорошо.

На самом деле его слова меня не убедили, но отвлекли на какое-то время от этой проблемы. Оглядевшись вокруг, я сказал ему, что он, должно быть, хороший садовник.

Он улыбнулся.

— Здесь, конечно, есть садовники, — сказал он. — Но не для ухода за садами. Эти сады не нуждаются в уходе.

— Правда? — Я был опять поражен.

— Влаги здесь в избытке, — объяснил он. —

Нет избытка тепла и холода, нет бурь и ветров, снега или изморози. Не бывает беспорядочного роста.

— Что — даже и траву косить не надо? — изумился я, припоминая наши лужайки в Хидден-Хиллз и то, как часто Ричарду, а потом и Йену приходилось их косить.

— Она никогда не вырастает выше этого, — сказал Альберт.

— Ты говоришь, здесь не бывает бурь, — продолжал я, заставляя себя сосредоточиться на других вещах, помимо моей тревоги за Энн. — Не бывает снега и изморози. А как же быть людям, которые любят снег? Для них это место не станет раем. А как насчет осенних красок? Я их люблю. Энн тоже.

— Есть места, где ты можешь это увидеть, — сказал он. — У нас есть все времена года в своих определенных местах.

Я спросил о потоках энергии, которые ощущал исходящими от ствола дерева, травинки, цветов и воды.

— Здесь все излучает благотворную энергию, — подтвердил он.

Вид Кэти, сидящей подле меня с довольным видом, заставил меня улыбнуться и опуститься

на колени, чтобы снова ее приласкать.

— Так она здесь с тобой? — спросил я.

Альберт с улыбкой кивнул.

Я уже собирался сказать о том, как Энн скучала по собаке, но сдержался. Кэти была ее неразлучной спутницей. Она обожала Энн.

— Но ты еще не видел моего дома, — заметил Альберт.

Я встал и, пока мы брели к дому, высказался по поводу отсутствия окон и двери.

— Они не нужны, — пожал он плечами. — Никто не войдет без приглашения, хотя каждому я буду рад.

— Все живут в подобных домах?

— Живут так, как привыкли на Земле, — ответил он. — Или так, как им хотелось бы жить. Ты ведь знаешь, что у меня никогда не было такого дома, хотя я всегда о нем мечтал.

— Мы с Энн тоже.

— Тогда у тебя будет такой.

— Мы его построим? — спросил я.

— Не с помощью инструментов, — улыбнулся Альберт. — Я построил этот дом с помощью своей жизни. — Он указал на него рукой. — Он был не таким, когда я только что прибыл. Как и иные уголки моего сознания, комнаты дома

не отличались привлекательностью. Некоторые были темными и грязными, с затхлым воздухом. А в саду среди цветов и кустарников попадались сорняки, произраставшие в моей жизни. На реконструкцию потребовалось время, — сказал он, улыбаясь при воспоминании. — Пришлось пересмотреть образ дома — то есть собственный образ, — штрих за штрихом. Часть стены здесь, пол — там, дверной проем, отделка.

— Как же ты это сделал? — спросил я.

— С помощью сознания, — ответил он.

— Каждого вновь прибывшего человека ожидает дом?

— Нет, большинство строят свои дома позже, — сказал он. — Им помогают, разумеется.

— Помогают?

— Есть строительные организации. Группы искушенных в строительстве людей.

— В строительстве с помощью сознания?

— Всегда с помощью сознания, — подтвердил он. — Все начинается с мысли.

Я остановился и поднял глаза на дом, возвышавшийся над нами.

— Он такой… земной, — в изумлении промолвил я.

Он с улыбкой кивнул.

— Мы не настолько далеки от воспоминаний о Земле, чтобы желать чересчур нового в строительстве жилищ. — Он сделал приглашающий жест. — Входи, Крис.

Мы вошли в дом Альберта.

Мысли вполне реальны

Мое первое впечатление, когда я вошел, — абсолютная реальность.

Огромная комната, облицованная панелями и обставленная с безукоризненным вкусом, была наполнена светом.

— Нам не надо беспокоиться о том, чтобы «поймать» утреннее или вечернее солнце, — объяснил мне Альберт. — Все комнаты в любое время получают одинаковое количество света.

Я оглядел комнату. «Камина нет», — подумал я. Но казалось, он был предусмотрен.

— Я мог бы поставить камин, если б захотел, — тут же сказал Альберт, словно я озвучил свою мысль. — Некоторые люди это делают.

Я улыбнулся легкости, с которой он прочитал мои мысли. «У нас будет камин», — подумал я. Как те два камина из плитняка, бывшие в нашем доме и служившие в основном для уюта. Тепла от них было немного. Но мы с Энн больше всего на свете любили лежать перед камином с потрескивающими дровами и слушать музыку.

Я подошел к искусно сделанному столу и стал его рассматривать.

— Ты это сделал сам? — с восхищением спросил я.

— О нет, — ответил он. — Создать такую красивую вещь под силу лишь специалисту.

Я машинально провел пальцем по поверхности, потом попытался скрыть это движение. Альберт рассмеялся.

— Ты не найдешь пыли, — заметил он, — поскольку здесь не бывает разрушения.

— Моей жене это, безусловно, понравилось бы, — сказал я.

Она всегда любила, чтобы наш дом выглядел безупречным, а в Калифорнии с ее климатом Энн постоянно приходилось вытирать пыль, чтобы мебель блестела.

На столе стояла ваза с цветами — радужные оттенки красного, оранжевого, фиолетового и желтого. Никогда не видал таких цветов. Альберт улыбнулся, глядя на них.

— Их здесь раньше не было, — пояснил он. — Их кто-то оставил в качестве подарка.

— А они не завянут, после того как их сорвали? — спросил я.

— Нет, останутся свежими, пока я не потеряю к ним интереса, — ответил Альберт. — Тогда они исчезнут. — Он улыбнулся при виде выражения

на моем лице. — И точно так же исчезнет в конце концов и весь дом, если он мне наскучит и я его покину.

— А куда он денется? — спросил я.

— Попадет в матрицу.

— Матрицу?

— Обратно в источник для повторного использования, — объяснил он. — Здесь ничего не пропадает, все используется повторно.

— Если вещь создается рассудком, а потом, когда человек теряет к ней интерес, исчезает, — поинтересовался я, — имеет ли она собственную вещественность?

— О да, — ответил он. — Только эта вещественность всегда подчинена рассудку.

Я собирался спросить что-то еще, но меня все это смущало, и я оставил все как есть, следуя за Альбертом по дому. Каждая комната была большой, светлой и просторной, с огромными оконными проемами, выходящими на роскошный ландшафт.

— Я не вижу других домов, — заметил я.

— Они там, вдалеке, — махнул рукой Альберт. — Просто у нас здесь много места.

Я намеревался сделать замечание по поводу отсутствия кухни и ванной комнаты, но понял,

что причина очевидна. Понятно, что нашим телам еда не требовалась. И поскольку ни грязи, ни отходов не было, то и ванная комната была бы излишней.

Больше всего мне понравился кабинет Альберта. У каждой стены от пола до потолка стояли книжные шкафы, заполненные томами в красивых переплетах. На полированном деревянном полу были расставлены большие кресла, столики и диван.

К своему удивлению, я заметил на одной из полок ряд переплетенных рукописей и узнал заголовки своих книг. Меня поочередно охватывали удивление, как я уже сказал, потом удовольствие оттого, что вижу их в доме Альберта, и разочарование оттого, что, живя на Земле, я никогда не имел своих рукописей в переплетах.

И в конце я испытал чувство стыда, осознав, что во многих сочинениях описывались насилие или ужасы.

— Извини, — сказал Альберт, — я не собирался нарушать твой покой.

— Твоей вины здесь нет, — откликнулся я. — Это ведь я их написал.

— Теперь у тебя будет много времени, чтобы написать другие книги, — уверил он меня.

Я знаю, доброта не позволяла ему сказать: «лучшие книги».

Он указал на диван, и я опустился на него. Альберт сел в одно из кресел. Кэти устроилась у моей правой ноги, и я гладил ее по голове, пока мы с Альбертом продолжали беседу.

— Ты назвал это место «жатвой», — сказал я. — Почему?

— Потому что семена, которые человек сажает при жизни, приносят плоды, пожинаемые им здесь, — ответил он. — Но по сути дела, наиболее верное название — это «третья сфера».

— Почему?

— Объяснить довольно сложно, — сказал Альберт. — Почему бы тебе сначала немного не отдохнуть?

«Странно, — подумал я. — Откуда он знает, что я начинаю испытывать утомление?» Я осознал это в тот самый момент.

— Как это получается? — спросил я, зная, что он поймет вопрос.

— Ты пережил травмирующий опыт, — сказал он. — А отдых между периодами активности — естественная вещь как здесь, так и на Земле.

— Ты тоже устаешь? — спросил я с удивлением.

— Ну, может быть, не устаю, — ответил Альберт. — Ты скоро поймешь, что усталости как таковой здесь почти не бывает. Однако, для того чтобы освежиться, существуют периоды психического расслабления. — Он указал на диван. — Почему бы тебе не прилечь?

Я так и сделал, обратив взор к сияющему потолку. Через некоторое время я взглянул на свои руки, издав тихий возглас удивления.

— Они выглядят такими настоящими, — сказал я.

— Они и есть настоящие, — ответил он. — В твоем теле может не быть тканей, но это и не пар. Просто у него более тонкая текстура по сравнению с телом, оставленным тобой на Земле. В нем есть сердце и легкие, которые наполняются воздухом и очищают твою кровь. На голове у тебя по-прежнему растут волосы, у тебя по-прежнему есть зубы и ногти на пальцах рук и ног.

Я почувствовал, как тяжелеют веки.

— А ногти растут только до определенной длины, как и трава? — спросил я.

Альберт рассмеялся.

— Надо будет выяснить.

— А как насчет моей одежды? — спросил я, уже совсем сонно.

Мои глаза на миг закрылись, потом снова открылись.

— Она столь же вещественна, как и твое тело, — ответил Альберт. — Все люди — за исключением некоторых туземцев, разумеется, — убеждены в том, что одежда необходима. Это убеждение облачает людей в одежду и после смерти.

Я снова закрыл глаза.

— Трудно все это осмыслить, — пробормотал я.

— Ты все еще думаешь, что это сон? — спросил он.

Я открыл глаза и взглянул на него.

— Ты и об этом знаешь?

Он улыбнулся.

Я оглядел комнату.

— Нет, не могу в это поверить, — сонно проговорил я и взглянул на него слипающимися глазами. — Что бы ты сделал, если бы я все-таки так считал?

— Есть разные способы, — сказал он. — Закрой глаза, пока мы беседуем. — Он улыбнулся моей нерешительности. — Не волнуйся, ты снова проснешься. И Кэти останется с тобой, правда, Кэти?

Я взглянул на собаку. Помахав хвостом, она со вздохом улеглась у дивана. Альберт встал,

чтобы положить мне под голову подушку.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь закрой глаза.

Я так и сделал. И зевнул.

— Какие способы? — пробормотал я.

— Ну… — Я слышал, как он снова садится в кресло. — Я мог бы попросить тебя вспомнить какого-нибудь умершего родственника, а потом явить его тебе. Я мог бы восстановить по твоим воспоминаниям подробности того, что случилось как раз перед твоим уходом. В крайнем случае, я мог бы перенести тебя обратно на Землю и показать тебе твое окружение без тебя.

Несмотря на усиливающуюся сонливость, я приоткрыл глаза, чтобы взглянуть на Альберта.

— Ты сказал, что я не могу вернуться, — напомнил ему я.

— Не можешь — один.

— Значит…

— Мы можем отправиться туда только как наблюдатели, Крис, — пояснил он. — А это лишь ввергнет тебя опять в ужасное отчаяние. Ты не сможешь помочь жене, а станешь вновь свидетелем ее горя.

Я подавленно вздохнул.

— С ней все будет хорошо, Альберт? — допыты-

вался я. — Я так за нее беспокоюсь.

— Знаю, — сказал он, — но теперь это выходит у тебя из-под контроля — сам видишь. Закрой глаза.

Я вновь закрыл глаза, и мне на миг показалось, что я увидел перед собой ее милое лицо: эти детские черты, темно-карие глаза…

— Когда я встретил Энн, то видел только эти глаза, — думал я вслух. — Они казались такими огромными.

— Ты встретил ее на пляже, верно? — спросил он.

— В Санта-Монике, в сорок девятом, — сказал я. — Я приехал в Калифорнию из Бруклина. Работал в компании «Дуглас Эркрафт» с четырех до полуночи. Каждое утро, закончив писать, я шел на пляж на час или два. Я все еще вижу перед глазами купальник, который был на ней в тот день. Бледно-голубой, цельный. Я наблюдал за ней, но не знал, как заговорить; мне раньше не доводилось этого делать. В конце концов я прибегнул к испытанному: «Не подскажете время?» — Я улыбнулся, вспоминая ее реакцию. — Она сконфузила меня, указав на здание с часами.

Я беспокойно заерзал.

— Альберт, неужели ничем нельзя помочь Энн? — спросил я.

— Посылай ей любящие мысли, — посоветовал он.

— И это все?

— Это очень много, Крис, — сказал он. — Мысли вполне реальны.

— Да будет так, — сказал я. — Я видел собственные мысли в действии.

Должно быть, я произнес эти слова с мрачным видом, потому что на лице Альберта отразилось сочувствие.

— Я знаю, — проговорил он. — Тяжело узнать, что каждая наша мысль принимает форму, которой приходится в конце концов противостоять.

— Ты тоже через это прошел?

Он кивнул.

— Все проходят.

— Перед тобой промелькнула вся твоя жизнь? — спросил я. — С конца до начала?

— Не так быстро, как твоя, потому что я умер от длительной болезни, — ответил он. — А у тебя это произошло не так быстро, как, скажем, у тонущего человека. Его уход из жизни настолько стремителен, что подсознательная память выплескивает свое содержимое за несколько мгновений — и все впечатления высвобождаются почти одновременно.

— А когда это произошло во второй раз? — спросил я. — В первый раз было не так уж плохо:

я лишь наблюдал. Во второй раз я вновь переживал каждый момент.

— Только в сознании, — пояснил он. — На самом деле этого не происходило.

— А казалось, что да.

— Да, это представляется вполне реальным, — согласился он.

— И болезненным.

— Даже более, чем изначально, — сказал он, — ибо у тебя не было физического тела, чтобы притупить боль твоей повторно пережитой жизни. Это время, когда мужчины и женщины познают, кто они такие на самом деле. Время очищения.

Пока он говорил, я смотрел в потолок. При последних словах я с удивлением повернул к нему лицо.

— Не это ли католики называют чистилищем?

— По существу, да. — Он кивнул. — Период, в течение которого каждая душа самоочищается, осознавая прошлые дела и признавая ошибки.

— Осознавая, — повторил я. — Так значит, не существует оценок и приговоров извне?

— Разве может быть порицание более суровое, чем самоосуждение, когда притворство более невозможно? — спросил Альберт.

Отвернувшись от него, я выглянул в окно, за которым открывался сельский пейзаж. Его красота еще более обостряла воспоминания о моих проступках, особенно касающихся Энн.

— Кто-нибудь бывает счастлив от того, что пережил повторно? — спросил я.

— Сомневаюсь, — ответил он. — Не важно, что это за человек, уверен, что каждый найдет у себя промахи.

Опустив руку, я принялся гладить голову Кэти. Если бы не мои воспоминания, момент был бы чудесным: красивый дом, изумительный пейзаж, сидящий напротив меня Альберт, теплая голова собаки у меня под рукой.

Но воспоминания не покидали меня.

— Если бы я только сделал больше для Энн, — сказал я. — Для детей, семьи, друзей.

— Это справедливо почти для каждого, Крис, — заметил Альберт. — Мы все могли бы сделать больше.

— А сейчас слишком поздно.

— Не так уж все плохо, — возразил он. — В твоих чувствах отчасти выражается неудовлетворенность тем, что ты не смог оценить свою жизнь так полно, как должен был.

Я снова взглянул на него.

— Не уверен, что понял тебя.

— Тебя удержали от этого скорбь твоей жены и твоя тревога за нее, — объяснил он, понимающе улыбнувшись. — Найди утешение в своих чувствах, Крис. Это значит, что ты действительно обеспокоен ее благополучием. Будь это не так, ты не ощущал бы ничего подобного.

— Хотелось бы мне хоть что-то изменить, — промолвил я.

Альберт поднялся.

— Поговорим об этом позже, — сказал он. — Поспи сейчас — и, пока еще не придумал, что делать дальше, оставайся у меня. Места много, и я с удовольствием тебя приглашаю.

Я поблагодарил его, а он наклонился и сжал мое плечо.

— Сейчас я уйду. Кэти составит тебе компанию. Подумай обо мне, когда проснешься, и я появлюсь.

Не говоря больше ни слова, он повернулся и вышел из кабинета. Я уставился на дверной проем, в котором он исчез. «Альберт, — подумал я. — Кузен Бадди. Умер в тысяча девятьсот сороковом. Сердечный приступ. Живет в этом доме». В голове никак не укладывалось, что все это происходит на самом деле.

Я посмотрел на Кэти, лежащую на полу у дивана.

— Кэти, старушка Кэти, — молвил я.

Она дважды вильнула хвостом. Я вспомнил наши безудержные слезы в тот день, когда мы оставили ее у ветеринара. И вот сейчас она была здесь, живая, поглядывая на меня блестящими глазами.

Я со вздохом оглядел комнату. Она тоже выглядела вполне реальной. Я с улыбкой вспомнил французскую провинциальную комнату в фильме Кубрика «Космическая одиссея, 2001». Может, меня захватили пришельцы? При этой мысли я хохотнул.

Потом я заметил, что в комнате нет зеркала, и припомнил, что во всем доме я не видел ни одного зеркала. «Тени Дракулы», — подумал я, веселясь в душе. Вампиры здесь? Я снова не удержался от смешка. Как провести разделительную черту между воображением и реальностью?

К примеру, показалось ли мне это, или свет в комнате действительно начал меркнуть?

Мы с Энн были в Национальном парке секвой. Рука об руку шли мы под гигантскими деревьями с красной корой. Я чувствовал ее пальцы, переплетенные с моими, слышал похрустывание

подошв по ковру из сухих игл, вдыхал теплый, душистый аромат древесной коры. Мы не разговаривали, просто шли бок о бок в окружении красот природы, прогуливаясь перед обедом.

Минут через двадцать мы подошли к поваленному стволу и уселись на нем. Энн устало вздохнула. Я обнял ее, и она ко мне прислонилась.

— Устала? — спросил я.

— Немного. — Она улыбнулась. — Сейчас передохну.

Эта поездка потребовала от нас усилий, но доставила и много удовольствия. Мы затащили взятый напрокат трейлер вверх по крутому холму до парка, причем наш пикап «рамблер» дважды перегревался. Установили палатку с шестью раскладушками внутри. Сложили все припасы в деревянный ящик, чтобы не добрались медведи. У нас был с собой фонарь Колемана, но не было печки, так что огонь разводили под жаровней, взятой в палаточном лагере. И самое сложное, приходилось раз в день греть воду для стирки ползунков Йена; в то время ему было только полтора года. Наш лагерь напоминал прачечную: повсюду на веревках висела детская одежда.

— Лучше не оставлять их надолго, — сказала

Энн, после того как мы немного передохнули.

Соседка по лагерю предложила присмотреть за детьми, но мы не хотели ее обременять, поскольку самой старшей, Луизе, было только девять, Ричарду шесть с половиной, Мэри не исполнилось и четырех и даже Кэти, наша сторожевая собака, еще не вышла из щенячьего возраста.

— Мы скоро вернемся, — сказал я. Поцеловав жену в слегка влажный висок, я крепко ее обнял. — Побудем еще несколько минут. — Я улыбнулся. — Здесь красиво, правда?

— Замечательно. — Она кивнула. — Я сплю здесь лучше, чем дома.

— Знаю.

За два года до этого у Энн произошел нервный срыв; она уже полтора года находилась под наблюдением. Это было первое большое путешествие, предпринятое нами со времени ее болезни, — по настоянию ее психоаналитика.

— Как твой желудок? — спросил я.

— О… уже лучше.

Ответ прозвучал неубедительно. У нее были проблемы с желудком еще с тех пор, как мы впервые встретились. До чего же я был беспечным, чтобы не понять, что это означает нечто серьез-

ное. Со времени нервного срыва ее состояние улучшилось, но все же она не была полностью здорова. Как сказал ей психоаналитик, чем глубже спрятано недомогание, тем сильнее оно проникает в организм. Вот и ее пищеварительная система что-то прятала.

— Может, скоро мы сможем купить кемпер[4], — сказал я; она предложила это утром. — Тогда будет намного проще готовить пищу. И это облегчит походную жизнь.

— Знаю, но они такие дорогие, — сказала она. — А я и так слишком дорого стою.

— Теперь, когда я пишу для телевидения, смогу зарабатывать больше, — пообещал я.

Она сжала мою руку.

— Знаю, сможешь. — Она поднесла мою руку к губам и поцеловала ее. — Палатка вполне подходит, — сказала она. — Ничего не имею против.

Вздохнув, она подняла глаза вверх, на пронизанную солнечными лучами листву красных деревьев высоко над головой.

— Я могла бы здесь остаться навсегда, — пробормотала она.

— Ты могла бы стать лесником, — сказал я.

---

[4] Сноски: 4
Автомобиль — дом на колесах.

— А я хотела быть лесником, — поведала она. — Когда была маленькой.

— Правда? — Эта мысль вызвала у меня улыбку. — Лесник Энни.

— Это представлялось чудесным способом скрыться, — сказала она.

Любимая. Я крепко прижал ее к себе. От многого ей надо было бы скрыться.

— Что ж. — Она встала. — Нам лучше отправиться назад, шеф.

— Верно. — Я кивнул, вставая. — Дорожка петляет, не обязательно возвращаться тем же путем.

— Хорошо. — Она с улыбкой взяла меня за руку. — Тогда пошли.

Мы отправились в путь.

— Ты рад, что приехал сюда? — спросила она.

— Угу; здесь так красиво, — ответил я. Поначалу я сомневался, стоит ли брать в поход четверых маленьких детей. Но в детстве я никогда не бывал в таких поездках, так что не с чем было сравнивать. — Думаю, у нас здорово получается, — сказал я.

Тогда я этого не знал, но намерение Энн отправиться в путешествие, вопреки ее сомнениям по поводу того, стоит ли пробовать что-то новое

в период душевного стресса, было вызвано желанием открыть новый чудесный мир не только для нас, но и для детей.

Тем временем мы подошли к месту, где дорожка разделялась на две. В начале правой тропинки висел знак, предупреждающий туристов о том, что сюда идти не следует.

Энн посмотрела на меня с тем самым, присущим ей выражением «маленькой проказницы».

— Пойдем сюда, — сказала она, потащив меня к тропинке справа.

— Но сюда нельзя, — возразил я, желая играть по правилам.

— Пошли, — настаивала она.

— Хочешь, чтобы нам на головы рухнуло подгнившее дерево? — припугнул я ее.

— Мы убежим, если оно начнет падать, — сказала она.

— Ох… — Я запричитал, качая головой. — Мисс Энни, вы плохая, — сказал я, изображая Хэтти Макдэниел в роли Мамушки из «Унесенных ветром».

— Ага.

Она кивнула и повела меня к дорожке справа.

— Плохое оправдание для лесника, — заметил я.

Несколько мгновений спустя мы оказались на наклонном участке скалы, спускавшемся к краю утеса, который был от нас всего ярдах в пятнадцати.

— Видишь? — сказал я ей, стараясь не улыбаться.

— Хорошо, тогда вернемся, — согласилась она, подавив улыбку. — По крайней мере, теперь мы знаем, почему нельзя было сюда идти.

Я посмотрел на нее с притворной суровостью.

— Ты всегда приводишь меня туда, куда идти не следует, — сказал я.

Она кивнула с довольным видом.

— В этом моя обязанность — делать твою жизнь увлекательной.

Мы стали перебираться через вершину ската, направляясь в сторону другой тропинки. Поверхность скалы была скользкой от слоя сухих игл, и мы шли друг за другом, я — сзади.

Энн прошла лишь несколько ярдов, когда вдруг оступилась и упала на левый бок. Я бросился к ней и тоже поскользнулся. Пытался встать, но не мог. Меня разбирал смех.

— Крис.

Ее встревоженный голос заставил меня быстро взглянуть в ее сторону. Она стала скользить

вниз по скату, и каждая попытка остановиться приводила к тому, что она сдвигалась еще дальше вниз.

— Не шевелись, — сказал я. Мое сердце вдруг сильно забилось. — Раскинь пошире руки и ноги.

— Крис… — Голос ее задрожал. Она старалась делать, как я говорил, но соскальзывала все дальше. — О господи, — в испуге бормотала она.

— Замри, — велел я ей.

Она послушалась и почти перестала соскальзывать. Я неуклюже поднялся на ноги. Мне было не дотянуться до нее. А попытайся я подползти к ней, мы оба заскользили бы к краю.

Я снова поскользнулся и упал на одно колено, зашипев от боли. Потом осторожно подполз к верху ската, на ходу разговаривая.

— Не двигайся сейчас, просто не двигайся, — говорил я. — Все будет хорошо. Не бойся.

И вдруг все вернулось опять. Это уже когда-то было. Я мгновенно испытал облегчение. Я найду упавшую ветку, протяну ей вниз и вытащу ее на безопасное место. А потом обниму, расцелую, и она…

— Крис!

Ее крик заставил меня вздрогнуть. Поражен-

ный ужасом, я смотрел, как она соскальзывает к краю.

В панике позабыв обо всем, я нырнул вниз по скату, устремившись к ней и вглядываясь в ее побелевшее от ужаса лицо.

— Крис, спаси меня, — молила она. — Спаси меня. Пожалуйста, Крис!

Я в ужасе закричал, когда она, оказавшись на краю, пропала из виду. Послышался жуткий крик.

— Энн! — истошно завопил я.

Я резко проснулся с сильно бьющимся сердцем, быстро поднялся и огляделся по сторонам.

У дивана стояла Кэти, помахивая хвостом и поглядывая на меня с выражением, я бы сказал, озабоченности. Я положил руку ей на голову.

— Ладно, ладно, — пробормотал я. — Сон. Мне приснился сон.

Почему-то мне показалось, она поняла мои слова.

Я приложил к груди правую ладонь и почувствовал тяжелые удары сердца. «Почему мне приснился этот сон? — недоумевал я. — И почему он окончился совсем не так, как было в действительности?» Вопрос не давал мне покоя, и я огляделся по сторонам, потом позвал Альберта

по имени.

Я вздрогнул от неожиданности, когда он в тот же миг — да, Роберт, именно в тот же миг вошел в комнату. Он улыбнулся, видя мою реакцию, потом, присмотревшись, понял, что я чем-то встревожен, и спросил, в чем дело.

Я рассказал ему о сне и спросил, что это может значить.

— Возможно, это был какой-то символический «след», — сказал он.

— Надеюсь, больше не осталось, — содрогаясь, проговорил я.

— Это пройдет, — уверил он меня.

Вспомнив, как стояла около меня Кэти во время пробуждения, я сказал об этом Альберту.

— У меня было странное ощущение, что она понимает мои слова и чувства, — сказал я.

— Здесь существует такое понимание, — откликнулся он, наклоняясь и гладя ее по голове. — Правда, Кэти?

Она помахала хвостом, глядя ему в глаза.

Я выдавил из себя улыбку.

— Когда ты сказал: «Подумай обо мне, и я приду», ты не шутил.

Он с улыбкой выпрямился.

— Здесь так и бывает, — согласился он. — Когда

хочешь кого-то увидеть, стоит лишь подумать о нем, и этот человек появится. Разумеется, если он этого хочет — как я хотел быть с тобой. Ведь у нас с тобой всегда было родство душ. Даже если нас разделяли годы, мы были, так сказать, на одной волне.

Я в изумлении заморгал.

— Повтори это! — попросил я.

Он повторил, и у меня челюсть отвисла, не сомневаюсь.

— У тебя губы не шевелятся, — вымолвил я.

Он рассмеялся при виде моего лица.

— Как получилось, что я не замечал этого раньше?

— Я раньше так не делал, — признался он.

Его губы не двигались.

Ошеломленный, я уставился на него.

— Как же я могу слышать твой голос, если ты не разговариваешь?

— Так же, как я слышу твой.

— Мои губы тоже не шевелятся?

— Мы общаемся через сознание, — ответил он.

— Невероятно, — сказал я.

Подумал, что сказал.

— По сути дела, здесь довольно сложно разговаривать вслух, — услышал я его голос. — Но боль-

шинство вновь прибывших некоторое время не осознают, что не пользуются голосами.

— Невероятно, — повторил я.

— Но как эффективно, — сказал он. — Язык скорее барьер для понимания, нежели содействие. Кроме того, посредством мысли мы в состоянии общаться на любом языке без переводчика. И еще, мы не ограничены словами и предложениями. Качество общения улучшается благодаря вспышкам чистой мысли. А теперь, — продолжал он, — поскольку я носил этот костюм, тебя не удивит мой внешний вид. Если не возражаешь, я вернусь к своему естественному одеянию.

Я понятия не имел, что он хочет этим сказать.

— Хорошо? — спросил он.

— Конечно, — сказал я. — Не знаю, что…

Вероятно, это произошло, пока я моргал. На Альберте больше не было белой рубашки и брюк. Вместо этого на нем появилась мантия, цвет которой гармонировал с окружавшим его сиянием. Длиной до пят, она свисала красивыми складками и была перехвачена в талии золотым пояском. Я заметил, что Альберт босой.

— Ну вот, — сказал он. — Так мне гораздо удобнее.

Я уставился на него — боюсь, несколько невеж-

ливо.

— Мне тоже придется носить такое? — спросил я.

— Вовсе нет, — сказал он. Не знаю, что было написано у меня на лице, но мой вид явно его развеселил. — Выбор за тобой. Что пожелаешь.

Я оглядел себя. Признаюсь, немного странно было увидеть ту же одежду, что была на мне в день аварии. И все же я не представлял себя в мантии. Она казалась мне чересчур «божественной».

— А теперь, — молвил Альберт, — возможно, тебе захочется получить более полное представление о том, где ты находишься.

В том-то и проблема

Когда мы вышли из дома, случилось нечто странное. Во всяком случае, мне это показалось странным. Альберт же не удивился. Даже Кэти не прореагировала так, как можно было ожидать.

Появившаяся в небе жемчужно-серая птица стремительно опустилась на левое плечо Альберта, и я вздрогнул от неожиданности.

Слова Альберта поразили меня еще больше.

— Это та птица, за которой ухаживала твоя жена, — сообщил он. — Я берегу ее для Энн.

— Птица, за которой ухаживала моя жена? — удивился я и невольно взглянул на Кэти.

В жизни при виде птицы она залилась бы неистовым лаем. Здесь собака оставалась совершенно спокойной.

Альберт объяснил, что Энн постоянно занималась ранеными птицами, выхаживая их. Все спасенные ею птицы — а их были десятки — находились здесь, в Стране вечного лета, ожидая ее. Альберт знал даже, что одно время местные ребятишки звали Энн Птичьей Леди Хидден-Хиллз.

Я мог лишь покачать головой.

— Невероятно, — сказал я.

Он улыбнулся.

— О, ты увидишь вещи куда более невероятные, — пообещал он и, погладив птицу, обратился к ней: — Как поживаешь?

Я не удержался от смеха, когда птица затрепетала крыльями и зачирикала.

— Не хочешь ли ты сказать, что она ответила? — спросил я.

— Да, по-своему, — согласился Альберт. — То же самое, что с Кэти. Скажи ей: «Привет!»

Мне было немного неловко, но я сделал, как он сказал. Птица мгновенно уселась на мое правое плечо, и мне и вправду показалось, Роберт, что между нами произошел какой-то обмен мыслями. Не знаю, как передать, что именно это было, знаю только, что это было очаровательно.

Потом птица снова взлетела, и Кэти напугала меня, пролаяв один раз, словно с ней прощаясь. «Невероятно», — подумал я, когда мы стали удаляться от дома.

— Я заметил, что в доме нет зеркал, — сказал я.

— Они бесполезны, — откликнулся Альберт.

— Потому что они в основном тешат наше тщеславие? — поинтересовался я.

— Более того, — ответил он. — Людям, чья внеш-

ность так или иначе пострадала в течение жизни, ни к чему смотреть на себя. Иначе они стали бы застенчивыми и не смогли бы сконцентрироваться на самоусовершенствовании.

Я задумался о том, какая внешность у меня, понимая, что, если во мне есть что-то неприятное, он все равно не скажет.

Мы начали подниматься по травянистому склону, и я постарался об этом не думать. Кэти бежала впереди. Я с удовольствием подумал о том, какая она ухоженная. Энн была бы так счастлива ее увидеть. Они проводили вместе много времени. Энн буквально не могла выйти из дома без собаки. Бывало, мы подсмеивались над безошибочным чутьем, с каким Кэти догадывалась о намерении Энн выйти из дома. По временам это казалось явно сверхъестественным.

Перебирая в голове эти мысли, я глубоко вдыхал свежий, прохладный воздух. Эта температура казалась для меня идеальной.

— Вот почему это место называют Страной вечного лета? — спросил я, пускаясь в эксперимент, чтобы узнать, понял ли Альберт мой вопрос.

Он понял и ответил:

— Отчасти. Но также и потому, что это место может отразить представление каждого человека

о совершенном счастье.

— Будь Энн здесь со мной, оно было бы совершенным, — молвил я, не в силах избавиться от мыслей о ней.

— Будет, Крис.

— Тут есть вода? — спросил я вдруг. — Лодки? Так Энн представляет себе небеса.

— Есть и то и другое, — ответил он.

Я поднял глаза к небу.

— Здесь когда-нибудь темнеет?

— Не полностью, — сказал Альберт. — Правда, сумерки у нас бывают.

— Почудилось ли это мне, или свет в кабинете действительно потускнел, когда я собирался спать?

— Потускнел, — подтвердил Альберт. — В соответствии с твоей потребностью отдохнуть.

— Ведь это неудобно — когда нет смены дня и ночи? Как вы планируете свое время?

— По виду деятельности, — ответил он. — Разве в жизни люди, как правило, делают не то же самое? Время работать, время есть, время отдыхать, время спать? Мы делаем то же самое — с той разницей, разумеется, что нам не надо есть или спать.

— Надеюсь, и моя потребность во сне скоро

отпадет, — сказал я. — Меня не привлекает перспектива видеть сны такого рода, какой только что меня посетил.

— Эта потребность отпадет, — успокоил меня Альберт.

Оглядевшись по сторонам, я недоверчиво присвистнул.

— Полагаю, я привыкну ко всему этому, — сказал я с некоторым сомнением. — Правда, поверить невероятно трудно.

— Ты не представляешь, как долго мне пришлось к этому привыкать, — признался Альберт. — Труднее всего было поверить в то, что меня пустили в такое место, которого, по моим понятиям, не существует.

— Ты тоже в это не верил! — воскликнул я с облегчением.

— Верят очень немногие, — продолжал он. — Некоторые произносят пустые слова. Другие даже хотят поверить. Но верят немногие.

Остановившись, я наклонился, чтобы снять ботинки и носки. Подняв, я понес их в руках, когда мы пошли дальше. Трава под ногами была мягкой и теплой.

— Нет необходимости их нести, — сказал Альберт.

— Не хотелось бы захламлять такое красивое место.

Он рассмеялся.

— Не беспокойся, — сказал он. — Через некоторое время они исчезнут.

— В матрице?

— Точно.

Я остановился, чтобы положить ботинки на траву, потом догнал Альберта. Кэти легко бежала с нами рядом. Альберт заметил взгляд, который я бросил назад, и улыбнулся.

— Не сразу, — сказал он.

Через несколько минут мы добрались до вершины холма и, остановившись, окинули взглядом пейзаж. При ближайшем рассмотрении можно было сравнить его с Англией — или, возможно, Новой Англией — в начале лета: роскошные зеленые луга, густые леса, красочные островки цветов и искрящиеся ручьи — все это накрыто куполом насыщенного голубого цвета со снежно-белыми облаками. Тем не менее ни одно место на Земле не могло сравниться с этим.

Я глубоко вдыхал воздух. Я чувствовал себя совершенно здоровым, Роберт. Прошла не только боль от травм после аварии, но никаких следов боли не было также в шее и пояснице; ты ведь

знаешь, у меня были проблемы со спиной.

— Я так хорошо себя чувствую, — признался я.

— Значит, ты смирился с тем, что находишься здесь, — сказал Альберт.

Я не понял и спросил, что это значит.

— Многие люди попадают сюда, убежденные в том, что пребывают в том же физическом состоянии, как и в момент смерти, — объяснил он. — Они считают себя больными, пока не осознают, что попали в место, где болезни сами по себе не существуют. Только тогда они становятся здоровыми. Сознание — все, помни об этом.

— И, кстати говоря, — признался я, — похоже, я и соображать стал лучше.

— Потому что тебе больше не мешает физическая субстанция мозга.

Глядя по сторонам, я заметил фруктовый сад с деревьями, похожими на сливовые. Я подумал, что этого не может быть, и у меня в голове возник вопрос.

— Ты сказал, что здесь нет нужды в еде, — сказал я. — Значит ли это, что и пить никогда не хочется?

— Мы получаем питание непосредственно из атмосферы, — ответил он. — Свет, воздух, цве-

та, растения.

— Так у нас нет желудков, — догадался я. — Нет органов пищеварения.

— В них нет необходимости, — согласился он. — На Земле наши организмы извлекают все полезное из пищи, в которой изначально содержится энергия солнца. Здесь мы непосредственно потребляем эту энергию.

— А что происходит с репродуктивными органами?

— У тебя они все еще есть, потому что ты считаешь, что они должны быть. Со временем, когда ты осознаешь их ненужность, они исчезнут.

— Это странно, — сказал я.

Он покачал головой с печальной улыбкой на устах.

— Представь себе людей, чья жизнь зависит от этих органов, — предложил он. — Кто даже после смерти продолжает считать их необходимыми, поскольку не может помыслить о существовании без них. Эти люди не бывают удовлетворенными, никогда не достигают совершенства. Это лишь иллюзия, но им от нее не освободиться, и она бесконечно препятствует их прогрессу. Вот что странно, Крис.

— Могу это понять, — признал я. — И все-таки

нас с Энн связывали и физические отношения тоже.

— И здесь есть люди, любящие друг друга, которых связывают сексуальные отношения, — сказал он, в очередной раз меня удивив. — Рассудок способен на все, что угодно, — всегда помни об этом. Конечно, со временем эти люди обычно начинают понимать, что здесь физические контакты не столь полны, как при жизни. По этой причине, — продолжал он, — нам совсем не следует пользоваться нашими телами; мы лишь ими обладаем, потому что они нам знакомы. Стоит захотеть, и мы можем выполнить любую функцию только с помощью сознания.

— Ни голода, — сказал я. — Ни жажды. Ни усталости. Ни боли. Никаких проблем.

— Я бы этого не сказал, — возразил Альберт. — Если не считать снижения потребностей, о которых ты говорил, — и отсутствия необходимости зарабатывать деньги, — все остается прежним. Все те же проблемы. И человеку приходится их решать.

Его слова заставили меня подумать об Энн. Было тревожно думать о том, что после всех перенесенных в жизни невзгод она не найдет здесь отдохновения. Это казалось мне неспра-

ведливым.

— Помни, что здесь она найдет и поддержку, — сказал Альберт, снова прочитав мои мысли. — Очень продуманную и деликатную.

— Мне бы лишь хотелось дать ей об этом знать, — сказал я. — Никак не могу избавиться от беспокойства за нее.

— Ты по-прежнему разделяешь ее страдания, — откликнулся он. — Надо выкинуть это из головы.

— Тогда я полностью потеряю с ней контакт, — ужаснулся я.

— Это не контакт, — возразил он. — Энн ничего не знает — а тебе это только мешает. Теперь ты здесь, Крис. И в этом все дело.

Сила разума

Я понимал, что он прав, и, несмотря на постоянную тревогу, старался выбросить тягостные мысли из головы.

— Ходьба пешком — единственный способ перемещения здесь? — спросил я, чтобы переменить тему разговора.

— Конечно нет, — ответил Альберт. — У каждого есть собственный способ быстрого перемещения.

— Как это?

— Поскольку здесь не существует пространственных ограничений, — разъяснил он, — путешествие может быть мгновенным. Ты видел, как быстро я к тебе пришел, когда ты позвал меня по имени. Я это сделал, подумав о своем доме.

— И все путешествуют таким образом? — с удивлением спросил я.

— Те, кто хочет, — сказал он, — и может себе это представить.

— Я не улавливаю.

— Все происходит в сознании, Крис, — напомнил он. — Никогда этого не забывай. Те, кто считает, что транспортировка ограничивается

машинами и велосипедами, будут путешествовать на них. Те, кто полагает, что единственный способ перемещения — ходьба, будут ходить. Понимаешь, здесь существует огромная разница между тем, что люди считают необходимым, и тем, что действительно необходимо. Если ты внимательно посмотришь вокруг, то увидишь транспортные средства, теплицы, магазины, фабрики и так далее. Все это не нужно, но существует, потому что некоторые люди считают, что эти вещи нужны.

— Ты научишь меня путешествовать в мыслях? — спросил я.

— Разумеется. Все дело в воображении. Мысленно представь себя в десяти ярдах от того места, где ты сейчас находишься.

— И это все?

Он кивнул.

— Попробуй.

Я закрыл глаза и попробовал. Сначала я ощутил вибрацию, потом вдруг почувствовал, что начинаю скользить вперед в наклонном положении. Испугавшись, я открыл глаза и огляделся. Альберт был примерно в шести футах позади меня, Кэти бежала рядом, помахивая хвостом.

— Что произошло? — спросил я.

— Ты остановился, — сказал Альберт. — Попробуй еще. Не надо закрывать глаза.

— Это произошло не мгновенно, — заметил я. — Я чувствовал, что двигаюсь.

— Все потому, что это для тебя внове, — объяснил он. — После того как привыкнешь, это будет происходить мгновенно. Попробуй еще раз.

Я взглянул на полянку под березой ярдах в двадцати от нас и представил, как я там стою.

Движение было настолько стремительным, что я с ним не совладал. Издав удивленный вопль, я упал на землю, не почувствовав боли. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что ко мне с лаем бежит Кэти.

Альберт оказался около меня раньше ее; не знаю, как ему это удалось.

— Ты слишком стараешься, — сказал он со смехом.

Я смущенно улыбнулся.

— Ну, по крайней мере, было не больно.

— Больно не будет никогда, — откликнулся он. — Наши тела невосприимчивы к повреждениям.

Я поднялся на колени и потрепал Кэти, когда она ко мне подошла.

— Это ее пугает? — спросил я.

— Нет-нет, она знает, что происходит.

Я поднялся, думая о том, как все это понравилось бы Энн. Представляя себе улыбку на ее лице, когда она впервые попробует. Ей всегда нравилось новое, волнующее; нравилось делиться со мной впечатлениями.

Пока ко мне не вернулись мои опасения, я выбрал вершину холма в нескольких сотнях ярдов от нас и мысленно представил, что стою там.

Снова ощущение вибрации; я бы сказал, изменяющейся вибрации. Не успел я и глазом моргнуть, как уже был там.

Нет, не там. Я в замешательстве огляделся по сторонам. Альберта и Кэти нигде не было видно. Что же теперь я сделал не так?

Передо мной вспыхнул свет, и голос Альберта произнес:

— Ты улетел слишком далеко.

Я стал его высматривать. Моргнув раз, другой, я заметил его с Кэти на руках прямо перед собой.

— Что это была за вспышка света? — спросил я, пока он опускал собаку на землю.

— Моя мысль, — ответил он. — Мысли тоже можно передавать.

— Значит, я могу послать свои мысли Энн? — быстро спросил я.

— Будь она к ним восприимчива, то получила бы некоторые, — ответил он. — Но к сожалению, чрезвычайно трудно, если вообще возможно, послать ей мысли.

И снова я постарался заглушить потаенную тревогу, рождавшуюся вместе с мыслями об Энн. Следовало верить словам Альберта.

— А мог бы я мысленно отправиться в Англию? — задал я первый пришедший в голову вопрос. — Я, конечно, имею в виду здешнюю Англию; полагаю, здесь она есть.

— Да, действительно, — сказал он. — И ты можешь туда отправиться, потому что делал это в жизни и знаешь, что именно себе представлять.

— Где в точности мы находимся? — спросил я.

— В аналоге Соединенных Штатов, — ответил он. — Человеку свойственно настраиваться на волну своей страны и народа. Дело не в том, что нельзя жить где захочешь. Важно, что тебе было там комфортно.

— Значит, здесь существует эквивалент каждой страны на Земле?

— На этом уровне, — ответил Альберт. — В высших сферах национального сознания не существует.

— Высших сферах? — Я снова был в замешательстве.

— В доме Творца нашего много покоев, Крис, — сказал он. — Ты, например, найдешь здесь особые небеса для каждого направления богословия.

— Какое же в таком случае правильное? — спросил я, совершенно сбитый с толку.

— Все, — сказал он, — и ни одно. Буддисты, индуисты, мусульмане, христиане, иудаисты — все имеют свои представления о жизни после смерти, отражающие их верования. У викингов была своя Валгалла, у американских индейцев — охотничий рай, у зелотов — город золота. Все это реально. Все эти понятия являются частью всеобщей реальности. Ты найдешь здесь и таких, которые считают бессмертие души чепухой, — продолжал он. — Они колотят по нематериальным столам нематериальными кулаками и фыркают даже при упоминании о жизни вне материи. В этом величайшая ирония заблуждений. Помни об этом, — закончил он. — Любое явление в жизни имеет свой аналог в загробной жизни. Это относится как к самым прекрасным, так и к самым отвратительным вещам.

Когда он это сказал, у меня мороз пошел по коже — не знаю почему, да я и знать не хотел.

Я торопливо перевел разговор на другое.

— Теперь мне в этой одежде как-то неловко, — сказал я.

Я говорил импульсивно, но, произнеся эти слова, понял, что сказал правду.

В голосе Альберта послышалась озабоченность.

— Не из-за меня ты так чувствуешь?

— Совсем нет. Просто… — Я пожал плечами. — Ну и как же мне переодеться?

— Так же, как перемещался в пространстве.

— С помощью воображения, сознания?

Он кивнул.

— Всегда с помощью сознания, Крис. Его значение невозможно переоценить.

— Хорошо.

Закрыв глаза, я представил, что на мне мантия наподобие той, что у Альберта. В тот же миг я снова ощутил ту же вибрацию, на этот раз словно вокруг меня одно мгновение порхали тысячи бабочек. Сравнение неточное, но лучше ничего не могу придумать.

— Получилось? — спросил я.

— Посмотри, — отозвался он.

Я открыл глаза и посмотрел на себя.

И не удержался от смеха. Дома я часто носил

длинный велюровый халат, но то, что на мне было в тот момент, ничем его не напоминало. Мне стало немного стыдно из-за своей веселости, но я не мог с собой совладать.

— Все нормально, — с улыбкой молвил Альберт. — Многие люди смеются, впервые увидев свою мантию.

— Она не такая, как у тебя, — заметил я.

Моя была белая, без пояска.

— Она со временем изменится, как и ты, — сказал он.

— Как это получается?

— Путем наложения ментальных образов на идеопластическую среду твоей ауры.

— А можно еще раз?

Он хмыкнул.

— Попросту говоря, на Земле бывает, что человека делает одежда, здесь же процесс прямо противоположный. Атмосфера вокруг нас отличается податливостью. Она в буквальном смысле воспроизводит изображение любой передаваемой мысли. За исключением наших тел, ни одна форма не стабильна, пока концентрированная мысль не сделает ее таковой.

Я лишь снова покачал головой.

— Невероятно.

— Что ты, Крис, — возразил Альберт. — В сущности, вполне вероятно. На Земле перед созданием чего-то материального необходимо создать эту вещь в уме, верно? Когда материя не принимается в расчет, все творение становится исключительно ментальным, вот и все. Со временем ты придешь к пониманию силы разума.

Меня все еще преследуют воспоминания

Пока мы двигались дальше и Кэти трусила рядом, я начал понимать, что мантия Альберта с золотым пояском обозначает некий его повышенный статус, а моя мантия — статус новичка.

Он опять прочел мои мысли.

— Все зависит от того, кем ты себя мыслишь, — сказал он. — Какую работу выполняешь.

— Работу? — недоуменно спросил я.

Он усмехнулся.

— Удивлен?

Я не знал, как ответить на этот вопрос.

— Как-то никогда об этом не думал.

— Как и большинство людей, — сказал Альберт. — Или, если и думали, мысленно представляли себе потусторонний мир чем-то вроде вечного воскресенья. Ничего похожего на правду. Здесь больше работы, чем на Земле. Однако… — Он поднял палец вверх, когда я попытался вставить слово. — Работы, выполняемой добровольно, ради удовольствия ее сделать.

— И какую же работу выполнять мне?

— Тебе решать, — сказал он. — Поскольку нет необходимости зарабатывать себе на жизнь, работа должна приносить максимум удовольствия.

— Что ж, я всегда хотел писать нечто более важное, чем сценарии, — признался я.

— Так сделай это.

— Сомневаюсь, что смогу сосредоточиться, пока не узнаю, все ли в порядке с Энн.

— Придется тебе оставить все как есть, Крис, — покачал головой Альберт. — Это вне твоей досягаемости. Нацелься на писательство.

— Какой в этом смысл? — недоумевал я. — К примеру, если здесь ученый напишет книгу о каком-нибудь революционном открытии, какой от этого будет толк? Здесь это никому не понадобится.

— Понадобится на Земле, — сказал он.

Я этого не понял, пока он не объяснил, что на Земле ни один человек не совершает в одиночку ничего революционного; все жизненно важные знания поступают из Страны вечного лета — передаются таким способом, что их может воспринять более чем один человек.

Когда я поинтересовался, что он имел в виду под словом «передаются», он пояснил: происходит передача мыслей — хотя ученые здесь посто-

янно пытаются разработать систему, с помощью которой можно было бы иметь непосредственный контакт с земным уровнем.

— Ты хочешь сказать, вроде радио? — спросил я.

— Что-то вроде.

Эта идея показалась мне настолько неправдоподобной, что надо было все обдумать, прежде чем говорить на эту тему.

— Так когда мне начинать работу? — наконец задал я вопрос.

На уме у меня было вот что: полностью погрузиться в какое-то дело, чтобы время шло быстрее и мы с Энн поскорее снова были вместе.

Альберт рассмеялся.

— Дай себе небольшую отсрочку, — сказал он. — Ты только что прибыл. Сначала предстоит усвоить основные правила.

Он улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Я рад, что ты хочешь работать. Слишком многие прибывают сюда с желанием расслабиться. Поскольку потребностей здесь нет, это легко достижимо. Правда, такое существование скоро становится однообразным. Человек может даже заскучать.

Он объяснил, что здесь есть все виды работ

с некоторыми очевидными исключениями. Не было отделения здравоохранения или санитарии, пожарных частей и полицейских участков, как не было и пищевой, и швейной промышленности, систем транспортировки, врачей, адвокатов, риелторов.

— Меньше всех, — добавил он с улыбкой, — нужны здесь гробовщики.

— А что стало с людьми, работавшими в этих областях?

— Они работают где-то еще. — Его улыбка угасла. — Или некоторые из них продолжают делать то же, что и раньше. Не здесь, разумеется.

Снова это леденящее чувство: намек на «другое место». Я не хотел об этом знать. Еще раз я осознал собственное желание переменить тему разговора — правда, совершенно не сознавая, почему мне этого хотелось.

— Ты сказал, что объяснишь про третью сферу, — напомнил я.

— Хорошо. — Он кивнул. — Имей в виду, я не специалист, но…

Он объяснил, что Земля окружена концентрическими сферами существования, отличающимися по глубине и плотности, причем Страна вечного лета третья по счету. Я спросил, сколько

их всего, и он ответил, что не уверен, но слышал, будто их семь, — и самая нижняя, рудиментарная, фактически является земной.

— Так я был именно там? — спросил я. Он кивнул, а я продолжал: — Пока не отправился наверх.

— При описании этих сфер неправильно употреблять слова «вверх» и «вниз», — заметил Альберт. — Все не так просто. Наш мир удален от Земли лишь на расстояние вибрации. В действительности все существования совпадают.

— Значит, Энн и вправду близко, — высказал я предположение.

— В каком-то смысле, — ответил он. — И все же разве она осознает, что ее окружают телевизионные волны?

— Да, если включит телеприемник.

— Но сама она не приемник, — сказал он.

Я собирался спросить его, можем ли мы помочь ей найти приемник, когда вспомнил случай с Перри. Я решил, что ответа на этот вопрос нет. Я не мог снова подвергать ее такому испытанию.

Я оглядел цветущий луг, по которому мы шли. Он напомнил мне о луге, увиденном мною в Англии в 1957-м; помнишь, я тогда работал над сценарием. Я проводил выходные в загород-

ном доме режиссера и воскресным утром, очень рано, выглянул из окна моей комнаты на прелестный луг. И вот я вспомнил его насыщенную зеленую тишину — и это вызвало в памяти все очаровательные места, виденные мною в жизни, чудесные мгновения, которые я испытал. «Было ли это еще одной причиной, почему я так упорно боролся со смертью?» — думал я.

— Видел бы ты, как боролся я, — сказал Альберт, снова прочитав мои мысли; похоже, он мог это делать, когда ему заблагорассудится. — Прошло шесть часов, прежде чем я умер.

— Почему?

— В основном потому, что был убежден: иного существования не будет, — сказал он.

Я вспомнил, что, умирая, узнал о происходящем в соседней комнате.

— Кто была та старая женщина? — спросил я, опять воспользовавшись его осведомленностью о моих мыслях.

— Ты ее не знал, — ответил он. — По мере того как угасали твои физические чувства, обострялись психические, и ты на короткое время достиг состояния ясновидения.

На меня снова нахлынули воспоминания о пережитой смерти. Я спросил Альберта, почему

ощущалось покалывание, и он ответил, что это мой эфирный двойник отделялся от нервных окончаний моего физического тела. Я не понял, что означает «эфирный двойник», но в тот момент не стал спрашивать, потому что хотел задать другие вопросы.

К примеру, о том шуме, напоминающем звук рвущихся нитей. Оказывается, это отрывались нервные окончания — начиная от ступней и вверх, до мозга.

А что это был за серебряный шнур, соединяющий меня с телом, когда я над ним парил? Альберт объяснил, что это кабель, соединяющий физическое тело с эфирным двойником. Огромное количество нервных окончаний, встречающихся у основания черепа и вплетенных в вещество мозга. Волокна, собранные в эфирную «пуповину» и прикрепленные к макушке.

Цветной мешок, вытаскиваемый наверх шнуром, как выяснилось, означал удаление моего эфирного двойника. Слово «тело» происходит от англосаксонского «bodig»[5], означающего «жилище, обиталище». Понимаешь, Роберт, это и есть физическое тело. Временное жилище

---

[5] Сноски: 5
Body *(англ.)*.

для истинной сути человека.

— Но что произошло после моей смерти?

— Тебя «привязали» к Земле, — сказал Альберт. — Это состояние должно было окончиться приблизительно через три дня.

— А как долго оно продолжалось?

— По земным меркам? Трудно сказать, — ответил он. — По меньшей мере несколько недель. Может быть, дольше.

— Это казалось бесконечным, — вспомнил я с содроганием.

— Неудивительно, — согласился он. — Мучения находящихся в этом состоянии могут быть невыразимо ужасными. Не сомневаюсь, что тебя еще преследуют воспоминания.

Воспоминания отходят в тень

— Почему все казалось таким смутным? — продолжал я допытываться. — И было на ощупь таким… влажным, — единственное слово для описания этого, которое пришло на ум.

Как сказал мне Альберт, все происходило в самой плотной части земной ауры, водном пространстве, ставшем источником мифов о водах Леты, о реке Стикс.

Почему я был не в состоянии видеть после смерти дальше десяти футов? Потому что, когда умирал, видел не дальше этого и унес с собой свое последнее впечатление.

Почему я чувствовал себя вялым и заторможенным, не способным ясно мыслить? Потому что две трети моего сознания оказались бездействующими, а рассудок был все еще окутан эфирной субстанцией, являющейся частью моего физического мозга. Таким образом, мое поведение сводилось к инстинктивным повторяющимся реакциям этой субстанции. И я чувствовал себя тупым, жалким, одиноким, напуганным.

— И утомленным, — прибавил я. — Мне все время хотелось спать, но не удавалось.

— Ты пытался достигнуть второй смерти, — сообщил Альберт.

И снова я был ошеломлен.

— Второй смерти?

— Наступающей во время сна и позволяющей сознанию еще раз прожить земную жизнь, — сказал он.

Меня удерживало от этого сна необычайное горе Энн и мое желание ее утешить. Вместо того чтобы очиститься «приблизительно за три дня», я оказался в плену, так сказать, снохождения.

Дело в том, Роберт, что недавно умерший человек находится в том же расположении духа, что и в момент смерти, будучи доступным для влияний земного плана. Это состояние угасает во время сна, но в моем случае сумеречного состояния воспоминания на время ожили. Позже все это осложнилось из-за влияния Перри.

— Я знаю, Ричард лишь хотел помочь, — сказал я.

— Разумеется, — согласился Альберт. — Он хотел убедить твою жену в том, что ты существуешь, — выражение любви с его стороны. Но, поступив так, он, сам того не зная, способствовал дальнейшей отсрочке твоей второй смерти.

— Я по-прежнему не понимаю, что ты подра-

зумеваешь под моей второй смертью, — недоумевал я.

— Сброс твоего эфирного двойника, — терпеливо продолжал объяснять он. — Когда оставляешь позади его оболочку, чтобы твой дух — или астральное тело — мог перемещаться дальше.

— Это то, что я видел во время сеанса? — с удивлением спросил я. — Своего эфирного двойника?

— Да, к тому времени ты от него избавился.

— Он был похож на труп, — с отвращением произнес я.

— Это и был труп, — согласился Альберт. — Труп твоего эфирного двойника.

— Но он разговаривал. Отвечал на вопросы.

— Только как зомби. Его сущность исчезла. Так называемая астральная оболочка — не более чем совокупность умирающих молекул. У нее нет подлинной жизни или интеллекта. Тот молодой человек, сам того не зная, оживил своей психической энергией оболочку, а его рассудок подсказывал ответы.

— Как кукла, — сказал я, припоминая то, что подумал в тот момент.

— Совершенно верно, — кивнул Альберт.

— Вот почему тогда на сеансе Перри меня не видел.

— Ты оказался вне поля его психического зрения.

— Бедная Энн, — вздохнул я. Воспоминания причиняли боль. — Для нее это было ужасно.

— И могло бы причинить ей вред, если бы это продолжалось, — добавил Альберт. — Контакты с нефизическим состоянием бытия могут нежелательно сказаться на живых.

— Если б только она знала про это, — удрученно произнес я.

— Если б только все на Земле об этом знали, — откликнулся он.

Понимаешь, Роберт, отношение людей к умершим может быть губительным. Поскольку сознание усопшего уязвимо для впечатлений, чувства оставшихся на Земле могут оказать на него мощное воздействие. Глубокая печаль создает вибрации, фактически заставляющие усопшего страдать, удерживая его от дальнейшего продвижения. По сути дела, оплакивать умерших неправильно — это продлевает процесс их приспособления к потустороннему миру. Усопшим требуется время для достижения состояния второй смерти. Церемония похорон предполагает мирный уход человека и не должна превращаться в скорбный ритуал.

Тебе известно, Роберт, что при соборовании происходит помазание семи телесных центров, заключающих жизненно важные органы, для того чтобы помочь умирающему удалить из этих органов жизненную силу в ходе подготовки полного ее удаления через серебряный шнур? А отпущение грехов умирающему делается для окончательного отделения серебряного шнура и удаления из тела всей эфирной субстанции.

Существует много такого, что может облегчить наступление смерти. Воздействие на определенные нервные центры. Определенные звуки. Особое освещение. Тихое распевание специальных мантр, сжигание особых благовоний. Все это направлено на то, чтобы умирающий мог сконцентрироваться на своем уходе.

И самое важное, в течение трех дней после смерти следует кремировать останки.

Я рассказал Альберту о своем теле на кладбище, о том ужасающем мгновении, когда его увидел.

— Она не хотела, чтобы тебя сжигали, — сказал он, — она тебя так любит и хочет, чтобы ты был рядом, чтобы можно было тебя навещать и разговаривать с тобой. Это вполне понятно, но заслуживает сожаления, поскольку там — вовсе не ты.

— Что такое есть в кремации, чего нет в погребении?

— Сжигание освобождает усопшего от связи, удерживающей его вблизи физического тела, — ответил он. — Кроме того, в экстремальных случаях, когда шнур трудно оторвать даже после смерти, огонь моментально его отсекает. А после того как сброшена астральная оболочка, она не разлагается медленно рядом с телом, над которым парит, а быстро уничтожается в пламени.

— Эта упомянутая тобой связь, — продолжал я расспрашивать, — ведь именно она принудила меня пытаться увидеть собственное тело?

Он кивнул.

— Людям нелегко забыть свои тела. У них сохраняется желание увидеть то, что они когда-то считали собой. Это желание может превратиться в манию. Вот почему кремация очень важна.

Пока он говорил, я думал о том, почему увеличивается моя растерянность. Почему я продолжал связывать все его высказывания со своими тревожными мыслями об Энн? Чего я боялся? Альберт все время уверял меня, что мы снова будем вместе. Почему я не мог допустить этого?

Я снова подумал о своем пугающем сне. Аль-

берт назвал его «символическим переносом». В этом был смысл, но сон меня по-прежнему тревожил. Теперь меня беспокоила каждая мысль об Энн, и даже счастливые воспоминания почему-то отошли в тень.

Снова теряю Энн

Альберт неожиданно сказал:

— Крис, мне придется тебя ненадолго оставить. Надо кое-что сделать.

Я смутился.

— Извини. Мне не приходило в голову, что я отнимаю у тебя время, необходимое для другого.

— Вовсе нет. — Он похлопал меня по спине. — Я пришлю кого-нибудь, чтобы тебя сопровождали. А пока будешь ждать… Ты спрашивал, есть ли тут вода. Возьми меня за руку.

Я сделал так, как он велел.

— Закрой глаза, — сказал Альберт, взяв Кэти на руки.

В тот же миг я ощутил стремительное движение. Но оно кончилось так быстро, что могло мне лишь померещиться.

— Теперь можешь посмотреть, — сказал Альберт.

Когда я открыл глаза, у меня перехватило дыхание. Мы стояли на берегу великолепного озера, окаймленного лесом. Я с изумлением смотрел на его просторы. Поверхность воды была спокойной, лишь иногда на ней появлялась небольшая

рябь, играющая на свету всеми цветами радуги. Вода поражала своей кристальной чистотой.

— Никогда не видел столь красивого озера, — признался я.

— Я подумал, оно тебе понравится, — сказал Альберт, опуская Кэти на землю. — Увидимся позже в моем доме. — Он стиснул мою руку. — Отдыхай, — добавил он.

Я успел лишь моргнуть, и Альберт исчез. Так просто. Ни вспышки света, никакого признака исчезновения. В одно мгновение он был здесь, а в следующее его не было. Я посмотрел на Кэти. Она не выказала никакого удивления.

Я обернулся и посмотрел на озеро.

— Оно напоминает мне озеро Эроухэд, — сказал я Кэти. — Помнишь, у нас там был загородный дом? — Она помахала хвостом. — Было мило, но здесь намного лучше.

Там сквозь зелень деревьев проглядывала пожухлая листва, линию берега портили какие-то развалины и над поверхностью озера по временам клубился туман.

Это озеро было совершенством, как и воздух и лес. Я подумал, что Энн здесь понравилось бы.

Меня тревожило, что даже в окружении подобной красоты я не в силах забыть ее душевные

страдания. Почему мне никак не избавиться от этой тревоги? Альберт все время повторял, что я должен это сделать. Почему в таком случае тревога меня не покидала?

Я сел рядом с Кэти и погладил ее по голове.

— Что со мной творится, Кэти? — спросил я.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Она действительно меня понимала — сомнений не оставалось. Я почти ощущал исходящую от нее волну сочувствия.

Собака лежала возле меня, а я пытался прогнать из души печаль, вспоминая о временах, проведенных на озере Эроухэд. Мы, бывало, ездили туда с детьми по выходным и на целый месяц летом. В то время я успешно работал на телевидении, и помимо загородного дома нам принадлежал катер, стоявший на пристани в Норт-Шоре.

Мы проводили на озере много летних дней. Утром, после завтрака, мы, бывало, готовили в дорогу ланч, надевали купальники и отправлялись на машине на пристань, взяв с собой Кэти. Мы отправлялись на катере в нашу любимую бухточку на южной оконечности озера, где дети — Ричард и Мэри, Луиза с мужем, когда они приезжали к нам в гости, надевали водные лыжи и мчались

за катером. В то время Йен еще был маленьким, и мы купили ему лыжи-сани, которые он окрестил «капитан Молния». Энн тоже нравилось на них кататься, потому что у нее не получалось на лыжах.

Мне вспомнилось, как Энн лежала на этих водных санях, скачущих по темно-голубым водам озера, и задыхалась от смеха. Я вспоминал, как ехал на них Йен, хохоча от удовольствия, особенно в те моменты, когда у него получалось встать на ходу.

На время ланча мы бросали якорь в этой бухте, ели сэндвичи и чипсы, запивая холодной содовой водой, вынутой из ящика со льдом. Солнце припекало наши спины, и мне доставляло невыразимое удовольствие смотреть на Энн и наших прелестных загорелых детей, пока мы вместе закусывали, разговаривали и смеялись.

Но счастливые воспоминания не помогали. Они лишь усиливали мою тоску — ведь прошедшего больше не вернешь. Меня терзало одиночество. Мне так не хватало Энн, не хватало детей. Почему я говорил им о своей любви не так уж часто? Вот если б нам вместе оказаться в этом очаровательном месте. Если бы только мы с Энн…

Я нетерпеливо себя одернул. Я был на небесах, подумай — на небесах, и все-таки томился. Я победил смерть, и вся моя семья ее победит. Мы все обязательно снова будем вместе. Что со мной происходило?

— Пошли, Кэти, — сказал я, быстро поднимаясь. — Давай прогуляемся.

Я все больше и больше вникал в суть слов Альберта о том, что разум — это все.

Когда мы отправились вдоль берега, я на миг подумал: вдруг Альберт хотел, чтобы я остался на том месте, куда он меня привел, и чтобы этот «кто-то» меня нашел. Но потом я осознал, что, кто бы он ни был, он найдет меня, просто обо мне подумав.

Перед нами расстилался пляж, и мы пошли по нему. Под ногами был мягкий песок — нигде ни камней, ни гальки.

Остановившись, я опустился на колени и набрал пригоршню песка. В нем не было твердых частичек — плотный по фактуре, но мягкий на ощупь, как порошок. Я дал песку сыпаться между пальцами и смотрел, как падают крошечные многоцветные гранулы. Подняв руку, я вгляделся в них более внимательно. По форме и цвету они напоминали миниатюрные драго-

ценные камешки.

Стряхнув оставшийся песок с рук, я встал. Песок не прилип к ладони или коленям, как это было бы на Земле.

И снова мне пришлось в недоумении покачать головой. Песок. Пляж. Озеро в окружении густого леса. Голубое небо над головой.

— А люди сомневаются в том, что потусторонний мир существует, — сказал я Кэти. — Я и сам сомневался. Невероятно.

Я много раз мысленно и вслух повторил последнее слово — и не только с удовольствием.

Подойдя к кромке воды, я стал с близкого расстояния вглядываться в тонкое кружево прибоя. Вода казалась холодной. Вспоминая прохладу озера Эроухэд, я осторожно попробовал воду ногой.

Ощутив прикосновение воды, я вздохнул. Она была довольно прохладной и излучала приятные вибрации энергии. Я посмотрел на Кэти. Она стояла в воде рядом со мной, и это заставило меня улыбнуться. При жизни она никогда не заходила в воду — очень ее боялась. Здесь она казалась вполне довольной.

Я заходил в озеро, пока вода не дошла до голеней. Дно было такое же гладкое, как и пляж. Наклонившись, я опустил в воду руку и ощутил

поднимающуюся по ней энергию.

— Как здорово, Кэти, а? — сказал я.

Она взглянула на меня, помахав хвостом, и я снова ощутил прилив счастья, видя ее такой, как в лучшие годы.

Я выпрямился, держа в ладони горсть воды. Она неярко светилась, и я почувствовал, как в кончиках пальцев пульсирует ее энергия. Как и прежде, сбегая по коже, вода не оставляла влаги.

Мне стало любопытно, произойдет ли то же самое с моей мантией, и я по пояс погрузился в воду. На этот раз Кэти не пошла за мной, а сидела на берегу, наблюдая. Мне не показалось, что ей страшно, просто она решила подождать.

Теперь я погружался в энергию и шагал, пока вода не дошла до шеи. Казалось, меня завернули в слегка вибрирующий плащ. Хотелось бы мне подробнее описать это ощущение. Пожалуй, можно сказать, будто на каждую клеточку тела успокаивающе действовал низковольтный электрический разряд.

Резко наклонившись назад, я почувствовал, как поднимаются мои ноги, и лег на воду, слегка покачиваясь и глядя в небо. «Почему там нет солнца?» — недоумевал я. Меня это не беспокои-

ло; приятнее было смотреть на небо без ослепительного блеска, мешающего глазам. Было просто любопытно.

Меня мучил еще один вопрос. Я не мог умереть, я уже был мертв. Нет, не мертв, это слово — первичная неточность человеческого языка. Я хочу сказать, я понимал, что не могу утонуть. Что случится, если я опущу лицо под воду?

Перевернувшись на живот, я посмотрел под воду. Глазам совсем не было больно смотреть сквозь воду. Более того, я видел все совершенно отчетливо — чистое дно, без камней и водорослей. Сначала, по привычке, я задерживал дыхание. Потом, сделав над собой усилие, я осторожно вдохнул, думая, что поперхнусь.

Вместо этого рот и нос омыла восхитительная прохлада. Я открыл рот, и это ощущение охватило также горло и грудь, придавая мне еще больше бодрости.

Перевернувшись на спину, я закрыл глаза и продолжал лежать в прохладной водяной колыбели, вспоминая о тех временах, когда мы вместе с Энн и детьми проводили время в нашем бассейне. Каждым летом — особенно по воскресеньям — мы, бывало, наслаждались «семейными днями», как называл их Йен.

У нас была горка, и Энн с детьми любили мчаться по ней, обрушиваясь в воду. Я улыбнулся, вспоминая, как Энн с криком восторга, смешанного со страхом, неслась по изогнутому желобу, зажав пальцами нос, и, выгнув в воздухе тело дугой, плюхалась в воду с громким плеском, а через секунду ее сияющее лицо показывалось на поверхности.

У нас была сетка для водного волейбола, и мы подолгу играли, ныряя и плескаясь, смеясь, крича и подшучивая друг над другом. Потом Энн приносила блюда с фруктами и сыром и кувшин сока; мы болтали, а немного погодя снова начинали играть в волейбол и скатываться с горки, часами плавали и ныряли. Когда наступал вечер, я, бывало, разжигал уголь в барбекю и жарил курицу или гамбургеры. То были долгие чудесные вечера, и я с радостью их вспоминал.

Я припомнил, что после того, как мы поженились, Энн долго еще не умела плавать. Она боялась воды, но в конце концов отважилась на несколько занятий, чтобы научиться.

Я вспомнил то время, когда мы с ней посещали клуб «Девиль» в Санта-Монике. Был воскресный вечер, и мы с ней спустились в цокольный этаж, где размещался огромный, построенный

по олимпийским стандартам бассейн, в котором занималась Энн.

Для нас это был ужасный месяц. Мы едва не развелись. Это было связано с моей работой, а Энн, беспокоясь за меня, не отпускала меня в командировки. Я потерял крупный договор на сценарий в Германии, и это расстроило меня больше, чем следовало бы. Меня всегда страшила финансовая нестабильность — что-то из нашего прошлого, Роберт, когда разводились мама с папой, годы Депрессии. Одним словом, я погорячился, Энн — тоже, сказав, что не хочет жить со мной.

Однажды вечером мы отправились в ресторан, чтобы обсудить детали нашего развода. Сейчас это кажется мне немыслимым. Я живо помню этот вечер: какой-то французский ресторан в Шерман-Оукс, мы двое, сидящие за ужином, который не лезет в глотку, и не спеша анализирующие все частности нашего развода. Пункт: оставить ли дом в Вудленд-Хиллз? Пункт: будем ли мы делить детей? Пункт… Нет, не могу больше. Даже передавая тебе эти слова, я испытываю к тому вечеру непреодолимое отвращение.

Мы подошли так близко — были буквально на волосок от края. Или это лишь казалось. Воз-

можно, ничего страшного и не было. Но тогда это казалось неизбежным. До предпоследнего момента. Момента, наступившего после спокойной дискуссии, когда мы должны были фактически расстаться: я, собрав вещи, уезжаю, оставив Энн. Потом вдруг до нас дошло. Это было бы для нас просто немыслимо — словно, разводясь, мы добровольно позволили бы разорвать себя надвое.

Так что этот день в «Девиле» стал первым днем нашего примирения.

Бассейн казался огромным, потому что, кроме нас, в нем никого не было. Энн поплыла поперек, начиная с глубокого края. Она проделала это уже несколько раз, и я обнял ее, чтобы поздравить, — без сомнения, с гораздо большей пылкостью, чем обычно, из-за нашего примирения.

И вот она поплыла снова.

Она была на полпути, когда вдруг, глотнув воды, захлебнулась и начала барахтаться. Я был рядом и быстро ее схватил. У меня на ногах были ласты, и, изо всех сил молотя ими, я мог удержать нас обоих на плаву.

Я почувствовал, как она крепко обняла меня за шею, и увидел страх на ее лице.

— Все в порядке, милая, — сказал я. — Я тебя держу.

Я был рад, что на мне ласты, иначе я не смог бы ее удержать.

Теперь воспоминания вновь исказились. Поначалу мне было немного не по себе, но в целом я не терял уверенности, потому что откуда-то знал, что это уже произошло раньше, что я тогда помог ей добраться до края бассейна и она вцепилась в бортик — испуганная, задыхающаяся, но целая и невредимая.

На этот раз было по-другому. Я не мог ее туда дотащить. Она казалась слишком тяжелой, а моим ногам было не под силу нас удержать. Она отчаянно боролась, потом заплакала.

— Не дай мне утонуть, Крис, прошу тебя.

— Конечно не дам. Держись, — сказал я.

Я изо всех сил молотил ногами, но не мог удержаться на поверхности. Мы оба погрузились под воду, потом снова всплыли. Энн выкрикивала мое имя пронзительным от страха голосом. Мы снова погрузились, и я увидел под водой ее искаженное от ужаса лицо, мысленно услышал ее крик: «Пожалуйста, не дай мне умереть!» Я знал, что она не могла произнести этих слов, но тем не менее ясно их слышал.

Я протянул к ней руки, но вода становилась все более мутной, и я не видел Энн ясно. Я чув-

ствовал, как ее пальцы хватаются за мои, потом выскальзывают. Я судорожно хватал руками воду, но не мог дотянуться до жены. Сердце мое бешено заколотилось. Я пытался ее разглядеть, но вода была темной и мутной. Я метался вокруг в невыразимом отчаянии, пытаясь нащупать Энн. Я был там. Я действительно был в той воде — беспомощный, ни на что не способный — и снова терял Энн.

Конец отчаянию

— Привет!

Я поднял голову, внезапно пробудившись от сна. На берегу вблизи Кэти я увидел ореол света. Поднявшись, я смотрел на него, пока он не померк, тогда я увидел стоящую там молодую женщину в бледно-голубой мантии.

Не знаю, почему я это сказал. Что-то знакомое было в ее позе, цвете и длине волос… И еще — Кэти была рада ее видеть.

— Энн? — спросил я.

Она секунду помолчала, потом ответила:

— Леона.

Тогда я ее разглядел. Конечно, то была не Энн. Такого ведь не могло быть. Я на миг подумал, уж не послал ли Альберт эту женщину, потому что она могла мне напомнить Энн. Но я не мог в это поверить и решил, что мое предположение абсурдно. Как бы то ни было, теперь я видел, что она не похожа на Энн. Это сон заставил меня увидеть ее такой, как мне хотелось.

Выйдя на берег, я оглядел себя. С моей мантии стекала вода. Но ткань высохла еще до того, как я подошел к женщине.

Погладив Кэти по голове и выпрямившись, она протянула мне руку.

— Меня послал Альберт, — сказала она.

Ее улыбка была очень ласковой, аура вокруг нее имела устойчивый голубой оттенок, почти совпадающий с цветом мантии.

Я сжал ее руку.

— Рад познакомиться, Леона, — сказал я. — Думаю, ты знаешь, как меня зовут.

Она кивнула.

— Ты думал, я твоя жена, — сказала она.

— Я о ней думал, когда ты появилась, — объяснил я.

— Не сомневаюсь, воспоминания приятные.

— Сначала были приятными, — ответил я. — Правда, потом стали неприятными. — Я поежился. — Просто ужасными.

— О, мне жаль. — Она взяла меня за руки. — Бояться нечего, — уверила она меня. — Твоя жена присоединится к нам раньше, чем ты думаешь.

Я почувствовал исходящий от нее поток энергии, такой же, как от воды. Я понял, что и у людей должно быть то же самое. Вероятно, я этого не заметил, когда Альберт взял меня за руку, — или, возможно, для ощущения потока надо держаться обеими руками.

— Спасибо, — сказал я, когда она отпустила мою руку.

Надо было постараться мыслить позитивно. Два разных человека мне сказали, что мы с Энн будем снова вместе. Безусловно, надо это принять.

Я принужденно улыбнулся.

— Кэти была так рада тебя видеть, — сказал я.

— О да, мы хорошие друзья, — откликнулась Леона.

Я указал в сторону озера:

— До чего интересно побывать в воде.

— Правда ведь?

Когда она это сказала, я вдруг мысленно задал себе вопрос, откуда она и сколько времени находится в Стране вечного лета.

— Мичиган, — молвила она. — Тысяча девятьсот пятьдесят первый. Пожар.

Я улыбнулся.

— К чтению мыслей тоже надо привыкнуть, — сказал я.

— Это не совсем чтение мыслей, — откликнулась она. — У всех нас есть сокровенный внутренний мир, но определенные мысли более доступны. — Она показала рукой на ландшафт. — Не хочешь еще прогуляться?

— С удовольствием.

Когда мы отошли от озера, я оглянулся.

— Хорошо было бы иметь дом с видом на озеро, — сказал я.

— Уверена, у тебя он будет.

— Моей жене это тоже понравится.

— Ты можешь приготовить дом к ее появлению, — предложила она.

— Да?

Эта идея меня обрадовала. В ожидании Энн можно заняться чем-то определенным: подготовкой нашего нового дома. Это плюс работа над какой-нибудь книгой заставят время бежать быстрее. Я ощутил прилив восторга.

— Океаны здесь тоже есть? — спросил я.

Она кивнула.

— Чистейшие, спокойные, без приливов и отливов. Ни штормов, ни волнения.

— А яхты?

— Конечно есть.

Очередная волна радостного ожидания. Энн будет также ожидать парусная шлюпка. А может быть, она предпочтет иметь дом у океана. Как приятно будет ей увидеть дом нашей мечты на океанском побережье и яхту для морских прогулок.

Я глубоко вдохнул свежий, душистый воздух, чувствуя себя неизмеримо лучше. Случай в бассейне был лишь сном — искаженное впечатление от происшедшего когда-то неприятного инцидента.

Пора начать вживаться в мое новое существование.

— Куда отправился Альберт? — спросил я.

— Он помогает тем, кто находится в нижних сферах, — ответила Леона. — Там всегда много работы.

Выражение «нижние сферы» опять вызвало у меня смущение. «Другие» места, о которых говорил Альберт; «нехорошие» места — они, вероятно, были столь же реальны, как и Страна вечного лета. Альберт, по-видимому, отправился туда.

На что они были похожи?

— Интересно, почему он этого не упомянул, — сказал я, стараясь не допустить в душу тревогу.

— Он понимает, что не стоит усложнять твое вхождение в этот мир, — мягко проговорила Леона. — Он бы сказал это в свое время.

— Не буду ли я навязчивым, если останусь в его доме? — спросил я. — Следует ли мне создать собственный?

— Не знаю, возможно ли это сейчас, — ответила она. — Пребывание в доме Альберта не должно тебя нисколько смущать. Я знаю, он очень рад принять тебя у себя.

Я кивнул, озадаченный ее словами о том, что я пока не могу иметь собственный дом.

— Надо заработать право, — ответила она на мой невысказанный вопрос. — Это случается почти со всеми из нас. У меня ушло много времени на то, чтобы получить право на дом.

Из ее слов я понял, каким чутким оказался Альберт, не сказав мне, что в тот момент у меня не было другого выбора, как только остаться у него. «Не важно», — подумал я. Меня это не беспокоило. Я никогда не отказывался идти своим путем.

— Альберт, должно быть, очень знающий человек и многого достиг здесь, — заметил я.

— Да, конечно, — откликнулась она. — Не сомневаюсь, ты заметил его мантию, как и ауру.

«Ладно, — сказал я себе. — Задавай вопросы, начинай учиться».

— Хотелось бы узнать про ауру, — решился я спросить. — Можешь мне что-нибудь рассказать? Например, существует ли она в жизни?

— Да, для тех, кто ее видит, — сказала Леона. —

Это свидетельствует о присутствии эфирного двойника и духовного тела.

Знаешь, Роберт, эфирный двойник существует в физическом теле до смерти, а духовное тело существует в эфирном двойнике до второй смерти, и каждый имеет собственный серебряный шнур. Шнур, соединяющий физическое тело с эфирным двойником, самый толстый; а тот, что соединяет эфирного двойника с духовным телом, имеет около дюйма в диаметре. Третий шнур, тонкий, как паутина, связывает духовное тело с… ну, она точно не знала.

— Полагаю, с чистым духом, — сказала она. — И кстати, я знаю об ауре потому, что это один из предметов моего изучения здесь.

— Ты ведь не думаешь, будто Альберт предполагал, что я буду задавать такие вопросы, верно? — спросил я.

В ответ она лишь улыбнулась.

Она продолжала говорить, объяснив мне, что аура эфирного двойника простирается на дюйм или два за пределы физического тела; аура духовного тела — на несколько футов за пределы эфирного двойника, причем яркость увеличивается при удалении от затемняющего воздействия тела.

Она рассказала мне, что все ауры выглядят по-разному и цветовой диапазон неограничен. Люди, неспособные думать о чем-то выходящем за пределы материального восприятия, имеют ауры, цвет которых колеблется от красного до коричневого. Ауры несчастных душ излучают насыщенный, гнетущий зеленый цвет. Излучение светло-фиолетового цвета означает, что человек приближается к более духовному сознанию. Бледно-желтый указывает на то, что человек грустит и тоскует по утраченной земной жизни.

— Без сомнения, именно так выглядит моя аура, — сказал я.

Она не ответила, а я улыбнулся.

— Знаю, — сказал я. — И зеркал нет.

Она улыбнулась мне в ответ.

«Я настроюсь позитивно», — поклялся я себе. Пусть прекратится отчаяние.

Знать судьбу Энн

— Вот он, — сказала Леона.

Я с изумлением посмотрел вперед, на открывшийся вид. Я был настолько поглощен ее объяснениями, что не заметил в отдалении город.

Я говорю — город, Роберт, но до чего он отличался от городов на Земле. Никакой мутной дымки от смога, выхлопных газов, никакого шума от транспорта. Вместо этого — ряды удивительно красивых зданий всевозможных конфигураций, высотой не более двух-трех этажей. Все они застыли в тишине прозрачного воздуха.

Ты видел Музыкальный центр в Лос-Анджелесе? Он может дать отдаленное представление об увиденной мною чистоте линий, правильном использовании соотношения пространства и массы, чувстве умиротворяющего единообразия.

Меня поразило то, как ясно я его видел, несмотря на удаленность. Проступала каждая деталь. Фотограф назвал бы это совершенством фокуса, глубины и колорита.

Когда я сказал об этом Леоне, она поведала мне, что мы обладаем чем-то вроде телескопическо-

го зрения. И снова определение не адекватно; это явление гораздо сложнее телескопического эффекта. По сути дела, расстояние уменьшается в зависимости от фактора зрения. Если посмотреть на человека, находящегося в нескольких сотнях ярдов, вы увидите все детали, вплоть до цвета глаз — без увеличения изображения. Леона объяснила это тем, что духовное тело может направить на объект наблюдения энергетический «зонд». В сущности, эта способность психического свойства.

— Хочешь попасть туда побыстрее или пойдем пешком дальше? — спросила Леона.

Я ответил, что предпочитаю прогулку, если это не отнимет у нее много времени; мне не хотелось повторять ту же оплошность, что я совершил с Альбертом. Она сказала, что с удовольствием отдохнет и будет рада со мной прогуляться.

Мы подошли к прелестному пешеходному мостику, перекинутому через быстрый ручей. Пройдя несколько шагов, я остановился и посмотрел на несущуюся воду. Она была похожа на жидкий хрусталь, каждое мгновение сверкающий всеми цветами радуги.

Повернув голову, я с любопытством перегнулся через перила.

— Звучит как… музыка? — спросил я в изумлении.

— Все предметы издают здесь звуки вроде музыки, — сообщила Леона. — Постепенно ты научишься слышать ее отовсюду. Просто вода движется очень быстро, поэтому звук легче различить.

Я благоговейно покачал головой, когда звуки начали образовывать хотя и не отчетливую, но гармоничную мелодию. Я на мгновение вспомнил о любимой маминой пьесе, «Влтава». Не уловил ли Сметана эту музыку в подвижных водах реки?

Глядя вниз на этот ручей, я вспомнил ручей вблизи Мамонтова озера. Тогда мы поставили кемпер прямо над озером и всю ночь слушали плеск воды в скалах и камнях: чудесный звук.

— Ты грустишь, — сказала Леона.

Я не смог подавить вздоха.

— Вспоминаю, — признался я. — Наше путешествие на кемпере. — Я старался отогнать от себя гнетущее настроение — правда старался, — но вновь оказался в его власти. — Прости, — извинился я. — Иногда кажется, чем больше красоты вижу, тем хуже мне становится, потому что хочется поделиться этим с семьей, особенно

с женой.

— Поделишься, — уверила она.

— Надеюсь, — пробормотал я.

Она удивилась.

— Почему ты так сказал? — спросила она. — Ты ведь знаешь, что ее увидишь.

— Но когда? — не удержался я от вопроса.

— Тебе хотелось бы узнать?

Я вздрогнул.

— Что?

— В городе есть Бюро регистрации, — сказала она. — Основная его функция заключается в регистрации вновь прибывших людей, но оно также может предоставить информацию относительно тех, кто скоро должен прибыть.

— Ты хочешь сказать, я могу узнать, когда Энн будет со мной?

Это казалось совершенно непостижимым, не похожим на правду.

— Мы узнаем, — пообещала Леона.

Я судорожно вздохнул.

— Пожалуйста, давай не пойдем туда пешком, — попросил я.

— Хорошо. — Понимающе кивнув, она протянула мне руку. — Альберт говорил мне, что ты немного путешествовал в мыслях, но…

— Да, помоги мне, пожалуйста, — сказал я, от волнения прерывая ее.

— Подожди здесь, Кэти, — сказала Леона собаке, взяв меня за руку.

Я закрыл глаза. Снова это неописуемое ощущение движения. Внешне оно никак не проявлялось — ни ветра, ни головокружения, ни сдавливания. Я ощущал его скорее разумом, чем телом.

Когда я мгновение спустя открыл глаза, мы были в городе, на широком проспекте, устланном — это правильное слово? — травой. Я заметил, что город спланирован по типу Вашингтона — огромный центр с расходящимися лучами улиц, на одной из которых мы оказались. С каждой стороны от нас стояли здания; к некоторым вели ступени или вымощенный плиткой тротуар — материал напоминал алебастр нежных пастельных тонов.

Здания там были приземистыми, невысокими — круглыми, прямоугольными или квадратными, поражающими простотой и строгостью линий — и сооружены из материала, похожего на просвечивающий мрамор. Каждое окружено великолепными площадками с прудами, речками, ручьями, водопадами и небольшими озерами. Меня прежде всего и больше всего пора-

зило ощущение простора.

В центре города я увидел возвышающееся над другими здание и спросил Леону, что это такое. Она объяснила, что это место отдыха для тех, чья жизнь окончилась насильственной смертью, или для скончавшихся от долгой, изнуряющей болезни. Когда она это сказала, я подумал об Альберте. Рассматривая здание, я заметил нисходящий на него голубой свет. Леона сказала мне, что это поток целительной энергии.

Я забыл упомянуть, что, открыв глаза, увидел множество движущихся светящихся нимбов, которые быстро исчезали, а на их месте появлялись люди, спешащие по своим делам. Никто, казалось, не был удивлен нашим неожиданным появлением. Проходя мимо, люди улыбались и кивали нам.

— Почему сначала я вижу каждого в виде светового пятна? — спросил я.

— В духовном теле заключена столь мощная энергия, что ее лучи подавляют зрение не привычных к этому людей, — объяснила она. — Привыкнешь. — Она дотронулась до моего плеча. — Бюро здесь.

Знаю, что в моих устах довольно странно звучат слова о сильном биении сердца. Но все-таки

оно сильно забилось. Скоро мне предстояло узнать, сколько придется ждать, пока мы с Энн снова встретимся; эта неопределенность меня угнетала. Вероятно, Альберт не сказал мне о Бюро регистрации для того, чтобы избежать подобной реакции. Наверное, он полагал: пусть лучше я просто буду знать, что встреча наша состоится, и не стану беспокоиться о том, когда это произойдет. Я припомнил, что Леона колебалась, прежде чем мне сказать. Я решил, что, наверное, такие вещи здесь не поощряются.

Тротуар, на котором мы сейчас стояли, по виду напоминал гладкий белый алебастр, хотя под ногой ощущался твердым и пружинистым. Мы входили на просторную площадь, обсаженную густолиственными деревьями разных пород.

В центре площади, к которому вели пять дорожек, размещался огромный круглый фонтан, бьющий несколькими десятками струй. Не будь я так встревожен, наверняка был бы очарован мелодиями, слышными в плеске воды.

Леона рассказала мне — наверное, чтобы меня отвлечь, — что звуки создаются комбинацией мелких струй, каждая из которых дает отдельную ноту. Фонтаном в целом можно управлять так,

чтобы исполнять на нем сложные музыкальные произведения, как на органе. В тот момент фонтан издавал серию гармонических аккордов.

Леона сказала, что Бюро регистрации прямо перед нами. Я старался сдержать темп, но ноги сами несли меня вперед, и я ничего не мог с этим поделать. Больше всего остального в этом невероятном новом мире хотелось мне узнать судьбу Энн.

Когда Энн будет со мной

Огромное помещение Бюро регистрации было заполнено народом; по словам Леоны, здесь насчитывалось несколько тысяч людей. Тем не менее шума и суматохи, которые возникли бы на Земле, почти не ощущалось.

Не было здесь и волокиты. Через несколько минут — хотя я пользуюсь единицей земного времени, непригодной здесь, — я оказался в отдельном кабинете, хозяин которого усадил меня напротив, глядя мне прямо в глаза. Как и все, с кем я встречался, он проявил чрезвычайную сердечность.

— Как зовут вашу жену? — спросил он.

Я ответил, и он кивнул.

— Постарайтесь сконцентрироваться на ее образе, — сказал он.

Я представил себе ее лицо: коротко остриженные темные волосы, тронутые сединой, большие карие глаза, маленький вздернутый нос, губы и изящные уши — совершенное равновесие черт. «Приятно быть женатым на красивой женщине», — бывало, говорил я ей. Она улыбалась чуть смущенно, потом, как всегда, качала головой

и говорила: «Я некрасивая». Она так и считала.

Я подумал о ее высокой грациозной фигуре. Она так живо возникла в моем сознании, словно сейчас стояла передо мной. Энн всегда красиво двигалась. Я с удовольствием вспоминал ее движения. Вспоминал ее тепло и податливость, когда мы занимались любовью.

Я вспоминал ее нежность и терпение в отношениях с детьми и со мной. Ее сочувствие к страждущим — не только к людям, но и животным. Вспоминал, как внимательно и неустанно ухаживала она за нами, когда мы болели. Как заботливо выхаживала больных собак, кошек и птиц. У нее было с ними удивительное взаимопонимание.

Я вспоминал ее чувство юмора — которое она редко обнаруживала. Мы с детьми часто подшучивали друг над другом, и Энн смеялась вместе с нами. Свой юмор она прятала, считая, что его не существует. «Ты — единственный, кто хоть когда-то смеется над моими шутками, — бывало, говорила она. — Я понимаю, тебе ничего другого не остается».

Я вспоминал о том, как она верила в меня на протяжении всех лет, когда я пробовал себя на писательском поприще. Ни разу не усомни-

лась она в том, что мне это удастся. «Я всегда знала, что у тебя получится», — не однажды говорила она мне с абсолютной убежденностью.

Я думал о ее родителях: строгий отец, морской офицер, редко бывавший дома; чудаковатая, инфантильная и к концу жизни неизлечимо больная мать. Безрадостное детство, тревоги, нервный срыв и наблюдение у психоаналитика. Потребовались годы, чтобы Энн обрела в себе хоть какую-то уверенность. Ее ужасное беспокойство в связи с моими, даже непродолжительными, командировками. Сама она страшилась путешествий, боялась потерять контроль над собой в присутствии незнакомых людей. И все-таки, несмотря на эти страхи, ее храбрость в…

— Хорошо, — тихо произнес мужчина.

Я перевел на него взгляд. Он улыбался.

— Вы очень любите свою жену, — сказал он.

— Да, это так. — Я с тревогой взглянул на него. — Сколько потребуется времени на то, чтобы узнать?

— Не так много, — ответил он. — У нас множество подобных запросов, особенно от вновь прибывших.

— Прошу прощения за настойчивость, — сказал я. — Понимаю, что вы очень заняты. Но я так

волнуюсь.

— Почему бы вам не прогуляться немного с молодой леди? — предложил он. — Пройдитесь по городу, а потом возвращайтесь. К тому времени мы узнаем.

Признаюсь, я был разочарован. Я полагал, что можно будет узнать сразу же, что эта информация где-то хранится.

— Будь все так просто… — сказал он, прочитав мою мысль. — На самом деле для этого требуется достаточно сложный процесс мыслительных связей.

Я кивнул.

— Это не займет много времени, — заверил он меня.

Я поблагодарил, и он перенес меня обратно к Леоне. Я вышел из здания притихшим, и она просила меня не унывать.

Я постарался взбодриться. В конце концов, разве сейчас ситуация не улучшилась? Прежде я полагал, что мне придется долгие годы ждать появления Энн, точно не зная, когда это произойдет. Теперь по меньшей мере я узнаю, сколько времени мне ждать. У меня появится цель.

— Прогуляемся по городу, пока они не получат ответа? — предложила Леона.

— Хорошо, — улыбнулся я в ответ. — Я очень ценю твою доброту и твое общество.

— Рада составить тебе компанию.

Пересекая площадь, я рассматривал здания. Я уже собирался о них спросить, когда случайно натолкнулся на человека. Но это не точное описание. Если бы я столкнулся с ним на Земле, это было бы ощутимо. Здесь же мне показалось, что я натолкнулся на воздушную подушку. Мужчина с улыбкой прошел мимо, дружески похлопав меня по плечу.

Я спросил Леону о случившемся, и она объяснила мне, что мое тело окружено энергетическим полем, препятствующим столкновению. Только в случае желательного контакта поле самонейтрализуется — когда мужчина похлопал меня по плечу.

Когда мы обходили фонтан кругом, я спросил Леону, как были построены эти здания. Я был полон решимости не думать о важнейшем для меня ответе из Бюро регистрации.

Она рассказала мне, что здания спроектированы людьми, сведущими в подобных делах в жизни, или теми, кто научился этому в Стране вечного лета. Они создают в уме изображение макета здания, пользуясь матрицей. Потом,

по мере необходимости, корректируют макет, инструктируют людей, бывших на Земле строителями, — или же тех, кто научился этому здесь, — и, достигнув объединенной концентрации сознания каждого, добиваются того, чтобы матрица выдала полномасштабную копию данного строения. Перед завершением проводят окончательную корректировку, пока не произойдет отвердение.

— Они просто концентрируются на пустом месте? — спросил я, пораженный этой информацией.

— На самом деле оно, конечно, не пустое, — сказала Леона. — Эти люди встают перед намеченным местом и просят помощи у высших сфер. Скоро сверху опускается пучок света, другой концентрированный пучок проецируется строителями, и весь проект в свое время приобретает плотность.

— Эти здания выглядят такими реальными, — заметил я.

— Они действительно реальные, — ответила она. — И хотя созданы мыслью, но гораздо долговечней зданий на Земле. Здесь не бывает эрозии и материалы никогда не портятся от времени.

Я спросил ее, живет ли кто-нибудь в городе,

и она ответила, что те, кто предпочитал жить на Земле в городах, здесь делают то же самое. Разумеется, тех неудобств, которые им приходилось терпеть на Земле, здесь не существует: ни толп, ни преступлений, ни загрязненного воздуха, ни транспортных пробок.

Она сказала мне, что города в основном являются центрами образования и культуры: там есть школы, колледжи, университеты, картинные галереи, музеи, театры, концертные залы, библиотеки.

— А в театрах ставят написанные на Земле пьесы? — спросил я.

— Только подходящие, — сказала она. — Ничего низменного, постыдного — того, что могло бы ранить чувства зрителей.

— Альберт упоминал строчку из пьесы, которую вряд ли мог видеть на Земле, — сказал я.

— Он мог видеть ее здесь, — заметила она. — Или на Земле. Если человек достаточно многого достиг здесь, не исключено, что он побывает на Земле.

— А люди Земли?

Леона понимающе улыбнулась.

— Ты сможешь увидеть Землю позже, если захочешь, — сказала она. — Правда, к тому времени

желание может пропасть.

— Пропасть?

Как она могла сказать такое?!

— Не из-за уменьшения твоей преданности, — объяснила она, — а потому, что твое присутствие ничего хорошего ей не принесет, ну и потому, что опускаться на тот уровень не слишком приятно.

— Почему? — недоумевал я.

— Потому что… — Леона замолчала на несколько мгновений, а потом продолжала: — Для того чтобы приспособиться, придется понижать свою систему, что может принести физический и психический дискомфорт. — Улыбнувшись, она дотронулась до моей руки. — Лучше этого избегать, — добавила она.

Я кивнул, но не мог поверить, что захочу когда-нибудь этого избежать. Если я узнаю, когда Энн должна ко мне присоединиться, и вдобавок смогу время от времени ее видеть, то ожидание станет терпимым.

Я уже собирался задать следующий вопрос, когда заметил, что — как Леона и предсказывала — светящиеся нимбы начали гаснуть, и я смог более отчетливо разглядеть людей. Признаюсь — не к своей чести, — что на миг изумился,

увидев представителей разных рас. Тогда я понял, насколько редко видел их в жизни — особенно дома — и как много теряет от этого картина мира.

— Что сказал бы на это ярый сегрегационист? — спросил я, проходя мимо чернокожего мужчины, с которым мы обменялись улыбками.

— Сомневаюсь, чтобы он мог попасть в Страну вечного лета, — ответила Леона. — Любой, кто не понимает, что важна человеческая душа, а не цвет кожи, никогда не найдет здесь успокоения.

— Все расы, живущие в гармонии, — молвил я. — Такое может быть лишь здесь.

Меня изумила печальная улыбка на ее лице.

— Боюсь, это правда, — согласилась она.

Когда мы проходили мимо мужчины с одной рукой, Леона заметила мой ошарашенный вид и то, как я повернулся и уставился на него.

— Как такое может быть? — спросил я. — Разве это не совершенное место?

— Он тоже новенький, — объяснила она. — В жизни у него была одна рука, и поскольку духовное тело полностью соответствует рассудку, оно отражает его убежденность по поводу отсутствия руки. Как только он поймет, что может стать невредимым, рука появится.

Я еще раз произнес это слово — «невероятно». Думаю, ты сделал бы то же самое. Взглянув на город и его блистательную красоту, я ощутил прилив счастья. Теперь я смогу вновь восхищаться всем, что меня окружает, потому что совсем скоро узнаю, когда Энн будет со мной.

Где же уверенность в принятом решении?

Мы подходили к двухэтажному строению, которое, подобно остальным, имело текстуру и полупрозрачность алебастра. Леона сказала мне, что это Дом литературы.

Поднявшись по широким ступеням, мы вошли внутрь. Как и в Бюро регистрации, здесь было много народу, но царила почти полная тишина. Леона проводила меня в просторный зал, вдоль стен которого тянулись стеллажи с книгами. По всей комнате были расставлены большие удобные столы, за которыми сидели с книгами десятки людей.

До меня вдруг дошло, почему так тихо: основной источник шума отсутствовал, поскольку люди общались мысленно.

— Можно разговаривать, никому не мешая, — сказал я. — Идеальная библиотека.

Она улыбнулась.

— Верно.

Я осмотрелся по сторонам.

— Какие здесь есть книги?

— История всех народов Земли, — ответила Леона. — Самая правдивая — ничто не замалчивается.

— Она, вероятно, проливает свет на истинное положение вещей, — высказал я предположение, размышляя о том, что на Земле почти невозможно установить достоверность исторической литературы.

— Так и есть, — согласилась Леона. — Земные книги по истории — в основном вымысел.

Мы обошли комнату кругом, и я заметил, что книги, как и каждый предмет в Стране вечного лета, излучают слабое, но видимое сияние.

— Тут есть издания, опубликованные на Земле? — спросил я, вспоминая свои переплетенные рукописи в доме Альберта.

Леона кивнула.

— А некоторые только еще будут опубликованы.

— Как это получается?

— Содержание книг будет отпечатано в мозгу живых людей.

— А они узнают, что на самом деле не написали книгу?

— Вопрос довольно сложный, — сказала Леона. — Вообще говоря, обычно не знают.

— Я бы хотел прочитать одну из таких книг, — признался я.

— Их обычно не выдают, — покачала она головой. — Читатели могут каким-то образом исказить их содержание — как, точно не знаю. Однажды я хотела прочитать такую книгу, и мне сказали, что, поскольку все здесь происходит на психическом уровне, мои мысли могут изменить ее содержание.

Леона привела меня в другую комнату, отведенную для книг по паранормальным явлениям, оккультным наукам и метафизике. Расхаживая между стеллажами, я почувствовал более сильное излучение, чем в зале исторических книг.

Остановившись у одного из стеллажей, Леона взяла с полки том и протянула мне. Исходящие от книги вибрации были довольно неприятными.

— Новым посетителям принято показывать эту книгу или сходную с ней, — объяснила она.

Я повернул том и прочитал на корешке название: «Обманчивость потустороннего мира». Несмотря на ощущение дискомфорта, вызванное соприкосновением с этой книгой, я не мог не улыбнуться.

— По меньшей мере иронично.

Поставив книгу обратно на полку, я вновь начал испытывать беспокойство за Энн. Она не верила в загробный мир — я сам слышал, как она это говорила. Возможно ли, чтобы она отказалась поверить в очевидность своих ощущений?

— Я бы не стала об этом беспокоиться, — сказала Леона. — Она в тебя поверит. Остальное приложится.

Не стану описывать все наше путешествие по Дому литературы; это не относится к моему рассказу. Достаточно сказать, что само здание и то, что было внутри, произвело на меня неизгладимое впечатление. Когда я высказал Леоне свои опасения по поводу огромного объема знаний, которые предстояло получить, она напомнила мне, что я не ограничен временем.

Когда мы вышли из здания, я вопросительно взглянул на спутницу.

— Не думаю, что уже пора, — тут же ответила она.

— Ладно, — кивнул я.

«Терпение, — сказал я себе. — Еще совсем немного, и ты узнаешь».

— Не хочешь посмотреть одну из наших галерей? — спросила Леона.

— Отлично.

Она сжала мою руку.

— Теперь уже совсем скоро.

Мы обменялись улыбками.

— Извини, я такой эгоист, — сказал я. — Я ничего не спрашиваю о тебе.

— Для этого у нас еще достаточно времени, — мягко ответила она. — Самое главное — твоя жена.

Я уже собирался ответить, когда произошла очередная неожиданность. Мимо нас прошла какая-то женщина, двигаясь в состоянии оцепенения, словно замороженная. На какой-то миг она напомнила мне собственную жуткую фигуру, виденную во время сеанса, и я похолодел.

— Кто она? — спросил я.

— Она еще жива, — ответила Леона, — ее дух странствует здесь во сне. Такое время от времени случается.

— Она не знает, где находится?

— Нет. И вероятно, не вспомнит, когда проснется.

Повернувшись, я стал наблюдать, как женщина, механически двигаясь, медленно удаляется. Я заметил прикрепленный к ее макушке серебряный шнур, который, мелькнув в воздухе, скоро пропал.

— Почему люди ничего не помнят? — спросил я.

— Потому что память находится в духовном сознании, а материальный мозг не в состоянии ее прочитать, — ответила Леона. — Мне говорили, что есть люди, которые совершают астральные путешествия сюда, полностью отдавая себе в этом отчет как во время путешествия, так и после, но я таких не встречала.

Я смотрел, как женщина удаляется, невольно думая: «Если бы Энн так могла!» Если бы она и не знала, что происходит, я мог бы ее ненадолго увидеть, может быть, даже прикоснуться к ней. Эта мысль наполнила меня столь сильным желанием, что я ощутил его почти физически. Вспоминая ее тепло и податливость, я, по сути дела, почувствовал это плотью.

Тяжело вздохнув, я повернулся к Леоне, которая понимающе мне улыбалась. Я с усилием улыбнулся в ответ.

— Знаю, я — плохой компаньон, — сказал я.

— Да нет, хороший. — Она взяла меня за руку. — Пойдем, пробежимся по галерее, а потом узнаем, когда она вновь будет с тобой.

Стоящее перед нами здание имело цилиндрическую форму; наружные стены из материала,

напоминающего мрамор, были покрыты искусной резьбой, изображающей цветы и листья.

Огромное внутреннее пространство состояло из как будто бы бесконечной изгибающейся галереи, стены которой были увешаны полотнами великих мастеров. Перед картинами, внимательно их изучая, стояли группы людей; было много учителей с учениками.

Я узнал картину Рембрандта и высказался по поводу прекрасной копии. Леона улыбнулась.

— Та, что на Земле, — копия. Это — подлинник.

— Не понимаю.

Она объяснила, что картина, висящая перед нами, была задумана Рембрандтом — со всем совершенством, на какое способно воображение гения. То, что он сделал на Земле, чтобы воспроизвести это идеальное ментальное изображение, было подвержено ограничениям его материального мозга и тела и создано с помощью материалов, подверженных разложению. Здесь же было абсолютное видение художника — чистое и вечное.

— Ты хочешь сказать, что на Земле все художники лишь воспроизводят полотна, уже существующие здесь?

— Существующие, потому что художники их

создали, — объяснила Леона. — Именно это я имела в виду, говоря, сколь сложен вопрос о том, знает ли человек о получаемых им творческих импульсах. Сначала Рембрандт мысленно создал эту картину из матрицы, потом воспроизвел ее материальными средствами. Будь мы экспертами, мы бы увидели, насколько эта картина совершеннее той, что на Земле.

Каждое произведение искусства здесь было живым. Цвета играли, как в жизни. Каждая картина казалась почти — описание неточное, но лучшего не нахожу — трехмерной, с характеристиками рельефа. С близкого расстояния они выглядели скорее реальными сценками из жизни, нежели плоскими изображениями.

— Думаю, что во многих смыслах самые счастливые люди здесь — это художники, — заметила Леона. — Материя здесь настолько неуловима, и при этом с ней легко обращаться. Творческая деятельность художника ничем не ограничена.

Я изо всех сил старался проявлять интерес к тому, что она мне показывала и о чем рассказывала, — это действительно было потрясающе. И все же, несмотря на все усилия, меня продолжали одолевать мысли об Энн. Поэтому, когда Леона сказала: «Думаю, теперь нам пора вернуться

в Бюро», — я невольно вздохнул с облегчением.

— Мы сможем мысленно отправиться туда? — торопливо спросил я.

Она с улыбкой взяла меня за руку. На этот раз я не закрывал глаз, но все-таки не смог уследить. Вот мы в галерее; я моргнул, и перед нами уже сидел мужчина из Бюро регистрации.

— Предполагается, что ваша жена окажется в наших пределах в возрасте семидесяти двух лет, — молвил он.

«Двадцать четыре года», — тотчас пронзила меня мысль. Страшно долго.

— Помните, что в Стране вечного лета время измеряется по-другому, — напомнил мне клерк. — То, что на Земле показалось бы вечностью, здесь может пролететь очень быстро, если вы проявите активность.

Я поблагодарил его и Леону и вышел из Бюро регистрации.

Мы продолжали идти вместе, я поддерживал разговор. Улыбался и даже смеялся. Но что-то было не так. Я размышлял: теперь все уладилось. Через двадцать четыре года мы снова будем вместе. Я займусь образованием, работой, подготовлю для нас дом. Именно такой, какой ей понравится. На берегу океана. С катером. Все ула-

жено.

Тогда почему у меня не было уверенности в принятом решении?

Тревожные ассоциации

Вскоре после этого произошел ужасный перелом. На Земле могла пройти неделя или меньше — точно сказать не могу. Знаю только, что это потрясение настигло меня слишком быстро.

Я испытывал разочарование из-за того, что придется так долго ждать встречи с Энн. Альберт посоветовал мне думать не об этом ожидании, а о том, что встреча определенно произойдет.

Я старался, правда старался. Я пытался убедить себя в том, что мое беспокойство необоснованно, что оно не имеет отношения к ситуации с Энн.

Я начал заниматься другими вещами.

Прежде всего, наш отец. Роберт, я видел его однажды. Он живет в другой части Страны вечного лета. Меня проводил к нему Альберт; мы поговорили, а потом ушли.

Тебе это не кажется странным? Думаю, покажется, если учесть ваши с ним отношения. Извини, если это прозвучало фальшиво, но здесь кровь не гуще воды. Взаимоотношения определяются мыслями, а не генами. Проще говоря, он умер до того, как у меня появилась возможность его узнать. Они с мамой расстались, когда я

был совсем маленьким, так что близости между нами быть не могло. Поэтому, хотя мне было приятно увидеться с ним, а ему со мной, ни один из нас не испытал непреодолимого желания продолжить отношения. Хотя он человек приятный. У него есть свои проблемы, но его чувство собственного достоинства не подлежит сомнению.

«Здесь нас скорее разделяют наши пристрастия, а не расстояния», — сказал Альберт. Ты видел воочию, насколько сильна моя привязанность к Энн и детям. И я уверен, что если маме суждено умереть, пока я «диктую» для тебя этот дневник, наши отношения будут гораздо более близкими, поскольку так было при жизни.

Дядя Эдди и тетя Вера живут отдельно. Он ведет скромную жизнь в очаровательном уголке, где занимается садоводством. Я всегда чувствовал, что в жизни он полностью не раскрылся. Здесь — да.

Тетя Вера нашла «небеса», к которым всегда стремилась, в которые верила. Она очень религиозна и почти постоянно посещает церковь. Я видел это здание. По виду оно в точности такое же, как церковь, которую она посещала на Земле. Церемония такая же, как сказал Альберт. «Видишь, Крис, мы были правы», — сказала

мне тетя Вера. И пока она в это верит, ее Страна вечного лета будет находиться в границах этого убеждения. В этом нет ничего плохого. Она счастлива. Именно потому, что ограниченна. Но повторю: есть многое другое.

И последнее. Я узнал, что Йен, никому не сказав, молился за меня. Альберт уверил меня, что, если бы не это, мое состояние после смерти было бы гораздо хуже. «Молитва о помощи всегда облегчает этот опыт», — были его слова.

Теперь возвращаюсь к своему дневнику.

Это началось в доме Альберта: собирались друзья. Я бы сказал, что был вечер, поскольку на небо опустились сумерки — мягкий и умиротворяющий полусвет.

Не буду пытаться передать тебе все, о чем говорили гости. Хотя они старались вовлечь меня в разговор, большая его часть была непонятна мне. Они подробно говорили о сферах, находящихся «выше» этой. Об уровнях, на которых развивающаяся душа становится наравне с Богом — бесформенная, независимая от времени и материи, хотя по-прежнему наделенная личностными особенностями. Их дискуссия казалась интригующей, но недоступной моему пониманию, как и пониманию Кэти.

Мне казалось, я лишь часть декораций этого вечера. Но все же когда я — в ответ на речи гостей — подумал: «А ведь все мы мертвые», Альберт с улыбкой повернулся ко мне.

— Напротив, — сказал он. — Все мы очень даже живые.

Я извинился за свою мысль.

— Не стоит. — Он положил руку мне на плечо и крепко его сжал. — Знаю, что это трудно. И подумай вот о чем. Если ты, находясь здесь, можешь сказать такое, представь себе, насколько сложнее кому-то на Земле поверить в загробную жизнь.

Я спрашивал себя, не пытается ли он уверить меня в неспособности Энн в это поверить.

— Безусловно, достойно всяческого сожаления то, что на Земле практически никто не имеет представления, чего ожидать после смерти, — заметила Леона.

— Если бы только люди воспринимали смерть как сон, прекратились бы все ужасы, — молвил мужчина по имени Уоррен. — Человек спокойно засыпает, уверенный в том, что на следующее утро проснется. Он должен ощущать то же самое по поводу конца жизни.

— Неужели нельзя изобрести что-то такое, что позволило бы человеческому глазу увидеть

происходящее в момент смерти? — спросил я, стараясь не думать об Энн.

— Когда-нибудь изобретут, — сказала женщина по имени Дженифер. — Устройство типа камеры, которое будет фиксировать выход души из тела.

— Но существует более настоятельная потребность, — сказал Альберт, — «наука умирать» — физическая и психологическая помощь для ускорения и облегчения разделения тел. — Он взглянул на меня. — Я рассказывал тебе раньше, — напомнил он мне.

— Люди постигнут когда-нибудь такую науку? — спросил я.

— Ее следует развить, — ответил он. — Каждый человек должен быть подготовлен к жизни после смерти. Информация на этот счет накапливается уже в течение столетий.

— Например, — вступил в разговор еще один из его друзей, мужчина по имени Филипп. — «Что касается жизни человека после так называемой смерти, то он видит, как прежде, слышит и разговаривает, как прежде; у него есть обоняние и вкус, и он чувствует прикосновение, как раньше. Также он тоскует, желает, думает, размышляет, любит, как прежде. Одним словом, когда человек переходит из одной жизни в дру-

гую, это то же самое, что переехать с одного места на другое, захватив с собой все, чем он обладал, как личность». Эти слова написал в восемнадцатом веке Сведенборг.

— Разве эта проблема не будет немедленно разрешена, если разработают систему прямой связи? — спросил я, взглянув на Альберта. — То «радио», о котором ты говорил раньше.

— Со временем это произойдет, — откликнулся Альберт. — Наши ученые постоянно над этим работают. Правда, проблема необычайно сложная.

— Безусловно, наша работа упростится при наличии такого «радио», — заметил один из друзей Альберта, Артур.

Я с удивлением взглянул на него. Впервые за время пребывания в Стране вечного лета я уловил в чьем-то голосе оттенок горечи.

Альберт положил руку на плечо Артура.

— Понимаю, — сказал он. — Помню свою растерянность, когда приступил к нашей работе.

— Похоже, она постоянно усложняется, — продолжал Артур. — Совсем немногие из тех, что попадают сюда, обладают нужными знаниями. Все, что они приносят с собой, — это никчемные «ценности». Они хотят лишь заниматься тем же, чем и при жизни, невзирая на заблуждения

и деградацию. — Он с обиженным выражением посмотрел на Альберта. — Эти люди хоть когда-нибудь смогут усовершенствоваться?

Они продолжали беседу, а меня снова охватило беспокойство. «В чем именно состоит работа Альберта? — недоумевал я. — И в какие мрачные места она его уводит?»

И хуже всего, что я почему-то продолжал связывать эту тревогу с Энн. Это казалось бессмысленным. Она обладала познанием. Ее ценности не были никчемными. У нее не было заблуждений, и уж никак нельзя было назвать ее деградирующей.

Почему же тогда я был не в состоянии отогнать от себя тревожные ассоциации?

Возвращение ночного кошмара

В конце разговора Альберт объявил, что у него для меня есть сюрприз. Мы все вышли из дома, и, пока остальные отправились в мысленное путешествие, Альберт предложил мне немного прогуляться пешком в компании Кэти.

— Вижу, что тебя растревожили слова Артура, — начал он. — И напрасно. Люди, о которых он говорил, не имеют с тобой ничего общего.

— Тогда почему меня не покидает тревога за Энн? — спросил я.

— Ты все еще о ней беспокоишься. Пройдет некоторое время, и это прекратится. Но между Энн и тем, о чем говорил Артур, связи нет.

Я кивнул, готовый ему поверить.

— Мне бы, честное слово, хотелось, чтобы существовала прямая связь, — сказал я. — Перемолвиться с ней парой слов, и все было бы в порядке. — Я взглянул на Альберта. — Это когда-нибудь произойдет? — спросил я.

— Должно когда-нибудь произойти, — уверенно ответил он. — Правда, проблема сложная. Дело не в расстоянии, как я уже говорил, а в различии вибраций и веры. В настоящее время с такой за-

дачей могут справиться лишь наиболее искусные медиумы на Земле.

— Почему каждый человек на Земле не может этого освоить? — спросил я.

— Может, но при определенной подготовке, — сказал Альберт. — Мы знаем только, что это могут сделать люди, родившиеся с особым даром, или те, кто приобрел его после несчастного случая.

— Дар?

— Способность использовать эфирное восприятие, независимо от нахождения в физическом теле.

— А я не смогу найти медиума с такой способностью? — спросил я. — Связаться с ним? И с ней?

— А что, если не найдется такого человека рядом с твоей женой? — размышлял он вслух. — Но скорее всего, ты действительно сможешь связаться с этим человеком, он передаст послание жене, а она откажется в него поверить. Что тогда?

Я со вздохом кивнул.

— Однажды я ведь мог связаться, — вспомнил я, — но все пошло не так и, наверное, уничтожило малейшую возможность того, что Энн когда-нибудь вообще поверит.

— Неудачно получилось, — согласился Альберт.

— И он ведь меня видел, — сказал я, ужаснувшись при воспоминании. — Он, по сути дела, читал по моим губам.

— Он также полагал, что твой изгнанный двойник — это ты, — напомнил мне Альберт.

— Это было омерзительно. — Я передернулся.

Он обнял меня за плечи.

— Постарайся обрести веру, Крис, — молвил он. — Энн обязательно будет с тобой; это не подлежит сомнению. А пока, пожалуй, тебе поможет переключение мыслей.

Я взглянул на него с любопытством.

— Иногда бывает возможным объединить несколько сознаний для связи с кем-то, кто остался на Земле, — объяснил он. — Не словесной связи, — быстро добавил он, увидев выражение моего лица. — Эмоциональной. Для того чтобы подбодрить и утешить этого человека.

— Ты это сделаешь? — спросил я.

— Я устрою это, как только появится возможность, — пообещал он. — А сейчас положи руку на голову Кэти и возьми меня за руку.

Я сделал это и немедленно оказался рядом с ним на краю огромного амфитеатра, находяще-

гося ниже уровня земли. Все пространство было заполнено людьми.

— Где мы? — спросил я, выпрямившись.

— Позади Дома музыки, — ответил он.

Я осмотрелся. Это зрелище в сумерках было поразительным — спускающиеся ряды амфитеатра, окруженного лужайками и цветочными клумбами.

— Здесь сейчас будет концерт? — спросил я.

— Тут есть человек, который все тебе объяснит, — сказал Альберт с улыбкой.

И он развернул меня.

Я сразу же его узнал, Роберт. Он почти не изменился с тех пор, как я видел его последний раз. У него был здоровый, энергичный вид, но он не помолодел и выглядел таким, как я его запомнил.

— Дядя! — воскликнул я.

— Здравствуй, Крис! — приветствовал он меня. Мы обнялись, и он посмотрел на меня. — Итак, ты теперь с нами, — произнес он с улыбкой.

Я кивнул, улыбнувшись в ответ. Дядя Свен всегда был очень дорог мне, ты ведь знаешь.

— Кэти, девочка моя, — сказал он, наклонившись, чтобы погладить собаку.

Та была явно довольна, что видит его.

Он распрямился, снова мне улыбнувшись.

— Ты удивлен моим видом, — промолвил он.

Я не знал, что сказать.

— Естественное любопытство, — заметил он. — Находясь здесь, человек вправе выбирать себе возраст. Я предпочитаю этот. Глупо ведь было бы встречать здесь только молодых людей, правда?

Я не мог не рассмеяться, заметив лукавый взгляд, брошенный им в сторону Альберта.

Альберт тоже рассмеялся, потом сказал мне, что попытается организовать переключение мыслей прямо сейчас.

После того как он ушел, я рассказал дяде про Энн, и тот кивнул.

— Переключение поможет, — успокоил он меня. — Я видел его в действии.

Его уверенная манера придала мне сил. Я смог даже улыбнуться.

— Значит, ты занимаешься музыкой, — сказал я. — Меня это не удивляет.

— Да, музыка всегда была моей большой любовью, — откликнулся он и, указав на траву, предложил: — Давай присядем. Здесь тебе понравится больше, чем в амфитеатре, — не скажу почему. Пусть это будет сюрпризом.

Мы сели, и Кэти улеглась рядом с нами.

— Здесь часто исполняют музыку? — спросил я.

— О да, она играет заметную роль в Стране вечного лета, — ответил дядя Свен. — Не только как развлечение, но и как способ, позволяющий личности достичь высших уровней.

— Чем именно ты занимаешься? — спросил я.

— Я изучаю наилучшие методы передачи музыкального вдохновения тем, кто обладает композиторским даром на Земле, — объяснил он. — Наши исследования сводятся в таблицы и передаются другой группе, занимающейся усовершенствованием связи с этими талантливыми людьми. Третья группа осуществляет фактическую передачу. Затем… Прости, я расскажу тебе об этом позже — сейчас начнется концерт.

Я не мог понять, откуда он это узнал, поскольку все происходило вне поля нашего зрения, ниже уровня земли.

Да, он был прав: концерт должен был начаться. Я знаю, что ты не любитель классической музыки, Роберт, но тебе, возможно, будет интересно узнать, что главным исполняемым произведением была Одиннадцатая симфония Бетховена.

Я быстро понял, почему дядя предложил сесть выше уровня амфитеатра. Нам предстояло

не только слушать.

Едва заиграл оркестр — незнакомую мне увертюру Берлиоза, — как снизу всплыл плоский круг света и застыл на одном уровне с верхними рядами.

Музыка продолжала звучать, а круглое световое пятно обрело плотность, образуя основание для того, что последовало дальше.

Сначала в воздух поднялись четыре отстоящих друг от друга на равном расстоянии столба света. Эти длинные светящиеся колонны балансировали в воздухе, потом медленно сжались и расширились, превратившись в четыре круглые башни, каждая с куполом.

Затем световая плоскость, утолстившись, медленно поднялась и образовала купол над всем амфитеатром. Купол продолжал подниматься, пока не оказался выше четырех колонн, и там застыл.

Вскоре всю эту структуру начали пронизывать самые нежные оттенки цветов. И вместе со звучащей музыкой постоянно менялась подсветка: один неуловимый оттенок сменялся другим.

Поскольку мне не были видны амфитеатр, оркестр или зрители, то выходило, будто передо мной разворачивается какая-то волшебная

живая архитектура. Я узнал, что любая музыка излучает формы и цвет, но не всякая композиция создает настолько живые структуры.

Ценность любой мысленной музыкальной формы зависит от чистоты ее мелодий и гармоний. По сути дела, композитор — строитель звуков, создающий здания из видимой музыки.

— Когда музыка кончается, все это исчезает? — прошептал я, тут же вспомнив, что шептать не обязательно, раз мы общаемся мысленно.

— Не сразу, — ответил дядя. — Между отдельными произведениями должна существовать пауза, чтобы форма успела раствориться и не вступила в конфликт со следующей.

Я был настолько заворожен мерцающей архитектурой, что почти не слышал создавшей ее музыки. Я припомнил, что еще Скрябин пробовал сочетать свет с музыкой, и задумался о том, пришло ли к нему вдохновение из Страны вечного лета.

А еще я думал о том, как понравилось бы это зрелище Энн.

Красота цветов напомнила мне о закате, который мы вместе с ней наблюдали в парке секвой.

Это была не та поездка, которую мы совершали с маленьким Йеном. Шестнадцать лет спустя мы

впервые смогли поехать в путешествие без детей.

В первый же вечер в палаточном лагере «Ручей Дорст» мы отправились на прогулку за две мили в рощу Мур. Тропа была узкой, и я шел вслед за Энн, все думая о том, какая она милая в своих джинсах, белых кроссовках, красно-белой куртке, обвязанной вокруг талии. Оглядываясь по сторонам с детским любопытством, она то и дело спотыкалась, потому что не следила за тропой. Ей было около пятидесяти, Роберт, а она казалась мне молодой, как никогда.

Я помню, как мы сидели рядышком в роще, скрестив ноги, закрыв глаза, повернув вверх ладони, в плотном кольце пяти огромных секвой. Единственным звуком был слабый, но постоянный шум ветра высоко над нами. В памяти возникла первая строчка стихотворения: «Ветер в высоких деревьях как Божий глас».

Энн, так же как и мне, понравился этот вечер. Что-то такое было в природе — в особенности эта лесная тишина, — хорошо на нее действующее. Всеобъемлющая тишина наполняла сердце покоем. Это было одно из немногих мест за стенами нашего дома, где Энн совершенно освобождалась от тревог.

В лагерь мы возвращались уже незадолго до заката и остановились отдохнуть около громадной наклонной скалы, выходящей на аллею гигантских красных деревьев.

Мы сидели и любовались закатом, негромко разговаривая. Сначала об этой местности и о том, какой она могла быть, еще до того как ее увидел первый человек. Затем о том, как воспринял это величие человек и как методично его разрушал.

Постепенно мы переключились на разговор о себе, о двадцати шести годах нашей совместной жизни.

— Двадцать шесть, — промолвила Энн, словно до конца в это не веря. — Куда они подевались, Крис?

Улыбнувшись, я обнял ее.

— Они были хорошо прожиты.

Энн кивнула.

— Верно, были у нас хорошие времена.

— Почему были? — возразил я. — Сейчас лучше, чем когда бы то ни было, — вот что важно.

— Да. — Она прислонилась ко мне. — Двадцать шесть лет, — повторила она. — Это кажется невероятным.

— Я тебе скажу, чем это кажется, — сказал я ей. — Мне кажется, что только на прошлой

неделе я заговорил на пляже в Санта-Монике с хорошенькой стажеркой-рентгенотехником, спросив у нее, который час, а она указала на башенные часы.

Она рассмеялась.

— Не очень-то я была приветливой, а?

— Зато я проявил упорство, — сказал я, сжимая ее в объятиях. — Знаешь, все так странно. Мне действительно кажется, что это было на прошлой неделе. Неужели у Луизы двое своих детей? Неужели «крошка» Йен на пороге колледжа? Мы действительно жили во всех этих домах, совершали все эти вещи?

— Так и есть, шеф, — фыркнула она. — Интересно, сколько открытых уроков мы посетили в школах? Все эти парты, за которыми мы сидели, слушая то, чему учат наших детей.

— Или о том, что они делают неправильно.

Она улыбнулась.

— И это тоже.

— Все это печенье и кофе в пластмассовых чашках, — вспомнил я.

— И этот ужасный фруктовый пунш.

Я рассмеялся.

— Что ж… — Я погладил ее по спине. — Думаю, мы вполне сносно справились с воспитанием

детей.

— Надеюсь, — сказала она. — Надеюсь, что не причинила им вреда.

— Вреда?

— Своими тревогами, страхами. Я старалась их от этого оградить.

— Они в хорошей форме, мамочка, — заверил я ее. Я смотрел на нее, медленно поглаживая ей спину. — Могу сказать, что и ты тоже.

Она взглянула на меня с застенчивой улыбкой.

— Кемпер никогда еще не был в полном нашем распоряжении.

— Надеюсь, ночью он не будет слишком сильно трястись, — сказал я. — А то не избежать нам публичного скандала.

Она хихикнула.

— Я тоже на это надеюсь.

Я вздохнул и поцеловал ее в висок. Солнце опускалось за горизонт; небо было окрашено в ярко-красные и оранжевые тона.

— Я люблю тебя, Энн, — сказал я.

— И я тебя люблю.

Мы немного помолчали, а потом я спросил:

— Ну а что будет потом?

— Ты хочешь сказать, прямо сейчас?

— Нет, в ближайшие годы.

— О, мы будем заниматься всякими вещами, — сказала она мне.

Сидя там, мы строили разные планы. Чудесные планы, Роберт. Приехать в этот парк осенью, чтобы посмотреть на смену красок. Разбить весной лагерь на реке у Лоджпола, пока туда не нагрянут толпы. Отправиться с рюкзаками в горы, может быть, даже зимой на лыжах, если выдержат спины. Спуститься на плоту по стремительной реке, взять напрокат плавучий домик и проплыть по запруженным рекам Новой Англии. Поехать в те места на земном шаре, где еще не были. Невозможно было перечислить все то, что мы могли совершить теперь, когда дети подросли и мы могли проводить больше времени вместе.

Я внезапно проснулся. Энн выкрикивала мое имя. Я в смятении стал озираться в темноте, пытаясь вспомнить, где нахожусь.

Я вновь услышал, как она громко зовет меня по имени, и вдруг вспомнил. Я был в кемпере, в Национальном парке секвой. Была середина ночи, и Энн вывела Джинджер погулять. Я проснулся, когда она выходила, потом снова заснул.

Я моментально выскочил из машины.

— Энн! — закричал я.

Подбежав к капоту машины, я посмотрел в сторону луга. Там мелькал луч фонарика. Направляясь в его сторону, я заулыбался. Я знал, что это случилось раньше. Тогда она вышла на луг с Джинджер, и вдруг луч фонарика наткнулся на медведя, спугнув его. Она в испуге выкрикнула мое имя, я подбежал к ней, прижал к себе и успокоил.

Но пока я приближался к лучу фонарика, все изменилось. Я похолодел, услышав ворчание медведя, потом рычание Джинджер.

— Крис! — пронзительно крикнула Энн.

Я бросился вперед по кочкам. «Это происходит не на самом деле», — напоминал я себе. В действительности все шло совсем не так. Вдруг я наткнулся на них и задохнулся при виде этого зрелища: Джинджер схватилась с медведем, Энн распростерлась на земле, выронив фонарик. Схватив фонарик, я направил его на Энн и закричал от ужаса. Ее лицо было в крови, кожа свисала клочьями.

Вот медведь ударил Джинджер по голове, и та, взвизгнув от боли, рухнула на землю. Зверь повернулся к Энн, и я одним прыжком оказался перед ним, завопив, чтобы его отогнать. Он все надвигался на меня, и я ударил его по голове

фонариком, который разбился. И тут я почувствовал в левом плече боль, как от удара дубинкой, и упал. Развернувшись, я увидел, что медведь с грозным ревом снова подминает под себя Энн.

— Энн!

Я попытался встать, но не смог: на левую ногу было не опереться, и я вновь рухнул на землю. Энн пронзительно закричала, когда медведь начал ее трепать.

— О господи, — рыдал я.

Подползая к ней, я правой рукой нащупал камень и поднял его. Прыгнув на зверя и вцепившись в его шерсть, я принялся молотить его камнем по голове. Я чувствовал, как по пальцам стекает теплая кровь: моя, кровь Энн. Продолжая колотить медведя по башке, я завыл от ярости и ужаса. Этого не может быть! Такого никогда не было!

— Крис?

Я сильно вздрогнул, пытаясь понять, где я.

Рядом со мной стоял Альберт, по-прежнему звучала музыка. Я заглянул ему в лицо. Меня насторожило его напряженное выражение.

— Что случилось? — спросил я, быстро поднимаясь.

Он взглянул на меня с выражением такой боли,

что мне показалось, будто у меня остановилось сердце.

— Что такое? — спросил я.

— Энн скончалась.

Сначала я испытал шок, словно меня сильно ударили. Потом возбуждение, смешанное с печалью. Жалея детей, я радовался за себя. Мы снова будем вместе!

Нет. Лицо Альберта не выражало поощрения подобного чувства, и мою душу наполнил холодный, тоскливый ужас.

— Ну, прошу, скажи, в чем дело? — умолял я.

Он положил руку мне на плечо.

— Крис, она убила себя! — сказал он. — Она от тебя скрылась.

Это было возвращение ночного кошмара.

Этот бренный шум

Единственная мучительная возможность

Слушая Альберта, я в оцепенении сидел на траве. Чуть раньше он увел меня из амфитеатра, и мы перешли на тихую полянку.

Я говорю, что слушал, но на самом деле — нет. Его слова и фразы доходили до моего сознания разрозненно, поскольку собственные мысли нарушали целостность его речи. То были в основном тревожные воспоминания о том, как Энн иногда говорила: «Если ты умрешь, я тоже умру», или: «Если ты уйдешь первым, вряд ли я это вынесу».

Тогда я понял, почему ощущал постоянный страх, несмотря на все чудеса за время моего пребывания в Стране вечного лета. Где-то в глубине души зрело мрачное предчувствие — ожидание чего-то ужасного, что должно было с ней произойти.

Теперь я понимал, почему меня преследовали эти видения — ночные кошмары, в которых она умоляла ее спасти. И опять в памяти возник ее полный ужаса взгляд, когда она скользила к краю

скалы, тонула во вспененных водах бассейна или, окровавленная, падала на землю после очередной атаки медведя. И скала, и бассейн, и медведь символизировали мой страх за нее; то были не сны, а предчувствия. Она просила меня о помощи, умоляя не дать ей совершить то, к чему чувствовала склонность.

Голос Альберта дошел наконец до моего сознания.

— Душевные травмы в детстве, подросшие дети, твоя смерть…

Я уставился на него. Он что-то сказал о снотворном? Его мысль прервалась, и он кивнул.

— Господи.

Я спрятал лицо в ладонях, готовый зарыдать. Но слезы высохли, я был опустошен.

— Смерть того, с кем человек был долго и близко связан, оставляет в его жизни вакуум, в буквальном смысле слова, — говорил Альберт. — Потоки психической энергии, направленные на этого потерянного человека, лишаются своего объекта.

«Зачем он мне это рассказывает?» — с досадой думал я.

— Мог сказаться также и тот спиритический сеанс, — продолжал он. — Эти вещи иногда нарушают психическое равновесие.

Я в недоумении посмотрел на него.

— Вопреки тому, что говорила твоя жена, — сказал он, — я думаю, она надеялась на существование жизни после смерти. Думаю, она возлагала на этот сеанс большие надежды. Когда оказалось, что это заблуждение — так она считала, — она… — Голос его замер.

— Ты говорил, что вы за ней присмотрите, — напомнил я.

— Мы присматривали, — сказал он. — Но мы никак не могли узнать, что она собирается делать.

— Почему же мне сказали, что она прибудет сюда в возрасте семидесяти двух лет?

— Потому что так было намечено, — ответил он. — Правда, несмотря на прогнозирование, в ее силах изменить предначертанное. Разве не понимаешь, в этом-то и дело. Существует естественное, намеченное время смерти каждого из нас, но…

— Тогда почему здесь нахожусь я? — спросил я. — Тот несчастный случай был естественным наступлением моей смерти?

— По-видимому, да, — ответил он. — А может быть, и нет. Как бы то ни было, ты не несешь ответственности за свою смерть. А Энн несет от-

ветственность за свою. Ведь убить себя — значит нарушить закон, потому что это лишает человека возможности постичь потребности своей жизни.

Вид у него был расстроенный, и он покачал головой.

— Если бы только люди могли понять, — вымолвил он. — Они полагают, что самоубийство — быстрый путь к забвению, выход из сложной ситуации. Это далеко не так, Крис. Просто личность переходит из одной формы в другую. Душу разрушить невозможно. Самоубийство лишь ускоряет более мрачное продолжение той же ситуации, выход из которой никак было не найти. Продолжение в еще более мучительных обстоятельствах…

— Где она, Альберт? — прервал я его.

— Не имею представления, — вздохнул он. — Убив себя, она лишь избавилась от наиболее плотной части своего тела. То, что осталось, магнитно удерживается Землей, но где именно — узнать почти что невозможно. Коридор между физическим и астральным миром фактически бесконечен.

— Сколько времени она там пробудет?

Он медлил с ответом.

— Альберт?

Он тяжело вздохнул.

— Пока не наступит время ее естественной смерти.

— Ты хочешь сказать… — Я потрясенно смотрел на него, не смея поверить. Я едва не задохнулся от горя. — Двадцать четыре года?

Он не ответил. В этом не было необходимости; к этому моменту я уже сам знал ответ. Почти четверть века в «низшей сфере» — месте, о котором я не смел раньше даже помыслить, потому что оно будило во мне такие мрачные предчувствия.

Внезапный проблеск надежды. Я за него ухватился.

— А ее эфирное тело не умрет, как мое?

— Только через двадцать четыре года, — сказал он. — Оно будет существовать до тех пор, пока она остается в эфирном мире.

— Это несправедливо, — сказал я. — Наказать человека, который сошел с ума.

— Крис, это не наказание, — мягко возразил он. — Это закон.

— Но она, должно быть, потеряла рассудок от горя, — настаивал я.

Он покачал головой.

— Будь это так, она бы не оказалась там, где она сейчас. Все очень просто. Никто ее туда не от-

правлял. То, что она там, — доказательство того, что она приняла решение сознательно.

— Не могу в это поверить.

Я встал и отошел от него.

Альберт поднялся и последовал за мной. Когда я остановился, чтобы прислониться к дереву, он встал рядом.

— Там, где она сейчас, все может быть не так уж ужасно, — пытался он меня ободрить. — Она всегда старалась вести достойную жизнь, была хорошей женой и матерью, славным человеком. Ее положение, безусловно, не таково, как у тех, кто вел подлую жизнь. Все дело в том, что она потеряла веру и должна оставаться там, где пребывает сейчас, пока не придет ее время.

— Нет, — решительно произнес я.

Он не ответил. Почувствовав его замешательство, я взглянул на него.

Так он понял, что у меня на уме, и впервые за все время, пока мы были вместе, я заметил на его лице выражение смятения.

— Крис, это невозможно… — вымолвил он.

— Почему?

— Ну… прежде всего, я не верю, что это выполнимо, — сказал он. — Никогда не видел, чтобы это делалось, и не слышал, чтобы хоть один человек

предпринял попытку.

Я похолодел от ужаса.

— Никогда?

— Не на этом уровне, — ответил он.

Я беспомощно взглянул на него. Но вскоре ко мне вновь вернулась решимость.

— Тогда я буду первым, — заявил я.

— Крис… — Альберт смотрел на меня с искренней тревогой. — Неужели не понимаешь? Она там с благой целью. Если ты будешь ей помогать, то исказишь цель…

— Я должен, Альберт, — с отчаянием произнес я. — Разве не понимаешь? Просто не могу ее там оставить на двадцать четыре года. Я должен ей помочь.

— Крис…

— Я должен ей помочь, — повторил я настойчиво. — Неужели кто-то попытается меня остановить?

Он проигнорировал мой вопрос.

— Крис, даже если ты ее найдешь, что, скорее всего, невозможно, она посмотрит на тебя и не узнает. Услышит твой голос и не вспомнит его. Твое присутствие будет для нее непостижимым. Она не только откажется принять твою помощь, но не станет даже слушать тебя.

Я спросил снова:

— Неужели кто-то попытается меня остановить?

— Дело не в этом, Крис. Ты не имеешь представления об опасностях в…

— Мне на-пле-вать! — прервал его я. — Я хочу ей помочь!

— Крис, ты ничего не сможешь сделать.

Я изо всех сил пытался держать себя в руках.

— Альберт, неужели нет ни малейшей возможности, поговорив с ней, что-то изменить? Что, если она сможет, хотя бы в малейшей степени, достичь понимания, и это сделает ее положение чуть более сносным?

Прежде чем ответить, он долго смотрел на меня в молчании, казавшемся бесконечным.

— Хотел бы я сказать «да», — молвил он, — но не могу.

Я почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног. Но я решительно выпрямился.

— И все же я должен попытаться, — сказал я. — И я попытаюсь, Альберт. Меня не волнует, насколько это опасно.

— Крис, прошу тебя, не говори столь бездумно об этих опасностях, — попросил Альберт.

Прежде я не замечал в его тоне ни малейшего

намека на осуждение. Теперь заметил.

Мы стояли в молчании, глядя друг на друга. Наконец я вновь заговорил.

— Ты поможешь мне ее разыскать, Альберт? — спросил я. Он начал было говорить, но я его перебил: — Ты мне поможешь, Альберт? Пожалуйста!

Снова молчание. Наконец он ответил:

— Попытаюсь. Не верю, что это возможно, но… — Он поднял руку, призывая меня к молчанию. — Попытаюсь, Крис.

В мое существование вернулось время с его бесчисленными мучениями.

Я беспокойно расхаживал около одного из городских зданий в ожидании Альберта, который пытался установить с Энн мысленную связь. Не однажды он предупреждал меня, что я, возможно, буду разочарован. Ему ни разу не доводилось быть свидетелем успешной связи с кем-либо из обитателей низших сфер. Туда могли переноситься определенные люди, Альберт в их числе. Однако они не умели заранее локализовать отдельных индивидуумов, поскольку все находящиеся в низших сферах были отгорожены от связи специальной изоляцией.

Только если они просили о помощи…

Мне пришлось рухнуть на скамью, потому что ко мне вернулась усталость — ощущение внутреннего веса. Я закрыл глаза и стал молиться, чтобы Альберт смог как-то найти ее.

Мою Энн.

Едва я произнес мысленно ее имя, в памяти возникло видение: вечер, мы с ней сидим в кровати и смотрим телевизор; я обнимаю ее рукой за плечи.

Она снова засыпает. Кажется, она всегда засыпает, когда я ее обнимаю, а ее голова покоится у меня на груди. Я никогда ее не бужу и на этот раз тоже этого не делаю. Как всегда, я сижу не шелохнувшись, позабыв про телевизор и глядя в ее лицо. И, как всегда, на глаза медленно наворачиваются слезы. Не важно, что в ее волосах видны седые пряди, а на лице морщинки. Во сне у нее всегда бывает такое доверчивое, детское выражение.

По крайней мере, в те минуты, когда я держу ее в объятиях.

Она сжимает мою руку, как часто это делает; пальцы то и дело подрагивают. Рука у меня затекла, но я не шевелюсь. Пусть уж лучше болит рука, чем я ее разбужу. И вот я сижу неподвижно, не сводя взгляда с ее лица, думая о том,

как люблю эту дорогую, милую женщину-ребенка, прижавшуюся ко мне.

— Крис?

Вздрогнув, я открыл глаза. Передо мной стоял Альберт. Торопливо поднявшись, я взглянул на него.

Он покачал головой.

Поначалу я отказался поверить.

— Должен же быть какой-то способ, — настаивал я.

— Она недоступна, — сказал он. — Не просит о помощи, потому что не верит в ее возможность.

— Но…

— Ее не могут найти, Крис, — продолжал он. — Испробованы все возможные способы. Мне жаль.

Подойдя к ближайшему ручью, я уселся на берегу и уставился на кристальную, плещущуюся воду.

Альберт сел рядом со мной, похлопывая меня по спине.

— Мне правда очень жаль, — сказал он.

— Спасибо, что попытался, — пробормотал я.

— Я обнаружил одну вещь, — вдруг промолвил он.

Я быстро взглянул на него.

— У вас такие сильные чувства друг к другу, потому что вы — родственные души.

Я не знал, как на это реагировать. Я, разумеется, слышал это выражение, но лишь в самом банальном смысле, в контексте тривиальных баллад и стихов.

— Это означает буквально, — пояснил Альберт, — что у вас одинаковая длина волны и ваши ауры вибрируют в унисон.

У меня по-прежнему не возникло никакого отклика. Зачем мне это знать, если Энн этим не поможешь?

— Вот почему ты сразу же влюбился в нее, когда увидел в тот день на пляже, — продолжал Альберт. — Твоя душа радовалась воссоединению с ней.

Я лишь смотрел на него в упор. Почему-то эта новость меня не удивила. В жизни я никогда не был суеверным. И все же всегда настаивал на том, что мы с Энн встретились не случайно.

И все-таки какое значение может это иметь?

— Вот почему тебе так сильно хотелось быть с ней после смерти, — сказал Альберт. — Вот почему тебя ничто не останавливало…

— Тогда по этой же причине и она так сильно

переживала, — перебил я его. — Она должна была себя убить. Чтобы соединиться со мной, вновь достичь этого унисона.

— Нет. — Альберт покачал головой. — Она сделала это не для того, чтобы соединиться с тобой. Разве могла она, если не верила в возможность этого? — Он снова покачал головой. — Нет, она убила себя, чтобы окончить свое существование, Крис. Поскольку считает, что твое существование уже окончено.

— Чтобы прервать свою боль, Альберт.

— Хорошо, боль, — согласился он. — Хотя решение было вызвано не этим. Неужели не понимаешь?

— Я знаю, что она страдала, это все, что я знаю.

Он вздохнул.

— Это закон, Крис, поверь мне на слово. Никто не имеет права…

— Какой толк знать все это, если это не поможет мне ее разыскать? — с горечью перебил я его.

— Дело в том, — сказал он, — что, поскольку вы — родственные души или духовные супруги, мне разрешили продолжать помогать тебе, несмотря на мои замечания.

Я в замешательстве на него смотрел.

— Если ее нельзя найти…

Я горестно замолчал; в сознании вдруг возникло видение: мы двое, подобно «Летучим голландцам» духа, бесконечно блуждаем в поисках Энн. Он это имел в виду?

— Остается один путь, — сказал он, положив руку мне на плечо. — Единственная мучительная возможность.

Потерять Энн навсегда

Дежавю может быть ужасающим, в зависимости от того момента, который заново переживает человек. В состоянии леденящей, всепоглощающей угнетенности двигался я сквозь туман к виднеющемуся впереди зданию. «Освободи меня от этого черного бесконечного кошмара». Эта мольба вновь прозвучала в моем сознании.

Теперь этот кошмар вновь повторялся.

«Я уже был здесь прежде», — преследовала меня новая мысль. То, что на сей раз рядом со мной шел Альберт, не помогало. Несмотря на его присутствие, входя в церковь, я оставался наедине со своими страхами.

Как и прежде, скамьи были заполнены народом. Как и тогда, фигуры людей казались серыми и безликими. И меня снова понесло по среднему проходу, и я силился понять, зачем я здесь. Я понятия не имел, что это за церковь. Я знал только, что на этот раз рыданий Энн не слышно, потому что она мертва.

Они сидели в переднем ряду, близко придвинувшись друг к другу. При виде их я разрыдался, с отчаянием вглядываясь в родные черты.

Мне были хорошо видны их лица, бледные, искаженные страданием, с полными слез глазами.

Душевное волнение сделало меня забывчивым. Даже не задумываясь, я подошел к ним и попытался их обнять. И сразу же понял, что они не отдают себе отчета в моем присутствии, устремляя взгляды вперед. Я вновь испытывал агонию собственных похорон, еще и удвоенную, оттого что это были похороны Энн.

Внезапно меня, как током, ударила одна мысль, и я стал озираться по сторонам. Я ведь был наблюдателем на своих похоронах. Возможно ли…

— Нет, Крис, — сказал Альберт. — Ее здесь нет.

Я старался не смотреть на детей, не в силах вынести выражение их лиц, а также мысль о том, что они теперь совсем одни.

— Эта женщина была любима многими, — услышал я произнесенные нараспев слова.

Я посмотрел в сторону алтаря и увидел смутный силуэт священника, произносившего панегирик. «Кто он такой?» — недоумевал я. Я его не знал. Он не знал Энн. Как же мог он говорить о ней так, словно был близко знаком?

— Как жена и мать, подруга и соседка. Любима своим недавно умершим мужем, Кристофером, и детьми, Луизой и Марией, Ричардом и Йеном.

Я отвернулся от него в тоске. Какое право имел он говорить?..

Увидев, что делает Альберт, я потерял ход мысли.

Он стоял перед Ричардом, возложив правую руку на его голову, словно даруя моему сыну бессловесное благословение.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Он поднял левую руку, ничего не сказав, и я понял, что он призывает к молчанию. Я уставился на него. Через несколько секунд он отошел от Ричарда и встал перед Мэри, также положив руку ей на голову. На миг меня поразила нелепость того, что она смотрит в упор на плотное (для меня) тело Альберта, не видя его. Я снова был в недоумении от поступка моего спутника.

Потом я опять отвернулся, невыносимо страдая при взгляде на Мэри.

Как же я раньше его не заметил? Приближаясь к гробу, я ощутил тоску и отчаяние. «Слава богу, он закрыт», — подумал я. По крайней мере, дети избавлены от тягостного зрелища.

Неожиданно в голову пришла новая мысль. Я вспомнил, как Альберт говорил мне на моих похоронах, что я могу заглянуть в гроб. А сейчас это тоже возможно? Мое отчаяние все росло.

«Нет, — подумал я. — Не хочу видеть ее там. Ее настоящая сущность где-то в другом месте. Зачем мне смотреть на оболочку?»

Я заставил себя отвернуться от гроба и, закрыв глаза, принялся молиться за Энн. «Помоги ей обрести покой, пожалуйста, помоги ей найти утешение».

Невольно мой взгляд опять обратился на детей. И снова невыносимой стала боль от созерцания их горя.

«Прошу тебя, скорей», — мысленно обращался я к Альберту, не в силах больше выносить эту пытку. Я не мог утешить детей, никак не мог с ними связаться.

Ладонь Альберта покоилась на голове Йена. Он вдруг обернулся, и на губах его промелькнула мимолетная улыбка.

— Благодари своего сына, — сказал он.

— Я благодарен им всем, — ответил я, не поняв, о чем речь.

— Ну конечно, — сказал он. — Но дело в том, что молитва Йена может помочь разыскать твою жену.

Теперь мы шли к границе Страны вечного лета. Мы могли бы попасть туда мысленно, но, как сказал мне Альберт, напряжение от такого

внезапного перемещения могло бы причинить мне дискомфорт.

— Пойми меня, — повторил он, — молитва Йена не является прямым каналом к Энн. Она лишь направляет нас по нужному пути. Найти ее будет все так же трудно.

— Но возможно.

Он кивнул.

— Возможно.

«Снова молитва Йена», — подумал я, вспоминая, как он уже помог мне однажды.

— Такое ощущение, что он знает, — сказал Альберт. — Возможно, неосознанно, но это таится где-то у него внутри. На это я и надеялся. Когда я не услышал молитв ни от одного из других твоих детей — и не потому, что они меньше любят мать, а потому, что считают молитвы лицемерием, — я подумал, что все пропало, — и так бы и вышло, несмотря на твою решимость. Но потом я вошел в контакт с сознанием твоего младшего сына, и надежда воскресла.

— Сколько времени уйдет на ее поиски? — спросил я.

— Пойми, — мягко проговорил он. — Мы можем никогда ее не найти. Мы знаем лишь общее направление, а не поэтапный маршрут.

Я поборол в себе панику и кивнул.

— Понимаю, — сказал я. — Давай все же поспешим.

Альберт остановился. Мы проходили мимо большого, привлекательного на вид сада с высоким металлическим забором вокруг, что выглядело очень странно.

— Крис, зайдем сюда, — сказал Альберт. — Мне надо кое-что сказать тебе, прежде чем мы отправимся дальше.

Мне хотелось как можно быстрее идти вперед, а не останавливаться и слушать. Но настойчивость его голоса не оставляла мне выбора, так что я вошел вместе с ним в сад через железные ворота. Мы прошли мимо декоративного пруда, в котором, как я заметил, не было рыб. Берег пруда выглядел как-то неопрятно.

Я заметил также, что кустарники и растения здесь были скудными и хотя, безусловно, не казались безобразными, но были далеко не такими зелеными и сочными, как другие насаждения, виденные мною в Стране вечного лета. Трава тоже была местами вытоптана.

В дальнем конце парка неспешно прогуливались какие-то люди, некоторые сидели на скамейках. Здесь не носили мантий: все были

облачены в модную земную одежду. Но вид у этих людей был не очень дружелюбным, особенно из-за нарочитой важности на лицах. Чопорные и наигранно бесстрастные, они даже между собой не переговаривались.

Я уже собирался про них спросить, когда мы подошли к скамье, которую — и это меня удивило — не мешало бы покрасить. Альберт жестом пригласил меня сесть.

Я так и сделал, а он сел рядом со мной.

— Мы идем пешком к краю Страны вечного лета по двум причинам, — начал он. — Первая, как я уже говорил, — чтобы дать твоему организму постепенно приспособиться к довольно неприятным изменениям окружающей среды. Вторая — возможно, ты снова привык к ходьбе как средству передвижения. Покинув Страну вечного лета, мы окажемся под действием более грубой атмосферы и не сможем путешествовать мысленно.

Я взглянул на него с любопытством. Это то, ради чего он задержал меня?

— Более всего, — продолжал он, немедленно отвечая на мой вопрос, — хочу подчеркнуть чрезвычайную опасность, которой ты подвергнешься при перемещении в низших сферах. Тебя

сильно растревожило посещение похорон жены. Но это ничто по сравнению с тем, что ожидает тебя в скором времени. Будучи на похоронах, мы дистанцировались от влияний того уровня. В низшей сфере, для того чтобы функционировать, нам придется фактически взять на себя эти влияния. Я смогу в некоторой степени тебя защитить, но ты должен быть готов к атаке — любого низкого чувства, с которым ты расстался, вступая в Страну вечного лета. Ты также должен быть готов к самым ужасным зрелищам. Как я говорил, мы не знаем четкого пути к твоей жене. Возможно, он заведет нас в жуткие места. Хочу, чтобы ты сейчас это уразумел. Если чувствуешь, что не сможешь с этим совладать…

— Мне безразлично, куда нас заведет этот путь, — поспешно заявил я.

Альберт молча взглянул на меня, очевидно пытаясь понять, осознал ли я хоть немного смысл сказанных им слов.

— Отлично, — наконец молвил он. — Если считать, что у тебя хватит сил сопротивляться возможным препятствиям, предупреждаю тебя со всей серьезностью об опасностях, которые будут тебе угрожать, когда мы фактически разыщем Энн.

Признаюсь, я был сильно удивлен.

— Ее поиски таят в себе много пугающих опасностей, — принялся объяснять он, — но все это угрозы внешние. Если мы найдем Энн и ты попытаешься ей помочь, ты подвергнешься внутренней угрозе. Вернувшись на уровень примитивного развития, ты окажешься под его сильным влиянием. Понизив свою вибрацию до уровня земной, ты не сможешь больше ясно мыслить, и в твоем рассудке воцарится тот же хаос, с каким теперь постоянно живет твоя жена. В таком ослабленном состоянии не только твои усилия на ее счет могут оказаться тщетными, но и тебе самому может быть нанесен вред, и ты станешь таким же пленником этого уровня, как и она.

Положив руку мне на плечо, он крепко его сжал.

— Тогда ты потеряешь все, чего достиг, — предупредил Альберт. — Потеряешь не только Энн, но и себя.

На меня накатила волна тревоги, и я не смог ничего ответить.

— Можешь вернуться туда, где был, — предложил Альберт. — Честно говоря, это было бы большим облегчением для меня. Тогда тебе лишь

придется ждать ее двадцать четыре года, которые быстро для тебя пролетят. Продолжив же путь, ты можешь потерять ее на более долгое время.

Я закрыл глаза, чувствуя озноб и слабость. «Нельзя там ее оставлять, — думал я. — Я должен ей помочь». И все-таки я боялся — и не без основания, если принять во внимание сказанное Альбертом. Что, если у меня не хватит сил? Не лучше ли подождать двадцать четыре года, зная наверняка, что мы будем снова вместе? Разве это не намного предпочтительней, чем пытаться помочь Энн сейчас, рискуя потерять ее навсегда?

Внутри низшей сферы

— Джентльмены!

Я открыл глаза от звука мужского голоса. Перед скамьей, обращаясь к нам, стоял мужчина.

— Боюсь, вам придется уйти, — сказал он. — Это частная территория.

Я уставился на него. Частный сад в Стране вечного лета? Я заговорил, но Альберт меня перебил.

— Простите, — сказал он. — Мы не знали.

— Все в порядке, — откликнулся мужчина. Он был средних лет, одет изысканно и тщательно. — Если уйдете сразу же, — добавил он, — говорить больше ничего не придется.

— Прямо сейчас, — согласился Альберт, поднимаясь со скамейки.

Я с удивлением смотрел на него. Не похоже было на Альберта, чтобы он покорно позволил прогнать нас. Я встал и снова заговорил, но Альберт, взяв меня за руку, прошептал:

— Не обращай внимания.

Пока мы шли к воротам, человек смотрел на нас вежливо, но отстраненно.

— В чем дело? — спросил я.

— Спорить с ним бесполезно, — объяснил Альберт. — Он бы не понял. Эти люди находятся здесь в странном положении. При жизни они фактически не причинили никому вреда и здесь тоже безвредны — отсюда относительная комфортность их существования. С другой стороны, пробить броню их претенциозности невозможно. Их существование ограничено определенными рамками, но они считают его весьма подходящим для своего класса. Понимаешь, они полагают, что находятся в «фешенебельном» месте, предназначенном только для людей с их социальным положением. Они не имеют представления о том, что в Стране вечного лета не существует партий и группировок. Они живут с иллюзией собственного превосходства, которую словами не разрушить.

Когда мы выходили из сада, я покачал головой:

— Абсурд.

— Это ничто по сравнению с тем, что ты увидишь, если мы пойдем дальше.

Некоторое время мы шли молча. Но я почему-то чувствовал, что мы не двигаемся к краю Страны вечного лета, а кружим на месте. Похоже, Альберт давал мне передышку, чтобы я принял решение.

Наконец я его принял.

— Поскольку есть риск для меня, а не для Энн, — сказал я, — я намерен идти дальше. Ей можно и нужно помочь.

— Не считая того, — напомнил он мне, — что, если ты станешь пленником эфирного мира, ваше воссоединение может быть отложено на…

Он замолчал, и я понял, что он собирался сказать мне, на какой срок может быть отложена наша встреча. Сто лет? Тысяча? Меня снова охватил страх. Не совершаю ли я глупость? Может быть, двадцать четыре года ожидания предпочтительнее, чем…

Я принял решение в тот момент, когда представил себе, что Энн почти на четверть века останется одна в бог знает каком ужасном месте. Я не мог этого допустить, не попытавшись помочь.

Не мог и не хотел.

— Хорошо, — молвил Альберт, сразу же догадавшись о моем решении. — Тогда отправляемся. Я восхищаюсь твоей преданностью, Крис. Вряд ли ты понимаешь это до конца, но то, что ты собираешься сделать, требует большого мужества.

Я не ответил, но, пока мы шли, догадался, что мы незаметно изменили направление и сно-

ва движемся к краю Страны вечного лета.

Впереди я увидел небольшую церковь. Как и парк, она не была лишена привлекательности, но ей недоставало того совершенства, каким было отмечено все, виденное мною здесь до сих пор. Кирпичные стены грязно-коричневого цвета, выщербленные и поблекшие. По мере того как мы подходили, я начал различать пение прихожан. «Изнуренный земным путем и страдающий от грехов, смотрю на небеса и жажду там оказаться».

Я в изумлении посмотрел на Альберта.

— Но они и так здесь, — сказал я.

— Они этого не знают, — ответил он. — Поэтому проводят время, распевая тоскливые гимны и слушая нудные проповеди.

Я почувствовал, как меня опять наполняет тревога. Если такое возможно в самой Стране вечного лета, чего же следует ожидать, когда мы окончательно покинем эту сферу?

Альберт остановился.

Мы оказались перед полоской кремнистой почвы с клочками сухой и чахлой травы.

— Теперь нам лучше переодеться, — сказал он. — И надеть ботинки.

Я собирался спросить его зачем, потом понял,

что он не предложил бы, не будь в этом необходимости. Тогда я сосредоточился на переодевании. Казалось, здесь чувствительность моей кожи ослабла, так что процесс прошел практически незаметно. Оглядев себя, я вздрогнул, увидев, что снова одет так, как в ночь дорожной аварии.

Я обратил взор на Альберта. На нем были синие рубашка и брюки, а также бежевый пиджак.

— Одежда, которая была на мне, когда меня отвезли в больницу, — пояснил он.

Лицо мое скривилось.

— А дальше будет все в том же духе? — с тревогой спросил я.

Даже воздух здесь был какой-то странный, он неприятно щекотал горло.

— Нам придется начинать приспосабливаться к изменениям в окружающей среде, — предупредил Альберт. — Представь себя в таком виде, в каком сможешь существовать здесь, не испытывая дискомфорта.

Я попробовал, и у меня появилось ощущение, что я начинаю толстеть. Ощущение было едва уловимым, но отчетливым. Текстура моего тела приобрела определенную плотность, и теперь воздух можно было вдыхать. Но, в отличие от прежнего, кристально чистого и живительно-

го, этот тяжелый воздух лишь поддерживал мое существование, не более того.

Пока мы шли, я осматривал сельскую местность — если можно было так назвать то, что я видел. Вместо плодородных земель — бесплодная почва, чахлая трава, низкорослые деревья, фактически лишенные листвы, никаких признаков воды. И никаких домов, что было неудивительно. Кто стал бы здесь жить по своей воле?

— Ты увидишь тех, кто — добровольно — обитает в таких устрашающих местах, по сравнению с которыми это — просто райский уголок, — молвил Альберт.

Я постарался скрыть смятение.

— Ты пытаешься меня отговорить?

— Подготовить тебя, — поправил меня Альберт. — Не важно, что я скажу, — ты вряд ли сможешь вообразить то, что тебе, возможно, придется увидеть.

И снова я собирался задать ему вопрос, и снова решил этого не делать. Он это понял. Лучше было не тратить энергию на оспаривание его слов. Силы нужны для предстоящих испытаний.

А прямо перед нами лежало пустынное пространство, напоминающее прерию. Дерна становилось все меньше, и он делался менее упругим.

Скоро я заметил появившиеся в земле трещины с рваными краями. Теперь ветер утих. Воздух был неподвижным и тяжелым, становясь все холоднее по мере нашего продвижения вперед. Или это было продвижение назад?

— Мне опять кажется, что меркнет свет? — спросил я.

— Нет, — тихо ответил Альберт. Мне казалось, голос его меняется, как и вид этой местности, становясь все более тихим и отчужденным. — Правда, меркнет он не для того, чтобы дать тебе отдохнуть. Это происходит потому, что мы уже почти достигли низшего уровня — так называемой темной сферы.

Впереди показался человек. Он стоял, безучастно наблюдая, как мы приближаемся. Я подумал, что он один из тех, кто по какой-то непонятной причине здесь поселился.

Я ошибся.

— Здесь начинается низшая сфера, — сообщил он нам. — Это место не для любопытных.

— Я пришел, чтобы кое-кому помочь, — сказал я.

Человек посмотрел на Альберта, а тот кивнул со словами:

— Это правда.

— Значит, вы не просто любопытствующие. — В тоне его звучало непонятное предостережение.

— Да, — подтвердил Альберт. — Мы разыскиваем жену этого мужчины, чтобы попытаться ей помочь.

Человек кивнул и положил ладони на наши плечи.

— Тогда с богом, — молвил он. — И будьте все время начеку. Действуйте осознанно.

Альберт снова кивнул, и человек снял ладони с наших плеч.

В ту самую секунду, как мы пересекли границу, я ощутил дискомфорт, подавленность; меня переполняло непреодолимое желание повернуться и умчаться назад в безопасное место. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не поддаться панике.

— Скажи мне, если захочешь вернуться, — промолвил Альберт.

Уловил ли он мою мысль, или просто было очевидно, о чем я думал в тот момент?

— Хорошо, — сказал я.

— Не важно, когда это почувствуешь, — добавил он.

Тогда я понял, что он больше не имеет доступа к моему сознанию.

— Теперь нам придется говорить вслух, верно? — спросил я.

— Да, — подтвердил он.

Меня сбивало с толку то, что я видел, как его губы снова шевелятся. Почему-то эта вещь больше, чем что-либо другое из увиденного, убедила меня в том, что мы находимся в низшей сфере.

Что же я увидел? Почти ничего, Роберт. Мы шли по бесцветному пространству, в котором тусклое небо смешивалось с землей, и уже начинало казаться, что мы с трудом тащимся по серому континууму.

— Здесь совсем нет ландшафта? — спросил я.

— Ничего постоянного, — ответил Альберт. — Что бы ты ни увидел — дерево, куст, скалу, — это лишь мысленная форма, созданная кем-то из обитателей этого уровня. Ландшафт в целом представляет собой составной ментальный образ его обитателей.

— Это и есть их составной ментальный образ? — спросил я.

Беззвучный, бесцветный, безжизненный.

— Да, — ответил он.

— И ты здесь работаешь?

Меня поразило то, что человек, имеющий право выбора, согласился работать в этом непри-

влекательном месте.

— Ничего страшного. — Вот все, что он сказал.

Я не ошибся в своих наблюдениях. Голос Альберта звучал тише, чем в Стране вечного лета. Безжизненность этого места явно влияла даже на речь. Мне стало интересно, как звучит мой голос.

— Холодает, — заметил я.

— Представь, что тебя окружает тепло, — посоветовал Альберт.

Я попробовал и почувствовал, что постепенно становится теплее.

— Ну как, лучше? — спросил Альберт.

Я с ним согласился.

— Но помни, — сказал он мне, — по мере нашего продвижения вперед с твоей стороны потребуется более глубокая концентрация для приспособления к воздействиям окружающей среды. Концентрация, которой тебе будет все сложнее достигать.

Я осмотрелся по сторонам, заметив новое неудобство.

— А теперь темнеет.

— Представь вокруг себя свет, — снова посоветовал Альберт.

«Представить свет?» Я удивился, но попробо-

вал, хотя не понимал, как это поможет.

Тем не менее помогло. Потихоньку окружающие нас тени начали светлеть.

— Как это действует? — спросил я.

— Свет здесь получается исключительно при воздействии мысли на атмосферу, — объяснил Альберт. — «Да будет свет» — более чем просто фраза. Те, кто прибывает в эту сферу в неразвитом состоянии, буквально оказываются «в темноте», поскольку их рассудок недостаточно силен, чтобы дать свет, который позволил бы им прозреть.

— Именно поэтому они не могут подняться выше? — спросил я, с тревогой думая об Энн. — Потому что они, по сути дела, не различают пути?

— Это лишь часть проблемы, — заметил он. — Но даже если они видят глазами, их организмы в целом не смогут выжить в высших сферах. К примеру, воздух был бы для них настолько разреженным, что сделал бы дыхание болезненным, если вообще возможным.

Я оглядел бесконечную промозглую местность.

— Ее можно было бы назвать Страной вечной зимы, — сказал я, удрученный этой картиной.

— Пожалуй, — согласился мой провожатый. —

Правда, на Земле ассоциации с зимой часто бывают приятными. Здесь же ничто не радует.

— Твоя работа здесь… приносит плоды? — спросил я.

Он вздохнул, и, взглянув на него при вечернем освещении, я увидел на его лице выражение меланхолии, чего раньше никогда не замечал.

— Ты из личного опыта знаешь, как трудно заставить людей на Земле поверить в жизнь после смерти, — сказал он. — Здесь это гораздо труднее. Я обычно встречаю такой же прием, как наивный церковнослужитель в самом отвратительном гетто, — мои слова вызывают язвительный смех, грубые шутки, всевозможные оскорбления. Несложно понять, почему многие из обитателей этой сферы проводят здесь века.

Я посмотрел на Альберта с таким смятением, что на его лице отразилось удивление, потом, когда он осознал сказанное им, удивление сменилось раскаянием. Даже он утратил здесь проницательность.

— Извини, Крис, — сказал он. — Я не имел в виду, что Энн пробудет здесь так долго. Я же сказал тебе, сколько времени.

Он снова вздохнул.

— Теперь понимаешь, что я подразумевал,

говоря, что здешняя атмосфера влияет на мышление человека. Несмотря на свою веру, я все же не уберег свои убеждения от ее влияния. Главная истина все-таки в том, что каждая душа в конечном счете воспарит. Ни разу не слыхал, чтобы какой-то дух остался здесь навсегда, каким бы дурным он ни был. А твоя Энн далека от всего дурного. Все, что я хотел сказать, — это то, что существуют заблудшие души, пребывающие в этой сфере такое время, которое — по крайней мере, для них — равнозначно бесконечности.

Он замолчал, а я не стал продолжать тему. Мне не хотелось думать о том, что Энн задержится здесь надолго или что я сам могу стать пленником низшей сферы.

Доступ к мрачным мыслям

В воздухе появился какой-то запах, в котором можно было признать только смрад разложения.

Впереди показались разбросанные в беспорядке лачуги. Можно было бы назвать это деревней, если б в расположении этих домишек была хоть какая-то система.

— Что это за место? — спросил я.

— Место сбора для сходных по натуре, — сказал Альберт.

— Ее здесь… — хотел было я спросить, не в силах озвучить эту чересчур пугающую мысль.

— Думаю, нет, — ответил Альберт.

Я уже собирался сказать «слава богу», когда мне пришло на ум, что Энн может оказаться в месте, худшем, чем это. Я пытался отогнать от себя тягостную мысль, но был не в силах полностью от нее отделаться. Понимал, что это несправедливо по отношению к Энн, но ничего не мог с собой поделать, ощущая пагубное влияние низшей сферы на рассудок.

Приближаясь к бессистемному скоплению хибарок, мы не услышали оттуда ни звука. Было слышно лишь шарканье наших подошв по серой

кремнистой земле.

Справа, в отдалении, я увидел несколько бесцельно бродящих людей, другие стояли без движения. Все они были одеты в поношенную одежду. «Кто они такие? — недоумевал я. — Что они совершили — или не смогли совершить, — из-за чего оказались здесь?»

Мы прошли в нескольких ярдах от группы из нескольких мужчин и женщин. Хотя Альберт и говорил, что Энн здесь нет, я поймал себя на том, что всматриваюсь в женщин. Пока мы проходили мимо, ни один из людей не взглянул в нашу сторону.

— Они нас не видят? — спросил я.

— Мы им неинтересны, — ответил Альберт. — Они поглощены собственными заботами.

Я увидел, что некоторые люди сидят на валунах. Странно было думать, что эти валуны созданы их воображением. Мужчины и женщины сидели, опустив головы, безвольно свесив руки и уставившись в землю — застыв в своем одиночестве. Я понимал, что, если только они не глухие, они нас слышат, но ни один не подал виду, что замечает наше присутствие.

И снова я поймал себя на том, что смотрю на женщин. «Не смей, — приказал я себе. —

Ее здесь нет». «Но Альберт этого не говорил, — тут же последовала отрезвляющая мысль. — Он сказал, что не знает». Я вглядывался все пристальнее.

Теперь мы подошли настолько близко к нескольким людям, что, несмотря на сумрак, я смог различить их черты.

От этого зрелища у меня перехватило дыхание.

— Привыкай, — промолвил Альберт, — увидишь и похуже.

Его тон показался мне почти резким, и я бросил на него взгляд, с тревогой спрашивая себя, не действует ли на него это место. Если уж он не может противостоять здешней атмосфере, то на что надеяться мне?

Я с содроганием вновь посмотрел на этих людей. Энн там быть не могло, не могло.

Черты лиц мужчин и женщин были увеличены, как у акромегалов, — не человеческие лица, а раздутые карикатуры на них.

Несмотря на принятое решение, я напряженно всматривался в женщин. Неужели это бесформенное лицо принадлежит Энн?

Я отбросил от себя эту мысль. Ее там нет!

— Ее ведь там нет, правда? — взмолился я мгновение спустя, чувствуя, что начинаю сомне-

ваться.

— Правда, — пробормотал он, и я с облегчением вздохнул.

Мы прошли мимо лежащего на земле молодого человека в изорванной и сильно испачканной одежде. Сначала я подумал, что он смотрит на нас, но потом по выражению его глаз понял, что он поглощен собственными мыслями. В его застывшем взгляде читалась горестная подавленность.

При взгляде на его потерянный вид у меня комок застрял в горле. Казалось, зловонный воздух стекает по моей глотке, как холодный клей.

— Почему у них такой вид? — спросил я, подавленный этим зрелищем.

— Наружность человека ухудшается вместе с деградацией ума, — ответил Альберт. — На Земле происходит то же самое: лица людей меняются со временем в зависимости от поступков и мыслей. Здесь же только логическое — пусть и ужасное — продолжение этого процесса.

— Все такие мрачные на вид, — сказал я.

— Мрачные, потому что они озабочены собой, — откликнулся Альберт.

— Они были — и остаются — такими плохими? — спросил я.

Прежде чем ответить на мой вопрос, он помедлил. Наконец молвил:

— Постарайся понять, Крис, когда я говорю, что это пустяки по сравнению с тем, что ждет нас впереди. Люди, которых ты здесь видишь, могут и не быть повинны в грехах, так или иначе вселяющих ужас. Даже небольшое прегрешение приобретает мрачную окраску, когда человек окружен совершившими подобные прегрешения. Каждый человек умножает и усугубляет промахи других. Беда беду накликает, как говорят на Земле. Понимаешь, здесь нет равновесия. Все только отрицательное, и вдохновение со знаком минус замыкается само на себя, создавая все больший беспорядок. Это уровень крайностей — а крайности даже меньшего свойства могут создать неблагоприятную среду обитания. Ты видишь ауры живущих здесь?

Поначалу я не замечал их в скудном свете, но после вопроса Альберта заметил. Все они состояли из тусклых оттенков серого и коричневого: унылые, мутные цвета.

— Так все эти люди одинаковы, — догадался я.

— В основном, — откликнулся Альберт. — Что является одним из проклятий этой сферы. Здесь не может быть взаимопонимания между

людьми, потому что, по существу, они все похожи и не могут обрести дружеских отношений, а сталкиваются лишь с зеркальным отражением собственных недостатков.

Альберт резко повернулся направо. Я посмотрел в том направлении и заметил промелькнувшую и пропавшую за хибаркой неуклюжую фигуру прихрамывающего мужчины.

— Марк! — закричал Альберт.

Я ошарашенно посмотрел на своего провожатого. Он знает этого человека?

Альберт тяжело вздохнул, а мужчина так и не показался.

— Теперь он всегда от меня убегает, — печально проговорил Альберт.

— Ты его знаешь?

— Я уже давно с ним работаю, — ответил он. — Бывали времена, когда я считал, что почти достиг цели, убедил его в том, что он здесь не пленник, а сам довел себя до такого состояния. — Альберт покачал головой. — Но он все-таки не хочет этому поверить.

— Кто он?

— Бизнесмен, — ответил он. — Человек, при жизни озабоченный лишь обогащением. Он почти совсем не общался с семьей и друзьями.

День и ночь, семь дней в неделю, пятьдесят две недели в году он думал лишь о прибыли. И все же он считает себя обманутым. Он думает, что достоин награды за сделанное. Его неизменный довод: «Я чертовски много работал». Что бы я ему ни говорил, он это повторяет. Как будто полная погруженность в добывание прибыли — это само по себе оправдание. Как будто у него не было ответственности по отношению к окружающим. Редкие пожертвования на цели благотворительности убедили его в собственной щедрости. Помнишь Марли[6] с цепями? — спросил Альберт. — Напрашивается аналогия. Марк тоже отягощен цепями. Он их просто не видит.

Посмотрев налево, я в тревоге остановился, ибо увидел женщину, сильно напоминающую Энн, и, в полной уверенности, что это она, устремился к ней.

Альберт меня удержал.

— Это не Энн, — сказал он.

— Но…

Я попытался вырваться из его рук.

— Не позволяй, чтобы желание увидеть Энн

---

[6] Сноски: 6

Джейкоб Марли — призрак из «Рождественских повестей» Ч. Диккенса — носит цепи, которыми, по его выражению, сковал себя при жизни.

заставляло тебя видеть ее там, где ее вовсе нет, — предостерег он.

Я с удивлением посмотрел на него, потом стал снова поворачиваться к женщине. «Она действительно похожа на Энн», — говорил я себе.

Я уставился на нее. На самом деле сходства было мало. Прищурившись, я вгляделся пристальней. Ни разу в жизни не было у меня галлюцинаций. А теперь вот появились?

Я продолжал вглядываться в женщину. Она, ссутулившись, сидела на земле. С головы до ног ее покрывала паутинка из тонких черных нитей. Не двигаясь, смотрела она в пустоту безжизненным взором. Я вспомнил недавнюю картину. Как и тот молодой человек, она всматривалась в себя, во мрак своего рассудка.

— Разве не может она порвать эти нити? — спросил я.

— С малейшим усилием, — ответил Альберт. — Дело в том, что она в это не верит, а сознание — все. Уверен, ее жизнь на Земле должна была состоять из всепоглощающего разочарования и жалости к себе. Здесь это ощущение усилилось до крайности.

— Мне показалось, она похожа на Энн, — смущенно произнес я.

— Помни, что сказал тот человек, — напомнил Альберт. — Все время быть начеку.

Уходя прочь, я вновь взглянул на женщину. Она была совсем не похожа на Энн. И все-таки ее вид меня озадачил. Пребывала ли Энн в подобном состоянии, запертая в месте вроде этого? Мысль о таком ужасе была невыносима.

Пока мы продолжали путь через нелепую безмолвную деревню, мимо молчаливых и несчастных жителей, я почувствовал усталость, вызвавшую во мне воспоминание о том невыразимом утомлении, которое навалилось на меня сразу после смерти. Совершенно обессиленный, я поймал себя на том, что при ходьбе начинаю сгибаться, становясь похожим на некоторых здешних обитателей.

Взяв за руку, Альберт постарался меня распрямить.

— Не позволяй себя в это втянуть, или мы никогда не доберемся до Энн, — предостерег он. — Мы ведь только начали.

Я заставил себя идти прямо, сконцентрировавшись на сопротивлении усталости. Это тотчас же помогло.

— Действовать осознанно, — повторил Альберт слова того человека.

— Извини, — сказал я.

На меня нахлынула волна уныния. Альберт был прав. Мы только начали наш путь. Если я уже проявил слабость, как же я надеюсь добраться до…

— Ты снова сутулишься, — предупредил Альберт.

«Боже правый», — подумал я. Все происходило так быстро; на меня действовала даже мимолетная мысль. «Но я буду сопротивляться, — поклялся я себе. — Не поддамся темным обольщениям этой сферы».

— Коварное место, — пробормотал я.

— Если ты позволишь ему быть таким, — откликнулся Альберт.

«Слова, — подумал я. — Нужно разговаривать». Тишина была моим врагом — негативные мысли.

— Что это за нити вокруг той женщины? — спросил я.

— Разум похож на вращающееся колесо, — пояснил Альберт. — При жизни он постоянно плетет паутину, которая со дня нашего ухода обвивает нас на радость и горе. В случае с той женщиной паутиной стали силки эгоистичных устремлений. Она не может…

Я не расслышал последние его слова, потому что мой взор был прикован к группе людей, скорчившихся вокруг чего-то, что я не мог разглядеть.

Сидя к нам спинами, они быстро подносили что-то ко рту. У всех был раздувшийся вид.

Услышав издаваемые ими звуки — хрюканье, рычание, сопение, — я спросил Альберта, что они делают.

— Едят, — ответил Альберт. — Точнее, жрут.

— Но если у них нет тел…

— Они, разумеется, никогда не насытятся, — подтвердил он мою догадку. — Они делают это по памяти, лишь веря в то, что едят. С таким же успехом они могли бы быть пьяницами, поглощающими несуществующее спиртное.

Я отвернулся от жуткого зрелища. Эти люди, Роберт, напоминали каких-то монстров, пожирающих добычу. «Ненавижу это место», — подумал я.

— Крис, держись прямо, — напомнил Альберт.

Я чуть не застонал. Вспышка ненависти оказалась настолько сильной, что едва не согнула меня пополам. Я все больше и больше начинал ценить слова того человека. Действуйте осознанно.

Теперь слева от нас я увидел высокое серое

строение, напоминающее ветхий склад. Его массивные двери были открыты, и, заметив внутри сотни движущихся людей, я устремился в том направлении. Может быть, Энн…

Мне пришлось остановиться, ибо исходящие от строения вибрации воздействовали на меня так сильно, что я задохнулся, как от удара в солнечное сплетение.

Я смотрел на движущиеся под сумрачными сводами фигуры в свободно болтающейся одежде; лица людей были бледными и одутловатыми. Каждый шел с опущенной головой, не замечая никого вокруг, налетая на прочих и совершенно не реагируя на столкновения. Не понимаю, как я это узнал, но их мысли были мне открыты, и они сосредоточились на одном: «Мы здесь навсегда, и надежды для нас нет».

— Это неправда, — сказал я.

Ради Энн я не вправе был позволить себе поверить в это.

— Это правда, пока они в это верят, — сказал Альберт.

Я отвернулся, чтобы не видеть этих людей. «Это, должно быть, ад, — подумал я, — бесконечный и мрачный, то место, где…»

— Крис!

— О господи, — пробормотал я в испуге.

Я снова сгорбился, движения стали по-стариковски замедленными. Неужели я так и не смогу противиться пагубному влиянию этой сферы? Неужели не осталось надежды, что я…

— Крис! — Альберт остановился и распрямил мои плечи. Крепко держа меня за руки, он заглянул мне в глаза, и я почувствовал, как мое тело пронизывает поток живительной энергии. — Ты должен быть начеку, — напомнил он.

— Мне жаль, — пробубнил я.

«Нет, не хнычь, не жалей, а будь сильным!» — приказал я себе.

Пока мы продвигались через тусклый свет, оставляя позади жалкие лачуги, я старался сконцентрироваться на сопротивлении.

Это место не было безмолвным.

Приблизившись, мы услышали, как рассерженные голоса людей становятся все громче; интонации спорщиков были резкими, мстительными.

Скоро я их увидел.

Они не трогали друг друга, а общались лишь посредством слов: злобных, жестоких, оскорбительных. Прямо над людьми висела плотная дымка, в которой смешались их мрачные ауры.

Между ними мелькали страшные красные вспышки ярости.

Альберт предупредил меня, что мы приближаемся к области, где собираются вместе злобные духи. Этот отсек наименьший из всех, сказал он, пока мы шли. Здесь насилие, по крайней мере, ограничивалось словесными оскорблениями.

— Это то место, в котором ты бывал прежде? — спросил я.

Чтобы меня услышали, мне приходилось говорить громко.

— Одно из нескольких, — ответил он.

Пока мы обходили группы спорящих людей, я чувствовал направленные на нас злобные выпады. Здешние обитатели даже не знали, кто мы такие, но все же люто нас ненавидели.

— Они могут причинить нам вред? — с тревогой спросил я.

— Нет, если мы не станем реагировать на их злобу, — ответил Альберт. — Они скорее могут причинить вред живым людям, не знающим об их существовании. К счастью, их массовое сознание редко бывает сфокусированным. Если это случается, то об этом узнают сильные интеллекты наверху и рассеивают их энергию, чтобы она не могла причинить вред невинным на Земле.

Разумеется, есть на Земле индивидуумы, природа которых восприимчива к подобным мыслям и которые обеспечивают им доступ. Помочь им невозможно. В этом ловушка свободной воли. Любому мужчине и любой женщине открывается доступ к мрачным мыслям.

На дне ада

Чем дальше мы шли, тем более подавленным и нервным я становился. Меня переполняло какое-то болезненное беспокойство. Что-то сковывало мои движения, и я задыхался, словно эта атмосфера физически давила на меня. Воздух в легких казался мерзким, нечистым и густым, как слизь.

— Тебе надо снова настроить свой организм, — сказал Альберт.

И опять — я уже проделывал это пять раз или, может быть, шесть? — я представил себе, как должен буду функционировать в этих новых условиях. Не комфортное функционирование — такой подход был уже давно не пригоден для моего организма. Все, на что я мог в тот момент рассчитывать, — это выживание.

Я снова ощутил, как тело мое становится плотным. Точно так, как было бы на Земле, будь я жив, моя плоть загустела и приобрела вес, кости уплотнились и затвердели.

— Настрой также рассудок, — сказал Альберт. — Скоро увидишь худшее из всего.

Я глубоко вздохнул, скривившись от вкуса и за-

паха зловонного воздуха.

— Это и правда помогает? — спросил я.

— Будь другой путь ее найти, не сомневайся, мы бы им воспользовались, — ответил Альберт.

— Мы хоть немного к ней приблизились?

— Да, — сказал он, — и нет.

Я с досадой повернулся к нему:

— А что это означает?

Под его пристальным взглядом мне пришлось умерить свой гнев. Это получилось не сразу, но я все-таки взял себя в руки.

— Мы к ней приблизились? — опять спросил я.

— Мы движемся в правильном направлении, — ответил он. — Просто пока мне не удалось определить ее местоположение.

Остановившись, он взглянул на меня.

— Извини, что не могу лучше объяснить. Могу сказать, что это помогает — да. Верь мне, пожалуйста.

Я кивнул, в свой черед посмотрев на него.

— Скажи, если захочешь вернуться, — предупредил он.

— Вернуться?

— Позволь мне ее поискать…

— Я хочу ее найти, Альберт. Сейчас же.

— Крис, тебе следует…

Я в гневе отвернулся от него, потом быстро взглянул снова. Он ведь лишь предупреждал меня. Новый приступ моего нетерпения был знаком того, что окружение снова на меня действует.

Я начал извиняться, потом почувствовал, что мной опять овладевает ярость. Я едва не накинулся на своего спутника. Но тут луч разума пронизал мое негодующее сознание, и я снова понял, что Альберт лишь пытается мне помочь. Кто я такой, чтобы спорить с человеком, приходившим в это ужасное место с желанием помочь другим? Что, ради бога, со мной происходит?

Мои эмоции вновь поменялись на противоположные. Я еще раз превратился в безутешное существо, удрученное своей неспособностью…

— Крис, ты опять сутулишься, — сказал Альберт. — Сконцентрируйся на чем-нибудь позитивном.

Вспышка тревоги. Я заставил свое затуманенное сознание вспомнить о Стране вечного лета. Альберт — мой друг. Он ведет меня на поиски Энн; его единственное побуждение — любовь.

— Уже лучше. — Альберт сжал мою руку. — Держись за эти мысли во что бы то ни стало.

— Попытаюсь, — пообещал я. — Извини за промах.

— Здесь нелегко помнить, — сказал он. — И слишком просто забыть.

Даже эти слова, сказанные для разъяснения, как магнитом потянули меня вниз. И снова я подумал о Стране вечного лета, потом об Энн и о моей любви к ней. Это помогло.

Я решил, что сконцентрируюсь на Энн.

Теперь по мере нашего продвижения свет начал меркнуть. Несмотря на то что я сосредоточился на области света вокруг себя, ореол, казалось, сжимался, словно на него давило что-то извне. Свет Альберта был интенсивней, но даже и он вскоре стал не ярче пламени гаснущей свечи. Мне казалось, я чувствую, как воздух постепенно густеет. Возможно, мы шли по дну глубокого темного моря. Нигде вокруг не было видно ни людей, ни строений. Только скалы, глыбы которых зубчатой линией вырисовывались впереди.

Несколько минут спустя мы дошли до края кратера.

Наклонившись вперед, я заглянул вниз, в его черноту, и сразу же резко отпрянул, ощутив снизу дуновение чего-то ядовитого и зловещего.

— Что это? — пробормотал я.

— Если из всех мест, что я посетил, и есть такое,

что заслуживает название «ад», то это оно, — ответил Альберт.

Я впервые услышал в его голосе опасение, и это увеличило мои страхи. Если это место пугает даже его…

— Правда, нам придется туда идти, — добавил он.

Не совсем понятно было, говорит он это мне или настраивает себя перед столь тяжелым испытанием.

Я прерывисто вздохнул.

— Альберт, ее ведь там нет? — с мольбой спросил я.

— Не знаю, — ответил он. У него был сумрачный вид. — Знаю только, что, если мы хотим ее найти, нам придется туда спуститься.

Содрогнувшись, я закрыл глаза и постарался вспомнить Страну вечного лета. К своему ужасу, я понял, что не в состоянии этого сделать. Я силился вызвать в воображении берег озера, на котором стоял, тот бесподобный пейзаж…

Мысль пропала. Я открыл глаза и уставился на широкий темный кратер.

Окружность его составляла несколько миль; стены были крутыми и обрывистыми. Все, что я смог различить на дне — а это было все равно что

пытаться рассмотреть какие-то мелочи в долине под покровом ночи, — огромные, разбросанные повсюду каменные скалы, словно здесь в минувшие эпохи сошла катастрофическая лавина. Мне показалось, я различил отверстия, но не был в этом уверен. «Существуют ли в этих скалах туннели?» — с содроганием подумал я, стараясь не дать разыграться собственному воображению и прогоняя от себя мысли о существах, которые могли обитать в этих туннелях.

— Нам придется туда идти? — спросил я.

Заранее зная ответ, я тем не менее услышал собственный запинающийся голос, исполненный ужаса.

— Крис, давай вернемся, — сказал Альберт. — Дай я посмотрю сам.

— Нет.

Я взял себя в руки. Я любил Энн и собирался ей помочь. Что бы ни таилось в глубинах ада, меня это не могло остановить.

Альберт взглянул на меня, и я тоже посмотрел на него. Внешность его изменилась. Он стал таким, каким я помнил его в земной жизни. В этом месте ничто не могло быть совершенным, и его лицо приобрело тот вид, какой запомнился мне с юности. Он всегда казался немного бледным,

болезненным. И в тот момент он тоже так выглядел — как, несомненно, и я.

Я мог лишь молиться о том, чтобы под этой бледностью скрывалась прежняя твердость и решительность человека, которого я встретил в Стране вечного лета.

Мы стали спускаться по неровной скалистой расщелине. Из-за темноты почти ничего нельзя было разглядеть, но я чувствовал на скалах какую-то слизь, студенистое вещество, источавшее запах гниения. Время от времени по моим рукам ползали, пугая меня, какие-то мелкие твари. Стоило мне дернуть пальцем, как эти существа быстро исчезали в трещинах. Стиснув зубы, я заставлял себя сконцентрироваться на мысли об Энн. Я люблю ее, и я здесь, чтобы ей помочь. Ничто не может это пересилить. Ничто.

Пока мы спускались, начало казаться, что воздух становится — как это описать? — более материальным. Было такое ощущение, словно мы проталкиваемся через некую невидимую, вязкую, зловонную жидкость. Теперь настройка заняла несколько секунд. Мы стали частью окружающей среды, и наши организмы автоматически к ней приспосабливались.

— Ты действительно здесь был? — спросил я.

Мне не хватало дыхания. Я подумал, что мы, возможно, живые — настолько полным было ощущение телесных функций.

— И не один раз, — ответил Альберт.

— Я бы не смог.

— Кто-то ведь должен помочь, — сказал он. — Сами они не могут себе помочь.

«Они», — подумал я. Мое тело содрогнулось в конвульсии. Как же они выглядят, обитатели этой жуткой ямы? Я надеялся, что мне не доведется узнать это. Я молился о том, чтобы Альберт — с внезапным прозрением — в точности узнал, где Энн, и привел меня туда, подальше от этого отвратительного места. Я не мог больше выносить…

«Нет», — остановил я себя. Я не должен так думать. Я смогу вынести что угодно, чтобы найти Энн.

Низшая сфера. Вряд ли мне удастся дать адекватное описание этого места. Все слишком страшно. Нет света, а лишь чернота необозримой ночи. Нет растений. Ничего, кроме холодного камня. Омерзительный, невыносимый, непрекращающийся запах. Атмосфера, заставляющая самого выносливого мужчину чувствовать себя больным и беспомощным.

Теперь мы полностью были погружены в темноту. Чтобы не дать угаснуть слабому свечению, мне приходилось тратить все силы на концентрацию. Я уже не видел собственных кистей рук. «Должно быть, это похоже на спелеологию», — пришло мне на ум. По мере того как мы опускались все ниже, темнота сильнее давила на мою плоть. Я подумал, что, может быть, безопаснее идти совсем без света. Чтобы нас не заметили эти…

При этой мысли меня накрыла полная темнота, и я задохнулся от страха.

— Альберт! — прошептал я.

— Представь себе свет, — быстро проговорил он.

Уцепившись за холодную поверхность скалы, я постарался это сделать, напрягая мозг в попытке создать образ света. Я мысленно чиркал спичкой, никак не желавшей загораться. Снова и снова проводил я головкой спички по каменистой поверхности, но единственное, что у меня получалось, — это образ почти незаметной случайной вспышки на отдалении.

Я попробовал представить у себя в руке факел, фонарь, свечу. Ничего не выходило. Темнота все сгущалась, и я начал паниковать.

Вдруг я почувствовал, как Альберт сжимает мое плечо.

— Свет, — молвил он.

Я испытал облегчение, когда вокруг моей головы засиял свет в виде бледной короны. Я оживился от вновь обретенной уверенности, увидев свет и, более того, поняв, что Альберт по-прежнему способен возвращать мне силы.

— Хорошенько это запомни, — сказал он. — Не существует во Вселенной темноты, сравнимой с темнотой низшей сферы. Ты не хочешь лишиться здесь света.

В приливе благодарности я стиснул правой рукой его плечо. В тот же миг по моей левой руке пробежала какая-то холодная тварь с множеством ног, и я отдернул руку от стены, лишь в последний момент вспомнив, что надо было сдержаться. Схватившись правой рукой за скалу, я закрыл глаза. Немного погодя я промямлил:

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, — ответил Альберт.

Продолжая спускаться, я подумал, что случилось бы, если бы я упал. Умереть я не мог. И все же это было слабым утешением. В аду смерть — наименьшая из опасностей.

Теперь вязкий воздух начал остывать, распол-

заясь по коже липкой влагой. «Представь себе тепло», — говорил я себе. Я силился вообразить воздух Страны вечного лета, ощутить на коже его тепло.

Это немного помогло. Но вонь становилась все сильней. Что она мне напоминала? Поначалу я не мог сообразить, спускаясь все ниже и ниже. Мы когда-нибудь доберемся до дна?

Потом все-таки вспомнил. Летний вечер. Мэри возвращается с прогулки верхом на Кит. Я почувствовал этот запах как раз перед тем, как она начала вытирать взмыленную шкуру Кит. Я до боли стиснул зубы. «Запах ада — это запах вспотевшей лошади», — подумал я. Это то самое место, которое описал Данте в своих ужасных видениях?

В тот момент до меня дошло — медленно, слишком медленно, каждая мысль теперь давалась с усилием, — что раз я в состоянии подавить темноту и холод, то могу, по логике, удалить и запах. Но как? В мозгах была полная сумятица. «Думай», — приказал я себе — и мне удалось пробудить воспоминание о свежем запахе, витавшем в Стране вечного лета. Не идеальная ассоциация, конечно, но этого было достаточно, чтобы ослабить запах и сделать более сносным

мой спуск.

Собираясь рассказать Альберту о своем достижении, я стал озираться по сторонам, и меня внезапно ужаснуло то, что его нигде нет.

Я громко позвал его по имени.

Ответа не последовало.

— Альберт!

Тишина.

— Альберт!

— Я здесь, — наконец послышался его голос.

Пристально вглядевшись в темноту, я смог разглядеть слабое свечение, движущееся в мою сторону.

— Что случилось? — спросил я.

— Ты ослабил свое внимание, — объяснил он. — И со мной, когда я смотрел вниз, произошло то же самое.

У меня дух захватило, когда я глянул вниз. Все, что я увидел, — это полнейшая, безграничная темнота. Как он мог там что-то разглядеть?

Потом я стал прислушиваться, затаив дыхание.

Из темной бездны доносились едва слышные звуки — вопли и крики агонии, безумный, хриплый смех, жалобные причитания. Я пытался сдержать дрожь, но не хватало сил. Как же я смо-

гу туда спуститься? Закрыв глаза, я взмолился: «Господи, пожалуйста, помоги мне вынести это».

Что бы ни находилось подо мной, на дне ада.

Преисподние внутри ада

А теперь я задаюсь вопросом, не назвал ли английский дом умалишенных Бедламом человек, обладавший от рождения экстрасенсорными способностями и совершивший в состоянии сверхчувствительности путешествие в это место.

«Моровое поветрие». Эти слова пришли мне на ум, когда мы достигли дна кратера.

В воздухе звучали самые ужасные звуки, которые только может издать человек.

Вопли и завывания. Выкрикиваемые проклятия. Все разновидности безумного смеха. Рычание и шипение. Звериный рык. Невообразимые стоны агонии. Пронзительные крики боли. Дикий рев и жалобные стенания. Визг, мычание, завывания, шумные протесты и ропот. Нестройная разноголосица бесчисленных душ, агонизирующих в муках умопомешательства.

Ко мне низко наклонился Альберт и прокричал мне в ухо:

— Держись за меня!

Повторять ему не пришлось. Я вцепился в его руку, как дитя, запуганное всякими возможными и невозможными ужасами, и мы пошли

по дну кратера, пробираясь между распростертыми повсюду фигурами. Некоторые из них судорожно двигались, другие конвульсивно подергивались, третьи ползали, буквально как змеи, а иные были неподвижны, как трупы.

И все они были похожи на мертвецов.

То, что я смог различить при слабом свете, который мы излучали, вызвало леденящий ужас в моей душе.

Над землей с разбросанными по ней камнями висело облако испарений, которое нас удушило бы, если бы снова — в который по счету раз? — мы не настроили наши организмы, чтобы его побороть.

Под испарениями виднелись фигуры. Висевшая грязными клочьями одежда, в прорехах которой показывалась серая или фиолетовая плоть. Горящие на безжизненных лицах глаза неотрывно глядели на нас.

И тут я услышал какое-то гудение.

Люди сидели на валунах, наклонив друг к другу головы, словно о чем-то сговариваясь. Другие с визгом и смехом совокуплялись на земле и скалах. Третьи дрались, душили и избивали друг друга камнями, мучили друг друга. Все это сопровождалось криками, рычанием и проклятиями.

Дно кратера заполняло множество ползающих, извивающихся, дергающихся, шатающихся и сталкивающихся, судорожно движущихся существ.

А я все слышал странное гудение.

Теперь, когда зрение приспособилось к дымному сумраку, я различил стаи обезьяноподобных существ, бродивших тесными группами, переговаривающихся гортанными голосами, с желанием совершить — я мог лишь догадываться — какое-нибудь грубое насилие, какое-нибудь зло.

А гудение продолжалось — непрекращающееся жужжание из источника, который невозможно было обнаружить.

Теперь я заметил, что на местности, которую мы пересекали, разбросаны лужи с темной, грязной жидкостью; не осмелюсь назвать ее водой. Из этих луж поднималось отвратительное зловоние, хуже которого я не встречал. Я с ужасом заметил там движение, как будто несчастные скрылись под поверхностью и не могли выбраться.

А гудение все продолжалось, становясь громче и громче, выделяясь из какофонии человеческих и нечеловеческих голосов.

Вдруг на меня налетел неистовый вихрь злоб-

ных мыслей!

«Мы не можем читать чужие мысли», — вспомнил я. Но почувствовал, как меня одолевают дикие видения. Я мог лишь предположить, что подобные мысли при их концентрации настолько сокрушительны, что для поглощения их вибраций телепатия не нужна. Что такие мысли, по сути дела, являются скорее волнами физического потрясения, нежели совокупностью нематериальных идей.

Ощутив обжигающее и тошнотворное воздействие этой волны, я огляделся и увидел ярдах в десяти от нас группу людей, освещенную зловещим оранжевым свечением. У некоторых на лицах были гнусные ухмылки, лица других выражали дикую ненависть. Это волна их мыслей…

Внезапно я закричал от неожиданности своего открытия, но мой крик потонул в сумасшедшем гуле.

Гудение, которое я слышал, издавали мухи.

Миллионы мух.

Каждого из этих людей покрывали слипшиеся движущиеся комки мух. Их лица шевелились от мух, которые сидели в углах глаз, черной массой вползали во рты и выползали оттуда.

В памяти всплыло жуткое видение. Морда Кит изранена колючей проволокой, на которой держится сплошной комок мух, словно кусок ожившего угля. Те, что внизу, раздувшись, жадно сосут ее кровь. Эти твари не пошевелились, даже когда я замахал на них руками, крича от отвращения.

Но это ничто по сравнению с тошнотворным ужасом, испытанным мною в тот момент. Вцепившись в руку Альберта, я закрыл глаза, не в силах видеть это зрелище.

От этого стало еще хуже.

В тот же миг, как я закрыл глаза, в моем сознании начали проноситься другие видения. Бледные призраки, пожирающие разлагающуюся плоть. Ухмыляющиеся вампиры, упивающиеся потоками темной крови, исторгаемой из глоток визжащих детей. Мужчины и женщины…

Вздрогнув, я открыл глаза. Несмотря на всю мерзость творящегося тут, я предпочел видеть окружавшие меня картины, нежели те, что предстали перед моим мысленным взором.

— Противься их мыслям! — закричал Альберт. — Не позволяй им себя ослабить!

Я взглянул на него с бессловесным ужасом. Он уже догадался?

Я пытался сопротивляться. Роберт, как я старался! Пытался избежать зловещих картин и звуков, постоянно насылаемых на меня этими людьми, а также запахов, вкуса и ощущений этого места. «Энн здесь быть не может», — говорил я себе.

Я не собирался позволить себе в это поверить.

И вдруг, словно существовала какая-то связь с моей мыслью об Энн, мое сознание начало заполняться безграничным отчаянием и болью.

Могу лишь сказать, что в моей жизни не было ничего подобного. Ибо материальный мозг не способен одновременно манипулировать множеством мыслей, в то время как духовное сознание может впитывать многочисленные впечатления. Даже мой рассудок, находившийся в тот момент в состоянии упадка, должен был обладать этим свойством.

Эти впечатления были подобны брызгам кислоты, выжигающим мой рассудок. За существование в моем сознании боролись полная безнадежность и скорбь. Подо мной, подобно бездонной пропасти, разверзлась глубокая меланхолия. «Энн здесь нет». Эта мысль стала моим единственным утешением.

Только не среди этих.

Я вскрикнул от ужаса, когда к нам, пошатыва-

ясь, подошел мужчина, одетый в остатки, скорее всего, тоги, почерневшие лохмотья которой свисали с его тела. Его конечности были совсем бесплотными, почти как у скелета. Протянутые к нам руки напоминали когтистые лапы хищной птицы, а ногти — черные когти. Искаженное уродливое лицо едва ли можно было назвать таковым. Маленькие красные глазки сверкали, в омерзительном раззявленном рту виднелись зубы, напоминающие желтые клыки.

Почти все его лицо разложилось, из-под гниющей плоти проглядывали серые кости. Когда он схватил меня за руку, я закричал от ужаса, и от его прикосновения во мне поднялась волна сильной тошноты.

— Там! — вскричал он, указывая куда-то когтистой рукой.

Я невольно посмотрел по направлению его руки и увидел мужчину, тащившего какую-то женщину к одному из зловещих прудов с вязкой жидкостью. Она визжала, не помня себя от ужаса, и эти вопли резанули меня, как бритвой.

Узнав ее, я вновь закричал:

— Энн!

— Крис, не надо! — предупредил Альберт.

Слишком поздно. Я уже оттолкнул его руку,

освободился от его отчаянной хватки.

— Иду! — закричал я, устремившись к Энн.

«Весь ад сорвался с цепи».

До тех пор я не знал истинного значения этой фразы.

В тот миг, когда я вырвался от Альберта, его защита пропала и ко мне бросилась толпа существ, вопя в приступе демонического ликования.

Они быстро приближались, и я с содроганием понял, что тот человек сыграл со мной злую шутку. Знал ли он, что я разыскиваю жену? Неужели он был настолько коварен?

Как бы то ни было, он лишь заставил меня поверить, что это Энн. Но я уже понял, что это не она. В тот же миг, как я вырвался от Альберта, лицо женщины приобрело столь же отталкивающий вид, что и у остальных.

Резко остановившись, я тщетно пытался повернуть назад, в дикой панике кидаясь во все стороны.

Бесполезно. Едва я начал отступать, как они с визгом набросились на меня со всех сторон, пытаясь схватить.

Я споткнулся и потерял равновесие, попробовал удержаться, но не смог. Со всех сторон раздались вопли дикого ликования. В ужасе

закричав, я рухнул на каменистую почву, а чудовища навалились на меня сверху, раздирая мне лицо и тело когтистыми лапами, разрывая одежду и плоть.

Перед глазами неясно маячили лица — некоторые обуглившиеся, другие багрово-красные, все обезображенные шрамами, ожогами или язвами. У некоторых и вовсе не было лиц, а на их месте — мешанина из волос и костей.

Я пронзительно выкрикнул имя Альберта, потом с отвращением почувствовал, как в мой открытый рот, в уши и глаза залетает рой мух. Этих тварей, похоже, возбуждала моя беспомощность. Я пытался их выплюнуть. Я бешено колотил по глазам и ушам руками.

Я снова попытался позвать Альберта, но смог издать лишь какой-то булькающий, захлебывающийся звук, поскольку целый рой мух начал забивать мою глотку. Тогда я попробовал надавить себе на желудок, чтобы вызвать рвоту, но орущие и визжащие монстры не дали мне этого сделать. Они возили меня по земле на спине, дергали за руки и ноги, пинали, хриплым визгом выражая свой сумасшедший восторг по поводу моего бессилия.

Свет, который я нес, теперь фактически погас.

Вокруг себя я видел лишь мечущиеся силуэты и тени. А слышал только вопли безумной радости, когда меня волокли по земле, разрывая одежду и раня кожу об острые как бритва камни. И еще жужжание мух.

«Альберт! — в муках мысленно призывал я. — Умоляю, помоги мне!»

Теперь полная темнота. В ушах оглушающее жужжание мух, ощущение такое, словно они сотнями заползают в рот и глотку, под вытаращенные глазные яблоки.

И вдруг я почувствовал, что меня погружают в ледяную жидкость, толкают вниз.

Меня сразу переполнило чудовищное ощущение — сочетание всех мыслимых отвратительных оттенков вкуса и запаха.

Я почувствовал, как когтистые руки толкают меня глубже в эту жидкость. Я пришел в еще больший ужас, когда — как это было возможно? — под поверхностью жидкости меня начали хватать другие руки.

Я попытался закричать, но лишь издал придушенный булькающий звук, а меня все продолжали тянуть вниз, передавая из одних невидимых рук в другие, погружая глубже и глубже в гибельные глубины.

Теперь ко мне начали липнуть тела, почти скелеты, с лоскутами гниющей плоти. Глаза у меня были плотно закрыты, но я тем не менее видел их лица. Лица живых мертвецов, глядящие на меня горящими, полными ликования глазами, пока я опускался ниже и ниже.

«Энн! — подумал я. Сознание мое начало угасать. — Я обманул твои ожидания!»

Я сел, выпрямившись, и вскрикнул от изумления.

Рука Альберта покоилась на моем плече, а я не мигая глядел на него.

Наконец я осмотрелся по сторонам.

Мы сидели на бесплодной серой равнине, под синевато-серым тусклым небом. Над ее бесконечным застывшим простором завывал холодный ветер.

И все-таки, Роберт, скажу тебе, эта равнина казалась раем по сравнению с тем местом, где я побывал.

— Как тебе удалось меня спасти? — спросил я.

То, что я находился рядом с ним, было выше моего понимания.

— Ты был в их лапах всего несколько мгновений, — объяснил он.

— Несколько мгновений? — От удивления я ра-

зинул рот. — Но они повалили меня на землю, потащили к пруду и бросили под воду, где…

Он с мрачной улыбкой покачал головой.

— Ты все время находился у меня перед глазами, не более чем в нескольких футах. Они прикасались к тебе только мысленно.

— Господи! — Я невольно вздрогнул. — Это, наверное, и есть ад. Точно.

— Один из них, — откликнулся Альберт.

— Один? — Я уставился на него в смятении.

— Крис, — сказал он, — есть преисподние внутри ада.

Где обитает теперь Энн

Мы шли по широкой серой равнине, протирая подошвы сандалий о каменистую почву.

— Единого места под названием «ад» не существует, — объяснял Альберт. — То, что люди назвали адом, — это вакуум, в котором обитают после смерти неразвитые души. Это тот уровень существования, над которым они не могут подняться, поскольку не в состоянии мыслить абстрактно, а беспокоятся лишь о мирских делах.

— Тогда зачем нам пришлось туда пойти? — спросил я. — Наверняка Энн…

— Могу лишь сказать, что сигналы, если можно их так назвать, вели туда, — сказал Альберт. — И, слава богу, ведут оттуда.

— И мы по-прежнему им следуем? — озабоченно спросил я.

Он кивнул.

— Полагаю, сейчас мы уже близко.

Я посмотрел во все стороны, не видя ничего, кроме безжизненной равнины.

— Как это может быть? — спросил я.

— Наберись терпения, — молвил он. — Еще совсем немного.

Мы некоторое время шли в молчании. Потом, что-то вспомнив, я произнес:

— Тот человек, что меня обманул…

— Трагическая фигура, — сказал Альберт. — Большую часть жизни он занимался тем, что причинял другим людям физические и психические мучения. Его преступления, обернувшись против него, на столетия сделали его пленником этого места. Вопреки тому факту, что воспоминания о каждом из его чудовищных деяний навечно отпечатаны в его памяти, он до сих пор нисколько не раскаивается и не сожалеет о своих поступках. И это весьма прискорбно.

— Почему ты называешь его трагической фигурой? — спросил я, вспоминая злобное, беспощадное лицо этого человека.

— Потому что, — ответил Альберт, — в Древнем Риме он вел жизнь не преступника, а вершителя правосудия.

Я только покачал головой.

— Разумеется, то правосудие, которое он вершил, было лишь пародией на правосудие, — добавил Альберт. — А теперь он испытывает муки истинного правосудия — око за око.

Альберт резко остановился, посмотрев направо. Я обратил взор в том направлении и, к своему

удивлению, увидел в отдалении гряду невысоких холмов.

— Она там, — сказал Альберт.

Я взглянул на него в приливе внезапной радости.

В его лице я не заметил отклика.

— Радоваться рано, — сказал он. — Это еще не повод для торжества. Теперь начинается самое трудное.

Странно, но после всего пережитого мною в кратере я должен был бы испытать дурное предчувствие, когда перед моими глазами предстал этот знакомый утешительный вид — холм, на котором стоял наш дом.

Я с тревогой и смятением взглянул на Альберта. Зачем надо было удаляться так далеко, если она не выходила из дома?

— Она здесь? — спросил я.

— Здесь? — повторил он.

— В нашем доме, — сказал я.

Уже начав говорить, я понял, почему он меня переспросил.

Это был не тот дом, который я знал, хотя с того места, где я стоял, он казался совершенно таким же.

— Что же это в таком случае? — спросил я.

— Увидишь, если туда поднимешься, — ответил он.

— Если? — Я с изумлением взглянул на него.

— Я предпочел бы, чтобы ты вернулся назад, — сказал он. — Да, даже отсюда, когда ты от нее в нескольких шагах.

Я покачал головой.

— Крис. — Он взял меня за руку и крепко ее сжал. Какой же твердой и земной — думаю, это подходящее слово — казалась теперь моя плоть. — То, что случилось с тобой в кратере, происходило лишь в твоем сознании — и пострадало лишь сознание. То, что случится здесь, может повлиять на твою душу.

Я понимал, что он говорит правду. Но опять покачал головой.

— Я должен ее увидеть, Альберт, — настаивал я.

Он улыбнулся, но его улыбка выражала лишь печаль и согласие.

— Тогда запомни, — сказал он, — все время сопротивляйся отчаянию, которое будешь испытывать. Необходимо еще тщательнее замаскировать твое астральное тело, чтобы Энн смогла тебя видеть и слышать. Но при этом ты становишься уязвимым для всего, для чего уязвима

и она. Ты это понимаешь?

— Да, — кивнул я.

— Если чувствуешь, что… как бы это сказать… тебя втягивают во что-то, — продолжал Альберт, — противься этому всеми силами. Постараюсь тебе помочь, но…

Я перебил его.

— Помочь мне?

— Сделать все, что в моих силах, пока…

Должно быть, его остановило выражение моего лица. Он с тревогой взглянул на меня.

— Крис, нет, — сказал он. — Ты не должен…

— Да. — Я посмотрел в сторону дома, крыша которого как раз показалась на вершине холма. — Не знаю, что там происходит сейчас или что произойдет. Но я должен сам ей помочь. Я это чувствую, — сказал я, не дав ему договорить.

Он смотрел на меня с глубокой печалью.

— Я это чувствую, — повторил я. — Не могу объяснить, но знаю, что это так.

Он долго смотрел на меня в молчании, видимо обдумывая, стоит ли пытаться со мной спорить.

Наконец, не говоря больше ни слова, он шагнул вперед и медленно меня обнял. Потом, через некоторое время, отступил назад, не снимая рук

с моих плеч, и заставил себя улыбнуться.

— Помни, что ты любим, — сказал он. — У тебя есть дом и люди, которым ты нужен.

Он снял ладони с моих плеч.

— Не дай нам потерять тебя, — добавил он.

Мне нечего было ответить. Невозможно было узнать, что ожидает меня на холме. Мне оставалось лишь кивнуть и улыбнуться ему в ответ, прежде чем он повернулся и пошел прочь.

Я подождал, пока он не скроется из виду, потом направился к дому по подъездной аллее. В голову вдруг пришла мысль: «Подъездная аллея? У нее есть машина? А если есть, куда она на ней ездит?»

Остановившись, я осмотрелся по сторонам, найдя очевидный ответ на этот вопрос. Рядом не было других домов, не было Хидден-Хиллз, ничего. Дом стоял отдельно.

Пойдя дальше по дорожке, я прислушивался к звуку своих шагов. И заметил, что плитки под ногами были потрескавшимися и грязными, с проросшими в щелях пучками сорняков.

Я вновь размышлял о словах Альберта, сказанных им перед уходом:

— Она не поверит ни одному твоему слову; все время помни об этом. Нет смысла убеждать

ее в том, что она мертва. Она думает, что жива и что мертв только ты. По этой причине тебе не следует сразу себя называть, но лучше постарайся каким-то образом — не знаю, как именно, Крис, — постепенно внушить ей, кто ты такой. Предоставляю это тебе — ты ведь знаешь ее лучше моего. Просто помни, что она тебя не узнает и не поверит тебе, если ты сразу скажешь, кто ты такой.

Теперь я был на полпути к вершине холма. Каким же унылым все казалось. Я уже описал подъездную аллею. Вдобавок все растущие вдоль нее деревья были засохшими, без листвы. Проходя мимо одного дерева, я наклонил веточку, и она обломилась с сухим треском. Трава казалась выжженной, а сама земля была в неровных трещинах. Помню, как я, бывало, сетовал по поводу вида нашего холма в конце лета.

По сравнению с этим он был великолепен.

Я резко остановился и отпрыгнул с дорожки в сторону. Впереди в траве показалась змея. Я смотрел, как она медленно ползет по растрескавшимся плиткам. Я попытался рассмотреть ее голову — треугольная ли она. Когда это не удалось, я взглянул на ее хвост, чтобы узнать, есть ли там кольца. К нам время от времени приползали

гремучие змеи. Одно время за гаражом, под картонной коробкой, жила метровая змея.

Я не двинулся с места, пока змея не пропала под пожухлой травой справа от дорожки. Потом пошел дальше, размышляя о том, что случилось бы, протяни я к змее руку. Разумеется, до смерти она меня бы не ужалила, но интересно, находясь на этом уровне, почувствовал бы я, как по венам разливается жгучий яд?

Подняв глаза, я смог теперь более ясно разглядеть крышу дома. Она показалась мне размытой и неотчетливой, и я догадался, что для перехода на этот уровень мне придется снова снизить свою вибрацию.

Еще раз у меня возникло ощущение, испытанное мною прежде, — ощущение затвердевания. Идти стало тяжело. Глаза заволокло прозрачной пленкой, и свет еще больше померк, сделав и без того бесцветный пейзаж еще более скучным. Сквозь тусклую дымку я увидел теперь весь дом целиком. «Какой у него унылый вид», — подумал я.

И поймал себя на слове. «Уже», — подумал я. То, о чем предупреждал меня Альберт: чувство отчаяния. Одному Богу известно, до чего ясно я все это ощущал: свое грузное тело, порыжевший

высохший холм, тоскливое серое небо, — все было гораздо неприятнее, чем в самый противный ненастный день на Земле.

Но я не поддамся этому настроению. Через несколько мгновений я ее увижу, и не важно, что из этого получится или сколько времени это займет, но я сделаю что-нибудь, чтобы ей помочь.

Что-нибудь.

Дойдя до вершины холма, я повернул направо, к дому, где обитала теперь Энн.

Достучаться до ее души

Дом выглядел более низким, выцветшим и ветхим, чем наш.

И вновь я вспомнил, как при жизни сокрушался по поводу крыши, нуждавшейся в ремонте. Помню, что Энн тревожилась насчет обновления окраски стен. Растущие вокруг дома кусты обычно надо было подрезать, гараж — приводить в порядок.

Но все-таки, по сравнению с тем, что я видел сейчас, тот дом был совершенством.

Гонт на крыше этого дома потрескался и испачкался, многих дощечек недоставало. Краска на наружных стенах, дверях, оконных рамах и ставнях потускнела и растрескалась, кое-где по стенам извивались длинные трещины. Кусты, как и те, что росли на холме, были пожелтевшими и сухими. Гараж представлял собой жалкое зрелище; запятнанный маслом пол был покрыт грязью и листьями. Все бачки с мусором переполнены, два из них перевернуты; отбросы из одного поедала тощая кошка.

Заметив меня, она в страхе заметалась вокруг и потом выскочила через задний дверной проем

гаража, в котором теперь не было двери. Я увидел через этот проем засохший вяз и покосившийся в сторону холма забор в трещинах.

Перед домом была припаркована «хонда» Энн. Сначала я удивился, увидев только ее машину, и стал оглядываться по сторонам в поисках остальных, особенно кемпера.

Потом до меня дошло, что это ее особое место заточения, то есть преддверие ада, и что она может обладать лишь тем, что ожидает увидеть.

Подойдя к машине Энн, я ее осмотрел. От ее вида мне стало нехорошо. Энн всегда так ею гордилась, содержала в безупречном порядке. Теперь машина выглядела старой: хром испещрен пятнами ржавчины, краска потускнела, окна в грязных разводах, один борт с вмятиной, спущена одна шина. «Здесь что — все такое?» — недоумевал я.

Я постарался об этом не думать, а повернулся к входной двери.

Дверь тоже выглядела старой, испачканной, с ржавыми ручками. Стеклянный колпак фонаря над порогом был разбит, на полу валялись осколки стекла. Одной плитки покрытия недоставало, остальные были расколотыми и грязными.

И опять на меня навалилось уныние. Я его по-

борол. «А я еще даже не вошел в дом», — подумал я, похолодев от одной только мысли.

Взяв себя в руки, я постучал в левую створку двери.

Странно было стучать в дверь собственного дома — ну он действительно напоминал мой дом, хотя в искаженном виде, — но я знал, что внезапное появление могло напугать Энн. Часто, придя домой во внеурочное время, я шел в нашу спальню и натыкался на Энн, выходившую из раздевалки. У нее перехватывало дыхание, она буквально отскакивала от меня со словами: «Ой! Я не слышала, как ты вошел!»

Итак, я постучал. Лучше так, чем ее напугать.

Никто не ответил. Я стоял на пороге, как мне показалось, очень долго. Потом, решившись, повернул ручку и приоткрыл дверь. При этом низ двери процарапал пол. «Видимо, ослабли петли», — подумал я. Я вошел. Плиточный пол в прихожей имел столь же жалкий вид, что и на крыльце.

Закрывая дверь, я вздрогнул. В доме явно было холодней, чем снаружи. В воздухе висела вязкая прохлада. Стиснув зубы, я прошел в гостиную. «Что бы ни увидел, — поклялся я себе, — не позволю отвлечь меня от цели моего прихода».

Мне всегда нравилась наша гостиная, Роберт: роскошные дубовые панели, встроенные книжные шкафы, массивная темная мебель, огромная раздвижная дверь и окно, выходящие на заднюю террасу и бассейн.

Эта комната мне не могла понравиться.

Панели и книжные шкафы растрескались и потускнели, мебель казалась обветшалой и потертой. Ковровое покрытие, ярко-зеленое по моим воспоминаниям, теперь приобрело какой-то грязноватый оттенок между тусклым зеленым и черным. Около кофейного столика виднелось огромное коричнево-желтое пятно, а сам столик был поцарапан и местами расколот.

Я сделал этот столик своими руками и всегда его любил. Подойдя к нему, я взглянул на шахматную доску и шахматы, заказанные Энн для меня на Рождество. Это была удивительная поделка: изготовленная из дуба доска с инкрустацией серебряной филигранью, шахматы вручную отлиты из сплава олова и свинца с основаниями из обточенного дуба — такую вещь невозможно сдублировать.

Теперь доска была с трещинами и пятнами, не хватало пяти фигур, две были повреждены, почти сломаны. Я отвернулся от стола, говоря

себе, что это не те шахматы, которыми обладал я. Свыкнуться с этим было трудно, потому что все выглядело таким знакомым. Шкафы соответствовали тем, которые я помнил, — правда, эти были только наполовину заполнены пыльными, истрепанными книгами. Эти ставни я тоже помнил, но одна была сломана и валялась на выцветшей подушке диванчика, стоявшего у окна.

Я выглянул на террасу и увидел шелковицу без ягод. Нет, эта была не наша, эта засыхала. На террасе валялись сухие листья, а вода в бассейне казалась стоячей, и на ее неподвижной поверхности цвела тина.

Повернувшись назад — и в это время заметив трещину в раздвижной двери, — я подошел к роялю. Его корпус, когда-то глянцевито-коричневый, теперь потускнел. Я притронулся к клавишам. Звук был резкий, металлический: инструмент совершенно расстроен.

Я отвел глаза от унылой комнаты и позвал Энн по имени.

Ответа не последовало. Я позвал еще раз, потом в той же тишине прошел через бар в общую комнату, вспоминая день — казалось, сто лет тому назад, — когда тем же путем шел по нашему земному дому в день моих похорон, прежде чем

понял, что произошло.

Общая комната была в столь же плачевном состоянии, что и остальные: вытертая, пыльная мебель, выцветшие панели и шторы, закопченный плиточный пол. В камине горел слабый огонь. До этого момента я не поверил бы, что камин может вызывать что-то, помимо радости. Этот же огонь был таким слабым и убогим — несколько бледных язычков пламени, — что, казалось, совсем не давал тепла и уюта.

Тогда я понял, что не слышно музыки.

Наш дом был всегда заполнен музыкой; часто она лилась из двух или трех источников одновременно. Этот дом — унылая, неприветливая копия нашего — набух тишиной, вмерз в тишину.

Я не разглядывал развешанные по стенам фотографии. Я знал, что видеть детские лица будет для меня невыносимо. Вместо этого я пошел на кухню.

В раковине — немытые тарелки, кастрюли, ножи и вилки, окна в грязных разводах, заляпанный пол. Дверца духовки была приоткрыта, и я увидел внутри форму для пирога, наполовину заполненную застывшим белым жиром и несколькими кусочками засохшего мяса.

Открыв дверцу холодильника, я заглянул

внутрь.

Вид его вызвал во мне отвращение. Засохший салат, сухой, побелевший сыр, черствый хлеб, пожелтевший майонез, почти пустая бутылка темного красного вина. Изнутри шел отвратительный запах гниения, поскольку холодильник почти не морозил. Я закрыл дверцу. Отвернувшись от него и стараясь не допустить в сознание картины и ощущения, вызванные этим жилищем, я пересек общую комнату и пошел по коридору в заднюю часть дома.

Комнаты детей пустовали. Я постоял в каждой из них. Они были не такими холодными и мрачными, как остальная часть дома, но, безусловно, тоже не вызывали приятных ощущений. Обитаемой казалась только комната Йена — незаправленная кровать, разбросанные по столу листки бумаги, словно сын только что делал уроки.

Меня это удивило.

Энн сидела на лужайке, куда выходили окна нашей спальни.

Я стоял у стеклянной двери и смотрел на нее со слезами на глазах.

На ней был толстый темно-синий свитер, надетый поверх блузки, мятые слаксы, поношенные

туфли. Кожа лица казалась бледной и обветренной. Волосы висели безжизненными прядями, словно она давно их не мыла.

К своему горестному изумлению, я заметил лежащую рядом с ней Джинджер. Тогда я этого не знал, но после смерти Энн Джинджер перестала есть и через месяц умерла от горя. И вот теперь она оказалась здесь, настолько обожая хозяйку, что предпочла вести это унылое существование, лишь бы не оставлять Энн в одиночестве.

Энн сидела подавленная, неподвижная, держа что-то в ладонях. Я никогда раньше не видел ее в таком жалком состоянии. Подойдя поближе, я увидел у нее в руках крошечную мертвую птичку, уже окоченевшую.

Я вдруг вспомнил случай, который произошел в жизни.

Она как-то нашла на улице сбитую машиной птичку. Энн принесла ее домой и, усевшись на задней лужайке, зажала в теплых ладонях маленькое пульсирующее тельце. Я помню ее слова. Она понимала, что птичка умирает, и хотела, чтобы та в последние моменты слышала знакомые звуки — шум ветра в деревьях и пение других птиц.

Неожиданно на меня нахлынула ярость.

Энн не тот человек, который заслуживает подобной нищеты и убожества! Разве можно назвать это справедливостью?

Мне пришлось бороться с этим чувством. Я чувствовал, как гнев, подобно магниту, тащит меня куда-то помимо моей воли. Если бы я в то же время не понимал, что этот гнев удаляет меня от Энн, я мог бы с самого начала ему поддаться.

Итак, я вновь вспомнил предупреждение Альберта и смог взять себя в руки. «Это не приговор, — говорил я себе. — А если даже и так, то она сама себя приговорила». Она была там, потому что туда ее привели собственные поступки. Не наказание, а закон. Мое негодование по этому поводу было лишь тратой энергии. Все, что я мог сделать, — это попытаться помочь ей понять. Вот для чего я прибыл туда. Пора было начинать. Я разыскал ее тело.

И теперь надо было достучаться до ее души.

Неудачное начало

Раздвижная стеклянная дверь была наполовину открыта, и, войдя в проем, я позвал Энн по имени.

Ни она, ни Джинджер не прореагировали. Я подумал, что, возможно, Энн не услышала, но знал, что Джинджер должна была отреагировать.

Очевидно, я еще недостаточно «опустился».

Я немного помедлил. Было так омерзительно — другого слова не найду — снижать свою вибрацию и продолжать наращивать толщину, набирать вес.

Но я понимал, что придется это сделать, и, взяв себя в руки, позволил этому произойти. Меня передернуло от этого ощущения. Потом, взявшись за ручку раздвижной двери, я ее отодвинул.

В тот же миг Джинджер резко повернула голову, подняв уши торчком. Энн тоже повернулась. Увидев меня, Джинджер с рычанием вскочила на ноги и пошла в мою сторону.

— Джинджер, нельзя… — начал я.

— Джинджер.

Услышав голос Энн, я едва не заплакал. Я пристально на нее посмотрел, а Джинджер при-

остановилась, озираясь по сторонам. Энн стала подниматься на ноги, и на один чудесный миг я подумал, что она меня узнала. Я двинулся к ней в радостном нетерпении.

— Кто вы такой? — строго спросила она.

Я замер на полдороге. Ее тон был таким холодным, что я почувствовал, как мое сердце сжимает ледяной обруч. Ошеломленный ее резким голосом, я уставился на нее.

Джинджер продолжала рычать; шерсть на ее загривке поднялась дыбом. Видимо, она тоже меня не узнала.

— Если подойдете ближе, собака набросится, — предупредила Энн.

Я почувствовал, что она угрожает от страха, но меня остановила суровость ее тона.

Я не представлял себе, что делать дальше. Конечно же, я ее узнал. Она же, взглянув на меня, совершенно меня не признала. «Неужели возможно, — недоумевал я, — чтобы нас по-прежнему разделяла разница в уровнях вибраций?»

Я боялся, что это так. «Отчетливо ли она меня видит? — спрашивал я себя. — Или же я кажусь ей размытым, каким мне казался Альберт, когда я увидел его впервые после моей смерти?»

Не могу сказать, сколько времени мы бы

еще стояли в молчании, не заговори я первым. Мы все были похожи на статуи. Энн и Джинджер пристально смотрели на меня. Собака больше не рычала, но стояла в напряженной позе, готовая в любой момент защитить Энн. Меня затопляла нежность к собаке. Так сильно любить Энн, чтобы остаться здесь. Можно ли было лучше доказать свою преданность?

Мой мозг работал с трудом, как проржавленный механизм старых часов. Я мучительно размышлял над тем, что бы такое сказать. С чего можно было бы начать. Что же?

Не имею понятия, сколько времени ушло на то, чтобы в голове возникла отправная идея. Как я уже говорил, Роберт, время в потустороннем мире течет по-другому — и, даже несмотря на то что это место было ближе к Земле, чем Страна вечного лета, его временна́я шкала никоим образом не напоминала череду часов и дней, знакомую нам с Энн при жизни. То есть, хочу сказать, промежуток времени, в течение которого мы смотрели друг на друга, мог составлять немало минут или секунду-две. Я, однако, склоняюсь к первому.

— Я только что поселился в этой округе, — сказал я наконец.

Казалось, мой голос звучит отдельно от меня. Я не знал, чего добиваюсь. А если и знал, то это было глубоко запрятано в моем сознании. Как бы то ни было, первые слова были произнесены — хоть какое-то начало.

Не могу тебе передать, как больно было мне увидеть на ее лице выражение недоверия.

— В чьем доме? — спросила она.

— Гормана, — ответил я.

— Они не продавали дом, — сказала она.

Я пошел на обдуманный риск.

— Нет, продали, — возразил я. — Недавно. Я въехал туда вчера.

Она не ответила, и я стал думать, что, пойманный на явной лжи, уже потерял свой шанс.

Но она не стала оспаривать мои слова, и тогда я понял, что мой расчет оказался точным. Она помнила семейство Горман, но не общалась ни с кем за пределами ближайшего окружения, поэтому не могла знать, говорю ли я правду.

— Я не знала, что они продали свой дом, — наконец произнесла она в подтверждение моего предположения.

— Да. Продали.

Я испытал радость маленькой победы. Но, произнеся эти слова, я понимал, что это только

начало.

Я попытался развить в уме следующий шаг. Должен же найтись какой-то четкий подход — поэтапный путь связи с ее сознанием.

В попытке найти его я вдруг понял, что никакого четкого подхода нет. Придется в каждый момент нащупывать путь, все время подыскивая какие-то особые возможности.

Правда, следующий шаг Энн подсказала сама. Уверен, что бессознательно.

— Откуда вы узнали мое имя? — спросила она.

— Из адресной книги Хидден-Хиллз, — ответил я, с радостью заметив, что этот ответ ее удовлетворил.

Но моя радость мгновенно улетучилась, когда она с подозрением спросила:

— А что вы делали в моем доме?

Я допустил ошибку, помедлив, и Энн насторожилась, подавшись назад. Джинджер сразу же зарычала, шерсть у нее на загривке поднялась дыбом.

— Я постучал в дверь, — сказал я как можно более беспечно. — Ответа не было, так что я вошел и стал звать. И пока шел по дому, продолжал вас звать. Думаю, вы не слышали.

Я видел, что ответ ее не устроил, и на меня

нахлынуло чувство безысходности. «Почему она меня не узнает?» — думал я. Если мое лицо кажется ей незнакомым, разве есть надежда, что я смогу ей помочь?

Я постарался справиться с этим чувством, снова вспомнив предупреждение Альберта. Сколько раз придется мне бороться с этой безысходностью, пока она не исчезнет?

— Я просто пришел, чтобы поздороваться, — произнес я не задумываясь. Надо было продолжать разговор. Потом, повинуясь порыву, я решился на следующий обдуманный риск. — Мне показалось, вы меня узнали, когда увидели, — сказал я. — Почему?

Я подумал — опять на один чудесный миг, — что произошел внезапный прорыв, когда она ответила:

— Вы немного похожи на моего мужа.

Я почувствовал, как у меня сильнее забилось сердце.

— Правда?

— Да. Немного.

— Где он? — не задумываясь, спросил я.

Грубая ошибка. Она заметно подалась назад, прищурив глаза. Прозвучал ли мой вопрос для нее угрожающе? Ответ стал очевидным, ко-

гда Джинджер снова зарычала.

— Его зовут Крис? — спросил я.

Ее глаза прищурились еще больше.

— Я увидел это в адресной книге, — пояснил я, надеюсь, не слишком быстро, что было бы подозрительно.

Я сжался, сообразив, что, по ее воспоминаниям, в адресной книге моего имени могло и не быть. Но она лишь пробормотала:

— Да, Крис.

Надо ли говорить, Роберт, о возникшем у меня страстном желании заключить ее в объятия, успокоить ее? При этом я понимал, что делать этого ни в коем случае нельзя.

Я заставил себя продолжать.

— Горманы сказали мне, что он пишет для телевидения, — сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало только по-соседски. — Это правда? Что…

— Он умер, — перебила она меня с такой горечью, что меня проняла дрожь.

Тогда я, совершенно потрясенный, понял, какая задача стоит передо мной. Как мог я надеяться, что Энн когда-нибудь узнает мое лицо и голос и тем более признает во мне мужа? Для нее я был мертв, а она не верила, что мертвые ведут свое существование.

— Как он умер? — спросил я.

Не знаю, зачем я говорил. У меня не было плана. Мне приходилось просто действовать по наитию в надежде, что произойдет что-то позитивное.

Сначала она не ответила. Я подумал, что она совсем не собирается говорить. Потом наконец произнесла:

— Он попал в дорожную аварию.

— Мне жаль, — сказал я, полагая, что лучшим подходом может оказаться ненавязчивое сочувствие. — Когда это случилось?

Странное, немного тревожное молчание. Казалось, она не знает. На ее лице промелькнуло выражение замешательства.

— Не так… давно, — запинаясь, произнесла она.

Я хотел было воспользоваться этим преимуществом, но не мог сообразить как.

— Мне жаль, — повторил я.

Это все, на что я был способен.

Снова тишина. Я старался что-нибудь придумать — хоть что-то — и наконец ограничился повторением своего второго рискованного вопроса.

— И я на него похож?

«Возможно ли, — думал я, — чтобы частое

повторение этой мысли могло со временем заставить ее увидеть, что я более чем похож на ее мужа?»

— Немного, — ответила она. Потом пожала плечами. — Не слишком.

В тот же миг я подумал, не поможет ли мне, если я скажу, что меня тоже зовут Крис. Но что-то во мне этому воспротивилось. Это уже слишком, решил я. Не надо торопиться, или все пропадет. Я чуть не сказал: «Моя жена тоже умерла», но потом подумал, что это так же опасно, и оставил эту мысль.

Было такое ощущение, будто она читает мои мысли, хотя я был уверен, что это невозможно.

— Вашей жене нравится Хидден-Хиллз? — спросила она.

То воодушевление, что я испытал, услышав ее разумный и дружелюбный вопрос, слегка померкло, поскольку я не представлял, как на него ответить. Если бы я сказал ей, что у меня есть жена, не приняла бы она этого, в конце концов, на свой счет? И не поставила бы между нами непреодолимый барьер мысль о том, что в моей жизни есть другая женщина?

Я вдруг решил, что риск слишком велик, и ответил:

— Мы с женой не живем вместе.

Это было правдой, и такой ответ должен был ее удовлетворить.

Я надеялся, что она спросит, собираемся ли мы разводиться, и тогда я ответил бы, что наше разъединение состоит не в этом, давая ход ее мыслям в другом направлении.

Но она ничего не сказала.

Опять воцарилась тишина. Я едва не застонал от досады. Неужели мои попытки ей помочь будут состоять из бесконечной череды фальстартов, прерываемых этими паузами? Я отчаянно пытался придумать подход, в результате которого она реагировала бы побыстрее.

И ничего не мог придумать.

— Как умерла эта птичка? — неожиданно спросил я.

И снова ошибка. Она еще больше погрустнела.

— Здесь все умирает, — ответила она.

Я уставился на нее, сразу не осознав, что она не ответила на мой вопрос. Я уже собирался его повторить, когда она заговорила.

— Я пытаюсь заботиться об этих созданиях, — сказала она. — Но никто не выживает. — Она посмотрела на птичку, зажатую у нее в руках. — Никто и ничто, — пробормотала она.

Я начал говорить, но умолк, когда она продолжила.

— Одна из наших собак тоже умерла, — сказала она. — У нее был приступ эпилепсии.

«Но Кэти в безопасности», — подумал я. Я едва не произнес это вслух, но вовремя понял, что делать этого не стоит. Я размышлял, стоит ли вообще продолжать эту тему.

— У нас с женой тоже было две собаки, — сказал я. — Немецкая овчарка вроде вашей и фокстерьер по имени Кэти.

— Что? — Она пристально посмотрела на меня.

Я не сказал ничего больше в надежде, что эта мысль подействует на ее рассудок: мужчина, похожий на ее мужа, живущий отдельно от жены и имеющий двух собак — таких же, как у нее, и с теми же кличками. Стоило ли мне добавлять, что нашу немецкую овчарку тоже зовут Джинджер?

Я не осмелился этого сделать.

Тем не менее едва я стал улавливать проблеск надежды, как вдруг что-то начало застилать глаза Энн — нечто почти зримое, — словно на миг она что-то увидела, а затем сознательно от этого отстранилась. Не потому ли оставалась она здесь пленницей?

Отвернувшись от меня, она смотрела на зеленую тину бассейна. Я мог уже исчезнуть из ее поля зрения.

Какое неудачное начало.

Приют меланхолии

Когда она наконец заговорила, я не мог понять, обращается она ко мне или к себе.

— Мои сосны тоже умерли, — сказала она. — Мне все время говорили, что так и будет, но я не верила. А теперь верю. — Она медленно покачала головой. — Я стараюсь их поливать, но сейчас отключили воду. Должно быть, ремонтируют водопровод.

Не знаю, почему в тот момент это меня так сильно поразило. Возможно, она говорила о вполне земных делах. И я вспомнил слова Альберта.

Нет смысла пытаться убедить Энн в том, что ее нет в живых; она считает себя живой.

В этом был весь ужас ситуации. Если бы она знала, что совершила самоубийство и что все это — конечный результат, можно было бы найти к ней какой-нибудь подход. Сейчас в ее положении не было смысла, не было логики в том гнетущем состоянии, в котором она оказалась.

Я и правда не знал, что сказать, и все же снова услышал свой голос:

— У меня в доме вода есть.

Она обернулась, словно удивившись тому,

что я еще не ушел.

— Как это возможно? — спросила она. У нее был смущенный и раздраженный вид. — А как насчет электричества?

— У меня оно тоже есть, — сказал я, осмыслив собственные слова.

Я надеялся, что она путем сравнения поймет, что происходящее в ее доме логически нереально, и это заставит ее более тщательно изучить окрестности.

— А как насчет газоснабжения? — спросил я, продолжая следовать своей идее.

— Оно тоже отключено, — ответила она.

— А у меня нет, — сообщил я. — А телефон?

— Он… не работает, — тихо проговорила она.

Я почувствовал в ее тоне нотку недоумения, словно она опять спрашивала: «Как такое возможно?»

— Не понимаю, — сказал я, пытаясь воспользоваться преимуществом. — Не может такого быть, чтобы все вышло из строя одновременно.

— Да, это… странно.

Она пристально на меня посмотрела.

— Очень странно, — согласился я, — что это произошло только в вашем доме. Интересно почему?

Я внимательно за ней наблюдал. Дошло до нее хоть что-нибудь? Я с нетерпением ждал.

Можно было бы и догадаться.

Если бы убедить ее было так просто, то наверняка кто-то уже сделал бы это. Я понял тщетность своих усилий, когда выражение сомнения на ее лице мгновенно сменилось апатией. Она пожала плечами.

— Потому что я на вершине холма, — сказала она.

— Но почему…

Она перебила меня:

— Будьте любезны, позвоните в телефонную компанию и скажите, что у меня не работает телефон.

Я уставился на нее, испытывая сильное разочарование. На миг у меня возникло безрассудное желание сказать ей обо всем прямо — кто я такой и почему она находится здесь. Но что-то меня от этого удержало — наверное, риск все испортить.

В голову пришла другая идея.

— Почему бы вам не прийти ко мне и не позвонить им самой? — спросил я.

— Не могу, — сказала она.

— Почему?

— Я… не выхожу из дома, — сказала она. — Просто…

— Почему не выходите?

Теперь мой голос срывался от нетерпения; я досадовал на свою неспособность помочь ей хоть в малейшей степени.

— Не выхожу, и все тут, — повторила она.

Она отвернулась, но перед тем я успел заметить в ее глазах слезы.

Бессознательно я вытянул руку, чтобы ее успокоить. Джинджер зарычала, и я убрал руку. «Почувствую ли я что-нибудь, если собака нападет?» — подумал я. Буду ли истекать кровью, страдать от боли?

— Бассейн выглядит просто ужасно, — призналась Энн.

Опять это холодное отчаяние. До чего ужасным было ее существование — бесконечные дни в этом месте, невозможность избавиться от мрачного окружения.

— Прежде мне здесь так нравилось, — с несчастным видом произнесла она. — Это было мое любимое место. Посмотрите на него теперь.

Ответ на мой вопрос нашелся. На этом уровне я мог испытывать боль. Глядя на нее, я глубоко чувствовал эту боль, вспоминая, как Энн каждое

утро выходила на террасу с чашкой кофе, садилась на солнышке в ночной сорочке и халате и смотрела на кристальную воду обложенного камнями бассейна, на пышную растительность, выращенную нами вокруг. Она действительно все это любила — очень.

Ее тон сделался насмешливым.

— Какая-то исключительная местность, — заметила она.

— И все-таки в моем доме все работает, — сказал я, делая еще одну попытку.

— Рада за вас, — холодно ответила она.

В тот момент я понял, что никакой подход не сработает дважды. Я вновь оказался на первом квадрате в этой ужасной игре, вынужденный начинать все сначала.

Опять повисла тишина. Энн неподвижно стояла, глядя на покрытую тиной поверхность бассейна, рядом с ней замерла Джинджер, не сводящая с меня глаз. «Что делать?» — с отчаянием спрашивал я себя. Казалось, чем больше проходит времени, тем меньше остается у меня возможностей.

Я заставил себя сосредоточиться. Та ли это опасность, от которой предостерегал меня Альберт? Будто это унылое окружение может затянуть,

как болото, сделав меня своей частью?

— У вас есть дети? — спросил я, повинуясь импульсу.

Она повернулась и холодно, оценивающе взглянула на меня. Потом проронила:

— Четверо.

И снова отвернулась.

Я уже собирался о них спросить, но потом решил еще раз попробовать выстроить в ее сознании ряд провоцирующих «совпадений». Тема детей еще не была затронута.

— У меня тоже четверо детей, — сказал я. — Две дочери и два сына.

— Да? — молвила она, не поворачиваясь.

— Моим двум девочкам двадцать шесть и двадцать, — сообщил я. — Сыновьям двадцать три и семнадцать.

«Не слишком ли я спешу?» — подумал я.

Она вновь на меня посмотрела. Выражение ее лица не изменилось, но мне показалось, посуровели глаза.

Взяв себя в руки, я произнес:

— Моих детей зовут Луиза, Мэри, Ричард и Йен.

Теперь она снова отпрянула от меня, в лице выразилась недоверчивость. Лицо женщины,

почувствовавшей, что ее изводят, непонятно зачем. Это ее выражение вызвало у меня приступ страха. Неужели я совершил ужасную ошибку?

Поймав себя на этой мысли, я услышал собственный вопрос:

— А как зовут ваших детей?

Она не ответила.

— Миссис Нильсен? — молвил я.

Я едва не назвал ее по имени.

Ее глаза опять словно подернулись пленкой — и я вдруг со щемящим чувством что-то осознал.

Как бы близко я к ней ни подошел, я не смог бы наладить с ней связь. Всякий раз при моей попытке что-то воздействовало на нее, заставляя отключиться. Она уже мысленно избавилась от моих слов, наверное полностью стерев их из памяти.

Но я все же продолжал с выражением невольной угрозы:

— Моя старшая дочь замужем, и у нее уже трое детей. Моя младшая дочь…

Я умолк, когда она отвернулась от меня и пошла к дому, выронив из рук мертвую птичку и даже этого не заметив. Я пошел за Энн, но следовавшая за ней по пятам Джинджер обернулась с грозным рычанием. Я остановился, глядя,

как Энн от меня удаляется.

Неужели пришел конец всему?

Вдруг Энн, глянув в сторону, с испуганным криком вбежала в дом через дверь общей комнаты и с шумом задвинула стеклянную раздвижную дверь.

Я посмотрел на то место, куда она бросила взгляд, и увидел громадного тарантула, ползущего по камню.

Я застонал, но не от страха перед тарантулом, а поняв, что здесь воплотился один из самых глубоких страхов Энн. Тарантулы всегда приводили ее в ужас; она буквально заболевала, их увидев. Как это ни ужасно, но можно было предположить, что ее личный ад будет населен гигантскими пауками.

Подойдя к тарантулу, я взглянул на него. Огромный, с волосатыми, словно раздувшимися лапами, он неуклюже карабкался вверх по камню. Обернувшись, я увидел, что Энн, стоя за стеклянной дверью, смотрит на него со страхом и отвращением.

Оглядевшись по сторонам, я увидел прислоненную к стене дома лопату. Взяв ее, я вернулся к пауку. Потом наклонил лопату и держал ее перед тарантулом, пока тот не заполз на метал-

лическую часть. Поднеся лопату к краю террасы, я подбросил паука как можно дальше, и, пока он летел через бассейн, чтобы приземлиться в плюще, я спрашивал себя, настоящий ли он. Существовал ли он сам по себе или только потому, что Энн его боялась?

Я посмотрел в сторону двери в общую комнату, которая слегка приоткрылась. Сердце мое подпрыгнуло, когда я заметил на лице Энн выражение детской благодарности.

— Спасибо, — пробормотала она.

«Даже в аду существует благодарность», — с изумлением подумал я.

Я решил поскорей укрепить свои позиции.

— Я заметил, что у вас кончилась питьевая вода, — сказал я. — Можно я поставлю новую канистру?

Лицо ее немедленно приняло недоверчивое выражение, и я чуть не заскрежетал зубами.

— Что вам надо? — спросила она.

Я заставил себя улыбнуться.

— Я просто пришел вас поприветствовать. Пригласить к себе на чашку кофе.

— Я же сказала вам, что не выхожу из дома, — молвила она.

— Разве вы никогда не гуляете? — спросил я,

стараясь казаться ненавязчивым и беспечным.

Мы с ней когда-то много гуляли в Хидден-Хиллз.

Я хотел, чтобы она осознала свою изоляцию и чтобы это ее озадачило.

Она ничего не ответила, отвернувшись от меня, словно мои слова ее обидели. Я пошел в дом вслед за ней и задвинул стеклянную дверь. При этом Энн обернулась, а Джинджер снова зарычала, и шерсть у нее на загривке поднялась дыбом. Меня преследовала мысль о бесконечных бесплодных попытках достучаться до сознания Энн.

Вскоре я обратил внимание на дюжины висящих на стенах фотографий в рамках, и меня осенила другая мысль. Если бы я смог заставить ее взглянуть на одну из моих фотографий, ее наверняка поразило бы мое с ними сходство.

Не обращая внимания на рычание Джинджер, я подошел к ближайшей стене и посмотрел на свою фотографию. Все фотографии были выцветшими и плохо различимыми.

«Почему это произошло? — недоумевал я. — Было ли это частью наказания, придуманного Энн для себя?» Я хотел спросить, потом передумал. Это могло лишь растревожить ее.

Новая идея. Повернувшись к ней, я произнес:

— Я сказал вам неправду.

Она посмотрела на меня с недоверчивым опасением.

— Мы с женой больше не вместе, — сказал я, — но это не то, что вы думаете. Нас разлучила смерть.

Я вздрогнул, увидев, как ее лицо исказилось судорогой, словно в ее сердце только что вонзили нож.

Но все же мне пришлось продолжить в надежде, что я наконец на верном пути.

— Ее тоже звали Энн, — сказал я.

— Вам нравится здесь, в Хидден-Хиллз? — спросила она, будто я ничего не сказал.

— Вы меня слышали? — спросил я.

— Где вы жили прежде?

— Я сказал, ее звали Энн.

Ее лицо опять конвульсивно дернулось, на нем появилось выражение смятения и испуга.

Потом взгляд ее вновь стал отсутствующим. Отойдя от меня, она направилась в кухню. «Энн, вернись», — хотелось мне сказать. И я чуть этого не сделал. Мне хотелось крикнуть: «Это я, разве не видишь?»

Но я молчал. И, как холодный камень, опять

сдавило мне грудь отчаяние. Я старался его побороть, но на сей раз мне это хуже удавалось. В душе остался след.

— Посмотрите на это место, — сказала Энн. Она говорила механическим голосом, словно была одна. У меня возникло чувство, что это составная часть происходящего с ней процесса: постоянное повторение деталей ее положения, укрепляющее ее с ними связь. — Ничего не работает, — говорила она. — Еда портится. Не могу открыть консервы, потому что электричества нет, а консервный нож пропал. Без воды не могу вымыть посуду, и она накапливается. Телевизор не работает — думаю, он сломался. Ни радио, ни проигрывателя, ни музыки. Нет отопления, если не считать тех щепок, что я сжигаю. Дом все время холодный. Мне приходится ложиться спать в темноте, потому что нет света и все свечи израсходованы. Мусорщики больше не приезжают за мусором. Весь дом пропах отбросами и всякой дрянью. И я не могу пожаловаться, потому что не работает телефон.

Она прервала свое печальное перечисление смехом, от которого меня бросило в дрожь.

— Поставить канистру с водой? — сказала она. — Доставки не было так давно, что я

не помню, когда была последняя. — Она снова засмеялась до жути горьким смехом. — Хорошая жизнь, — сказала она. — Ей-богу, я чувствую себя персонажем из какой-нибудь пьесы Нила Саймона, когда все вокруг меня разваливается на части, а я сама как будто съеживаюсь.

Тело ее начало сотрясаться от рыданий, и я инстинктивно двинулся к ней. Путь мне, оскалив зубы, загородила Джинджер; из ее груди доносилось приглушенное свирепое рычание. Я подумал, что она напоминает Цербера. Ко мне возвращалось отчаяние.

Я взглянул на Энн. Я хорошо понимал, что она делает, но не хватало сил ее остановить.

Она убегала от правды, погружаясь в относительную безопасность печальных подробностей своего существования и создавая приют меланхолии.

Есть боль и кровь

— Что вы пьете? — спросил я, когда мне в голову пришла очередная идея.

Она взглянула на меня как на идиота.

— Что вы пьете? — повторил я. — Если вода кончилась и у вас нет больше канистр.

— Не знаю, — пробормотала она, сердито на меня глядя. — Сок или…

— Разве он не испортился? — перебил я.

— Консервированный сок… не знаю.

— Вы сказали…

Она отвернулась от меня.

— А что вы едите? — настаивал я.

— Я не могу готовить без электричества, — сказала она, словно это был ответ, а не отговорка.

— А сейчас вы голодны? — спросил я.

И снова этот недобрый взгляд.

— Вы когда-нибудь хотите есть?

— Нечасто, — холодно ответила она.

Доходил ли до нее хоть один из моих вопросов? Я начинал уставать от собственной изворотливости. И опрометчиво задал прямой вопрос:

— Вы когда-нибудь едите или пьете?

Отведя глаза, она в раздражении прошипела:

— А как вы думаете?

Я хотел было подойти к ней ближе, но остановился, когда Джинджер снова зарычала.

— Почему собака все время рычит? — спросил я. Теперь уже я говорил с раздражением. — Я пришел не для того, чтобы вас обидеть.

— У вас бы ничего не получилось, если бы и захотели, — отрезала она.

Я едва не ответил сердито, но Бог мне помог, Роберт. Закрыв глаза, я постарался вспомнить, зачем я все это делаю.

Открыв глаза, я заметил на улице ее машину, и у меня возникла новая идея.

— Это единственная ваша машина? — спросил я.

В третий раз она бросила на меня этот раздраженный взгляд.

— У всех нас есть машины, — сказала она.

— Где же они тогда?

— На них ездят, разумеется.

— Ваши дети?

— Очевидно.

— А где машина вашего мужа?

— Я же сказала, что он попал в аварию, — сжавшись, произнесла она.

— Кто-то сказал мне, что у вас есть кемпер.

— Есть.

— Где же он?

Она посмотрела на то место, где мы всегда его парковали, и на ее лице отразилось замешательство. «Она никогда прежде об этом не думала», — понял я.

— Вы не знаете, где он? — подталкивал я.

Повернувшись ко мне, она с раздражением произнесла:

— Его ремонтируют.

— Где? — спросил я.

Она заморгала, на лице появилось беспокойство, но оно сразу же сменилось отсутствующим выражением.

— Не помню, — сказала она. — Уверена, это записано в каком-то…

Она замолчала, едва я указал на ее машину.

— Как получилась вмятина?

— Кто-то врезался в нее на стоянке, пока я была в магазине.

Она с горечью улыбнулась.

— Таковы люди, — сказала она. — Тот, кто это сделал, втихомолку уехал.

— Вы ездили в магазин? — спросил я. — Мне показалось, вы говорили, что не выходите из дома.

Когда она отвечала, в ее голосе послышались

неуверенные нотки.

— Это случилось до того, как вышел из строя аккумулятор.

Мы вернулись к тому, с чего начали, потому что изгибы ее ума без конца препятствовали моим побуждениям. Как бы я ни старался, мне не удавалось сделать так, чтобы она не так остро реагировала на мои слова. Для нее имел смысл лишь тот поблекший мир, в котором она обитала. Ужасный, тоскливый смысл, тем не менее хоть какой-то смысл.

Теперь колесики у меня в голове поворачивались медленней. Ничего нового на ум не приходило, так что я вернулся к прежнему подходу. Может, стоит надавить посильней.

— Вы так и не сказали мне, как зовут ваших детей, — молвил я.

— Вам не пора уходить? — спросила она.

Я вздрогнул от неожиданности. Я позабыл о том, что для нее это была жизнь. В жизни она бы удивилась, зачем в ее доме надолго задержался незнакомый мужчина.

— Я скоро уйду, — сказал я. — Просто хочу с вами поговорить еще немного.

— Зачем?

Я сглотнул.

— Потому что я здесь новый человек. — Ответ, наверное, прозвучал невнятно, но по какой-то причине она не стала его оспаривать. — Как, вы сказали, зовут ваших детей? — спросил я.

Она отвернулась от окна и пошла в сторону гостиной.

Я отметил про себя, что она впервые проигнорировала вопрос, отказавшись на него отвечать. Было ли это позитивным знаком? Я пошел вслед за ней и Джинджер, спрашивая:

— Вашего младшего сына зовут Йен?

— Он сейчас в школе, — ответила она.

— Его зовут Йен?

— Он придет позже.

— Его зовут Йен?

— Вам лучше уйти. Он очень сильный.

— Его зовут Йен?

— Да!

— Моего сына тоже зовут Йен, — молвил я.

— Правда?

В ее голосе прозвучало равнодушие. Притворное или настоящее?

— Вашу старшую дочь зовут Луизой? — спросил я.

Войдя в гостиную, она бросила взгляд через плечо.

— Почему бы вам не…

— Луиза?

— А что, если и так? — с вызовом спросила она.

— Мою старшую дочь тоже зовут Луизой.

— До чего интересно.

Теперь ее оружием был сарказм. Она подошла к стеклянной двери; Джинджер следовала за ней по пятам. Пряталась ли она от меня теперь и в физическом смысле? И понимала ли она, что делает?

— Вашего старшего сына зовут Ричард?

— Взгляните на этот бассейн, — пробормотала она.

— Вашего старшего сына зовут Ричард?

Она повернулась ко мне; лицо ее выражало негодование.

— Послушайте, что вам надо? — спросила она, повышая голос.

Сильно раздосадованный, я едва не выложил все без обиняков. Но тут меня что-то остановило. Удивительно было, что интуиция меня не подвела. Ибо с течением времени мое восприятие все больше притуплялось.

Я улыбнулся как можно более приветливо. «Любовь, — подумал я. — Надо это делать с любовью».

— Просто меня заинтересовали удивительные совпадения в наших жизнях, — сказал я.

— Какие совпадения? — набросилась она на меня.

— Первое: то, что я похож на вашего мужа.

— Не похож, — прервала она меня. — Совсем не похож.

— Вы сказали, что похож.

— Нет, не говорила.

— Да, говорили.

— Я тогда ошибалась! — сердито произнесла она.

Зарычав, Джинджер вновь оскалила зубы.

— Ладно, извините меня, — сказал я. Следовало быть более осторожным. — Я не хотел причинить вам беспокойство. Просто мне это показалось примечательным.

Она снова стала смотреть через стеклянную дверь.

— Не вижу ничего примечательного, — пробормотала она.

— Как же… мою жену зовут Энн. Детей зовут так же, как ваших.

Она снова повернулась ко мне.

— Кто сказал, что их зовут так же? — строго спросила она.

— А меня зовут Крис, — добавил я.

Она рванулась, в изумлении глядя на меня. На один миг в ее глазах что-то засветилось, пелена спала. Я почувствовал, как у меня подпрыгнуло сердце.

Это прошло так же быстро, как и возникло.

На меня нахлынула жгучая боль. «Черт бы побрал это мерзкое место!» — думал я. Меня трясло от гнева.

Я ощутил, как еще больше уплотняюсь.

«Хватит!» — решил я. Но мне было не остановиться. Вместо того чтобы ей помочь, я опускался до уровня ее мира.

«Нет, — уговаривал я себя. — Я не стану этого делать. Я здесь, чтобы вызволить ее из этого места, а не остаться с ней тут».

Она снова от меня отвернулась, глядя через тусклое стекло, продолжая распространять вокруг себя подавленное состояние наподобие защитной оболочки.

— Не знаю, почему бы мне просто не выставить этот дом на продажу и не уехать, — сказала она. В ее голосе опять послышался горький юмор. — Но кто его купит? — продолжала она. — Самый лучший на свете агент по продаже не сможет его продать. — Она с отвращением покачала голо-

вой. — Самый лучший на свете агент не смог бы его даже отдать даром.

Теперь она закрыла глаза, опустив голову.

— Я все время вытираю мебель, — сказала она, — но пыль вновь садится. Так сухо, очень сухо. Уже очень давно не было ни капли дождя, и я…

Она умолкла. «И это тоже», — уныло подумал я. Разумеется, такой мир мог стать частью ада, предназначенного для Энн: редкие дожди и засохшая зелень.

— Не выношу грязи и беспорядка, — произнесла она прерывающимся голосом. — Но все, что вижу вокруг, — это грязь и беспорядок.

Я опять рванулся вперед, и Джинджер изготовилась к прыжку.

— Черт возьми, разве не видите, что я лишь хочу помочь? — сказал я, повысив голос.

Энн в страхе отскочила от меня, и я ощутил сильные угрызения совести. Джинджер с ворчанием направилась ко мне, и я быстро подался назад.

— Ладно, ладно, — пробубнил я, подняв ладони перед собой.

— Джинджер, — строго произнесла Энн.

Собака остановилась и взглянула на нее.

От этой неудачи мой рассудок словно оцепенел. Все мои усилия пошли прахом. Теперь вот этот промах. Я знал только, что в тот момент оказался еще дальше от Энн, чем вначале. Как ясно я теперь представлял, что имел в виду Альберт.

Этот уровень был жестокой и коварной ловушкой.

— Люди берут почитать книги и не возвращают, — продолжала Энн, словно ничего не произошло. — Пропали мои лучшие украшения. Нигде не могу их найти. Исчезла лучшая одежда.

Я уставился на нее, не имея ни малейшего представления о том, что сказать или сделать. Она опять от меня пряталась, цепляясь за подробности своего существования и не желая правильно их истолковать.

— Не знаю также, кто взял эти шахматные фигуры, — сказала она.

— Моя жена заказала для меня такой же шахматный набор, — сказал я ей. — На Рождество. Его сделал мастер по имени Александр.

Энн вздрогнула.

— Почему вы никак не оставите меня в покое?

Я потерял над собой контроль.

— Ты должна знать, зачем я здесь, — сказал я. — Ты должна знать, кто я такой.

Опять этот безумный взгляд; пелена с ее глаз спала.

— Энн, — позвал я.

Протянув руку, я до нее дотронулся.

Она задохнулась, словно мои пальцы ее обожгли. Вдруг я почувствовал, как мне в руку с силой вонзаются зубы Джинджер. Я закричал и попробовал высвободиться, но собака сильней сжала челюсти, и я протащил ее за собой по ковровому покрытию.

— Джинджер! — заорал я.

Мой крик прозвучал одновременно с криком Энн. Собака немедленно выпустила мою руку и вернулась к Энн, дрожа от волнения.

Подняв руку, я взглянул на нее. Да, боль здесь определенно существовала. И кровь. Я смотрел, как она медленно сочится из мест укусов.

«Потусторонний мир», — думал я. Это казалось насмешкой.

Нет плоти, но есть боль и кровь.

Есть только смерть!

Я поднял глаза и увидел, что Энн плачет. Она шла по комнате, пошатываясь, и по ее щекам катились слезы. Я смотрел, как она повалилась на диван, прижав к глазам левую руку.

Теперь боль в руке казалась ничтожной по сравнению с накатившим на меня новым приступом отчаяния. Я снова машинально направился к Энн, но резко остановился, когда Джинджер подалась в мою сторону. Теперь в ее рычании слышался яростный хрип, говорящий о сильном возбуждении. Я поспешно отступил назад, а Энн подняла на меня глаза. На ее лице отразился ужасный гнев.

— Вы уйдете наконец? — выкрикнула она.

Я медленно отступал назад, наблюдая за Джинджер. Когда она улеглась на пол в напряженной позе, я остановился. Оглянувшись, я увидел, что стою около банкетки перед фортепиано. Попятившись назад, я медленно на нее опустился, не сводя взгляда с собаки.

— Мне нужен Крис, — рыдая, пробормотала Энн.

Я уставился на нее, чувствуя себя совершенно

беспомощным.

— Я хочу, чтобы он вернулся. Он нужен мне, — молвила она. — Где он? О господи, где он?

Я судорожно сглотнул. В горле пересохло; было больно. Рука болела от укуса. Возможно, я снова был живым. Этот уровень невероятно близок к жизни. И все же страшно далек — присутствуют лишь мучительные ощущения, никаких положительных эмоций.

— Расскажите мне о нем, — услышал я собственный голос.

Не знаю, зачем я это сказал. Теперь мне приходилось напрягаться. С каждым проходящим мгновением следующее усилие давалось с трудом.

Она продолжала рыдать.

— Как он выглядел? — спросил я.

И снова я понимал, что затеваю. Не знал только, получится ли. С чего бы вдруг? Раньше не получалось.

И все-таки я продолжал.

— Он был высоким? — спросил я.

Она судорожно вздохнула, вытирая слезы со щек.

— Да?

Она порывисто кивнула.

— Таким же, как я? — спросил я.

Она не ответила. Послышалось судорожное рыдание.

— У меня рост шесть футов два дюйма. Он был таким же?

— Выше.

Она сжала губы.

Я проигнорировал ее реакцию.

— Какого цвета у него были волосы? — спросил я.

Она потерла глаза.

— Какого цвета?

— Уходите, — пробурчала она.

— Я лишь пытаюсь помочь.

— Мне нельзя помочь.

Сквозь стиснутые зубы.

— Помочь можно всякому, — возразил я.

Она равнодушно посмотрела на меня.

— Если человек попросит, — добавил я.

Она опустила глаза. Дошло ли хоть в какой-то степени до ее сознания значение моих слов?

Я задал следующий вопрос:

— Он был светловолосым?

Она коротко кивнула.

— Как я?

Она вновь стиснула зубы.

— Нет.

Я поборол сильное желание оставить свои попытки, встать, выйти из дома, вернуться в Страну вечного лета и выждать. Все это казалось совершенно безнадежным.

— Чем он занимался? — спросил я.

Она не открывала глаз. Из-под сжатых век лились слезы и скатывались по бледным щекам.

— Я слышал, он писал для телевидения.

Она что-то пробормотала.

— Это правда?

— Да.

Снова сквозь стиснутые зубы.

— Я тоже пишу для телевидения, — сообщил я.

Мне казалось невероятным, что она не видит связи. Ведь все так очевидно. Но она этого не видела. Во всей полноте раскрылся передо мной смысл фразы: «Слеп лишь тот, кто не желает видеть».

Мне хотелось уйти. Но я не мог ее оставить.

— У него были зеленые глаза? — с усилием спросил я.

Она слабо кивнула.

— У меня тоже, — сказал я.

Ответа не было.

Я порывисто вздохнул.

— Энн, разве не видишь, кто я такой? — с мольбой произнес я.

Она открыла глаза, и еще на один миг у меня возникло ощущение, что она меня узнала. Я сжался, подавшись к ней.

Но она отвернула лицо, и я вновь содрогнулся. Боже правый, есть ли на небесах или в аду способ до нее достучаться?

Она быстро повернулась ко мне.

— Зачем вы меня мучаете? — жалобно спросила она.

— Пытаюсь объяснить вам, кто я такой.

Я ждал от нее неизбежного вопроса: «Кто вы такой?» Но вопроса так и не последовало. Вместо этого она рухнула обратно на диван, закрыв глаза и медленно покачивая головой из стороны в сторону.

— У меня ничего нет, — сказала она. Непонятно было, разговаривает ли она с собой или со мной. — Муж умер. Дети выросли. Я совершенно одна. Всеми покинута. Будь у меня смелость, я бы с собой покончила.

Ее слова меня ужаснули. Совершить самоубийство и оказаться в месте, настолько жутком, что это заставило ее помыслить о самоубийстве. Искаженное, неумолимое отражение внутри

отражения.

— Я чувствую себя такой осоловелой, — сказала она. — Такой усталой и осоловелой. С трудом передвигаю ноги. Сплю и сплю, а просыпаюсь всегда изможденной. Чувствую внутри пустоту. Опустошенность.

Мне вспомнились слова Альберта, и это было мучительно. «Вот что происходит с самоубийцей, — говорил он. — Ему кажется, что его выдолбили изнутри. Поскольку его физическое тело преждевременно исчезает, пустоту заполняет эфирное тело. Но это эфирное тело дает ощущение пустой скорлупы в течение всего времени, пока должно было существовать физическое тело».

В тот момент мне стало ясно, почему мне не удавалось достичь ее сознания.

Поместив себя в это место, она лишила свою память всех позитивных воспоминаний. Ее наказание — хотя она сама навлекла его на себя — состояло в том, что она вспоминала лишь неприятные моменты из жизни. Смотрела на прежний мир через линзу абсолютного негативизма. Не видела света, а только тени.

— Что вы чувствуете, находясь здесь? — порывисто спросил я.

В животе у меня похолодело. Потихоньку начал подкрадываться страх.

Энн смотрела на меня, но, отвечая, казалось, вглядывалась во мрак своих мыслей. Впервые она рассказывала подробно.

— Я вижу, но не отчетливо, — говорила она. — Слышу, но не очень хорошо. Происходят вещи, которых я не могу понять. Полное понимание от меня ускользает. Мне никак его не достичь. Все происходит помимо меня. Я сержусь оттого, что не вижу и не слышу отчетливо, что не все понимаю. Поскольку знаю, что это не моя вина. Но что все вокруг меня неуловимо и не совсем доступно для понимания. Что меня как будто обманывают. Подшучивают надо мной. Прямо у меня на глазах происходят какие-то вещи. Я все это вижу, но не уверена, что понимаю, хотя может показаться, что понимаю. Всегда остается что-то выше моего разумения. Нечто ускользающее от меня, непонятно почему.

Она помолчала, как будто пытаясь разобраться в своих мыслях.

— Я пытаюсь понять то, что происходит, но не могу. Даже сейчас, разговаривая с вами, я чувствую, что упускаю какие-то вещи. Я говорю себе, что со мной все в порядке, что искажено

все меня окружающее. Но пока я об этом думаю, у меня появляется предчувствие, что дело во мне. Что у меня очередной нервный срыв, но на этот раз его трудно распознать, потому что он неявно выражен. Все от меня ускользает. Не могу выразить это лучше. Подобно тому как в доме все вышло из строя, так и в моей голове все вышло из строя. Я все время в каком-то замешательстве, словно не в себе. Я чувствую себя, как, наверное, чувствовал себя мой муж в одном из снов, часто ему снившихся.

Я поймал себя на том, что наклоняюсь к ней, озабоченный тем, чтобы не пропустить ни одного ее слова.

— Он приезжает в Нью-Йорк, но никак не может со мной связаться. Разговаривает с людьми; они его, похоже, понимают, и он понимает их. Но что бы они ни говорили, ничего не выходит. Он звонит по телефону, но попадает не туда. Он не может найти свои вещи. Он не помнит, где остановился. Он знает, что приехал в Нью-Йорк с какой-то целью, но не помнит с какой. Он знает, что у него не хватит денег на обратный билет до Калифорнии и что все его кредитные карточки потеряны. Он никак не может понять, что происходит. То же самое чувствую и я.

— Тогда откуда вы знаете, что все это не сон? — спросил я.

Слабый проблеск в ее глазах.

— Потому что я вижу и слышу, — ответила она. — И чувствую.

— В снах вы тоже видите и слышите… и чувствуете, — откликнулся я.

Мой разум изнемогал от усилий, но я понял, что в этом нечто есть. Какая-то зацепка.

— Это не сон, — сказала она.

— Откуда вы знаете?

— Это не сон.

— А мог быть сон.

— Зачем вы это говорите?

В голосе ее опять звучала тревога.

— Пытаюсь вам помочь, — сказал я.

Она ответила:

— Хотелось бы мне в это поверить.

Мне показалось, словно к теням, заполняющим мое сознание, прикоснулся слабый свет. Прежде она совсем мне не верила. Теперь хотела бы поверить. Это был хотя и маленький, но все-таки шаг.

У меня возникла новая мысль — первая за долгий промежуток времени, как я понял. Неужели у меня прояснилось в голове?

— Мой сын Ричард интересовался… — Я позабыл слово. — Экстрасенсорным восприятием, — закончил я.

Когда я произнес его имя, лицо Энн напряглось.

— Он общался с медиумом, — пояснил я.

Снова напряжение на ее лице. Была ли в моих словах польза или вред? Я не знал. Но надо было идти дальше.

— После долгих размышлений он пришел к выводу, что… — Я собрался с духом. — Что существует жизнь после смерти.

— Это глупо, — не раздумывая, сказала она.

— Нет. — Я покачал головой. — Нет, он в это верит. Он чувствует, есть доказательство того, что бессмертие существует.

Она покачала головой, но ничего не сказала.

— Он считает, что убийство — самое ужасное преступление, на какое способен человек, — сказал я и посмотрел ей прямо в глаза. — И самоубийство.

Она содрогнулась всем телом, попыталась удержаться на ногах, но без сил снова рухнула на диван.

— Не понимаю… — прошептала она.

Теперь в голове у меня прояснилось.

— Он считает, что отбирать жизнь может только Бог, — сказал я.

— Зачем вы мне это говорите? — спросила она тихим, срывающимся голосом.

Говоря, она дрожала, свернувшись на диване калачиком. Джинджер испуганно смотрела на нее, прижав уши. Собака чувствовала: что-то не так, но не понимала, что именно.

Мне опять пришлось взять себя в руки.

— Говорю это потому, что моя жена совершила самоубийство, — сказал я. — Она приняла смертельную дозу снотворного.

Опять в глазах у нее появилась эта пустота. Почему-то это произошло почти мгновенно, словно Энн не смогла ее сдержать. Она покачала головой.

— Не верю… — начала она.

Голос прозвучал невнятно.

Я стал соображать еще лучше.

— Меня беспокоит то, что Ричард верит, будто она еще существует, — сказал я.

Ни звука. Покачивание головой.

— Что она находится в доме, напоминающем наш, — продолжал я. — Вернее, его мрачную, негативную копию. Все унылое и холодное. Ничего не работает. Грязь и запустение.

Ее голова продолжала трястись. Она бормотала невнятные слова.

— Думаю, он прав, — сказал я. — Думаю, что смерть — продолжение жизни. Что человек существует и после.

— Нет.

Из гортани ее вырвался задушенный звук.

— Разве вы не видите? — спросил я. — Ваш дом был красивым, теплым и нарядным. Почему он должен быть таким, как этот? Почему?

Она продолжала от меня отодвигаться. Я понимал, что она в ужасе, но должен был идти дальше. Это был первый подход, принесший хоть какие-то результаты.

— Почему ваш дом должен выглядеть таким безобразным? — спросил я. — Разве в этом есть смысл? Почему отключены газ, электричество, вода и телефон? Есть ли в этом хоть какая-то логика? Почему лужайки, кусты и деревья засохли? Почему умирают птицы? Почему нет дождей? Почему все в вашей жизни должно одновременно нарушиться?

Ее голос прозвучал совсем слабо. Думаю, она сказала:

— Оставьте меня в покое.

Я продолжал:

— Разве ты не понимаешь, что этот дом — лишь копия знакомого тебе дома? Что ты сейчас здесь только потому, что веришь в его реальность? Разве не видишь, что это существование ты сама создала для себя?

Она покачала головой с видом испуганного ребенка.

— Неужели не понимаешь, зачем я тебе все это рассказываю? — молвил я. — Дело не в том, что у моих детей такие же имена, как у твоих. И не в том, что мою жену зовут так же, как тебя. Твои дети — это и мои дети. Ты — моя жена. А я — не просто мужчина, похожий на твоего мужа. Я и есть твой муж. Мы существуем в потустороннем мире…

Я умолк, когда она вскочила на ноги.

— Ложь! — выкрикнула она.

— Нет! — Я тоже вскочил. — Нет, Энн!

— Ложь! — раздался ее пронзительный крик. — Потустороннего мира не существует! Есть только смерть!

Битва завершена

Мы стояли друг против друга, как гладиаторы на песке какой-то неведомой арены. «Смертельная битва», — пришла мне на ум странная мысль. Но мы оба были мертвы. Тогда что же за битва происходила между нами?

Я знал только, что, если не сумею ее выиграть, в проигрыше будем мы оба.

— Жизни после смерти не существует, — начал я.

— Никакой.

Пристальный взгляд, почти гипнотизирующий меня своим вызовом.

— В таком случае я не смог бы узнать о том, что произошло после моей смерти.

На ее лице на миг отразилось смущение, потом она насмешливо пробормотала:

— Твоей смерти.

— Я говорю, что я Крис, — сказал я.

— Ты…

— Твой муж Крис.

— А я говорю, что ты болван.

Теперь к ней, казалось, возвращались силы.

— Верь во что угодно, — настаивал я. —

Но кто бы я ни был, я не мог бы знать, что произошло с тобой после смерти твоего мужа, верно? То есть подробности, — добавил я, прерывая ее. — Мог или не мог?

Она недоверчиво взглянула на меня. Я понимал, что она озадачена и не осознаёт, чего я от нее добиваюсь. Я быстро продолжал, чтобы не дать ей опомниться.

— Нет, не мог, — сам ответил я. — Ты ведь знаешь, что не мог. Потому что, если бы мог…

— Какие подробности? — сердито перебила она.

— Например: ты с детьми сидишь на переднем ряду в церкви. Кто-то дотрагивается до твоего плеча, и ты вздрагиваешь.

По ее реакции я понял, что мой откровенный шаг был ошибочным. Очевидно, она не помнила моего прикосновения. Она взглянула на меня с нескрываемым презрением.

— Или дом, заполненный пришедшими с похорон людьми, — продолжал я. — Ричард готовит напитки в баре…

— Ты думаешь… — вздрогнула она.

— Там твой брат Билл, Пэт, твой брат Фил, его жена и…

— И это ты называешь…

— Ты за закрытой дверью спальни, лежишь на кровати, рядом сидит Йен, держит тебя за руку.

Я понял, что попал в точку, — она дернулась, словно ее ударили. Этот скорбный момент она живо помнила. Теперь я почувствовал себя уверенней.

— Йен говорит тебе, что хотя это звучит неправдоподобно, но он чувствует меня рядом.

Энн задрожала.

— Ты ему говоришь: «Знаю, что ты хочешь помочь…»

Она что-то прошептала.

— Что?

Она прошептала снова. И опять я не услышал.

— Что такое, Энн?

— Оставь меня в покое, — хрипло произнесла она.

— Ты знаешь, что я прав, — сказал я. — Знаешь, что я там был. А это доказывает…

Опять пелена у нее на глазах. Она возникла мгновенно и казалась плотной, почти материальной. Энн отвернула голову.

— Хорошо бы пошел дождь, — пробубнила она.

— Я ведь прав, — сказал я. — Все это действительно произошло. Верно?

Она с трудом поднялась на ноги, вид у нее был осоловелый.

— Ты что, боишься услышать правду?

Она опустилась обратно на диван.

— Какую правду? — Ее тело дергалось в конвульсиях. — О чем ты говоришь?

— Загробной жизни не существует?

— Нет!

Ее лицо напряглось от страха и гнева.

— Тогда зачем ты согласилась на сеанс с Перри?

Она снова дернулась, словно ее ударили.

— Он говорил тебе, что я сижу около тебя на кладбище, — молвил я. — Я тебе скажу, что он говорил, слово в слово. «Я знаю, что вы чувствуете, миссис Нильсен, но поверьте мне на слово. Я вижу его рядом с вами. На нем темно-голубая рубашка с короткими рукавами, синие клетчатые брюки…»

— Ты лжешь. Лжешь.

Ее голос звучал гортанно, зубы были крепко стиснуты, на лице выражение гневного возмущения.

— Сказать тебе, что ты говорила Перри дома?

Она попробовала снова подняться, но не смогла. Взгляд у нее помутился, но тут же вновь

прояснился.

— Меня это не интересует, — пробормотала она.

— Ты сказала: «Я не верю в жизнь после смерти. Я верю в то, что, когда мы умираем, мы умираем, и это конец».

— Это правильно! — воскликнула она.

Проблеск тщетной надежды.

— Ты сказала именно это?

— Смерть — конец всему!

Я поборол вспышку отчаяния.

— Тогда откуда мне известны все эти вещи? — спросил я.

— Ты их придумал!

— Ты ведь знаешь, что это неправда! Ты знаешь, что все мной рассказанное в точности соответствует действительности!

На этот раз ей удалось подняться на ноги.

— Не знаю, кто ты, — сказала она, — но тебе лучше отсюда убраться, пока не поздно.

— Для кого поздно? — спросил я. — Для тебя или меня?

— Для тебя!

— Нет, Энн, — сказал я. — Я-то знаю, что произошло. Это ты не понимаешь.

— И ты мой муж? — спросила она.

— Да.

— Мистер, — молвила она, почти выплевывая в меня это слово. — Вот смотрю я на вас и вижу, что вы не мой муж.

Я ощутил в груди внезапный тоскливый холод.

Увидев мою реакцию, она тотчас же этим воспользовалась.

— Будь вы моим мужем, — сказала она, — вы бы не говорили мне подобных вещей. Крис был добрым. Он меня любил.

— Я тоже тебя люблю. — На меня наваливалась депрессия. — Я сейчас здесь, потому что тебя люблю.

Ее смех прозвучал цинично и холодно.

— Люблю, — повторила она. — Вы даже меня не знаете.

Почва ускользала у меня из-под ног.

— Знаю! — крикнул я. — Я — Крис! Разве не видишь?! Крис!

Мое поражение довершила ее высокомерная улыбка.

— Как же тогда вы можете быть здесь? — спросила она. — Он мертв.

Все было напрасно. Убедить ее было невозможно, потому что она просто не могла себе представить жизнь после смерти. Ни один че-

ловек не может себе представить невозможное. А для Энн жизнь после смерти казалась невозможной.

Повернувшись, она вышла из гостиной в сопровождении Джинджер.

Поначалу это потрясение никак на мне не отразилось. Я сидел и смотрел, как она уходит, будто мне это безразлично. Но потом до меня дошло, и я ощутил как будто удар молнии. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы ее убедить. Я почти заставил ее поверить, но, как оказалось, ничего не достиг.

Ничего.

Я пошел вслед за ней, но теперь без всякой надежды. Казалось, с каждым шагом мой рассудок и тело становятся все более вязкими — цепенели мысли, затвердевала плоть, — чем дальше, тем хуже.

В какой-то жуткий миг я подумал, что снова дома, что я часть этого места.

Очнувшись, я воспротивился этому омерзительному процессу. Я бы не вынес, если б остался здесь. Это было бы невыносимо.

Раздавшийся из нашей спальни крик ужаса заставил меня бежать.

Я говорю «бежать», но на самом деле я с тру-

дом переставлял словно налитые свинцом ноги. Именно в этот момент я осознал то, о чем говорила Энн. Как и она, я с трудом двигался. А для нее это было даже хуже.

Я остановился в дверях спальни. Мне навстречу повернулась Джинджер. Прижавшись к стене, Энн не отрываясь смотрела на кровать.

По несвежему, выцветшему покрывалу полз тарантул размером с мужской кулак.

Все замерли. Энн у стены. Джинджер смотрит на меня. Я в дверном проеме.

С медлительной неповоротливостью двигался только огромный волосатый паук.

Устремившись к подушке со стороны Энн, я услышал булькающий звук, словно она чем-то подавилась.

На какой-то жуткий миг я представил, что Энн сама сделала это с собой — бессознательное наказание за то, что не поверила моим словам. Создала образ самого омерзительного существа, какое могла себе вообразить, — огромного тарантула, разгуливающего по ее подушке.

Не знаю, почему Джинджер даже не пошевельнулась, когда я вошел в комнату. Потому ли, что теперь почувствовала мое желание помочь Энн? Ответа я не знаю. Знаю только, что она

позволила мне пройти мимо Энн и подойти к кровати.

Осторожно подняв подушку, я стал поворачиваться. Когда паук вдруг метнулся к моей правой руке, я, судорожно вздохнув, отбросил его в сторону. Он с глухим стуком упал на покрывало, а Энн слабо вскрикнула.

Я поспешно схватил подушку и накрыл ею паука. Потом как можно быстрее сгреб покрывало за углы и закрыл им подушку. Подняв узел, я поднес его к двери и рывком раздвинул дверь. Вышвырнув покрывало, я вновь задвинул дверь и запер ее.

Обернувшись, я увидел, как Энн нетвердой походкой идет к кровати и валится на нее, словно неживая.

Я смотрел на нее, не в силах пошевельнуться.

Делать больше было нечего. Я исчерпал все возможности.

Противостояние окончилось, битва завершена.

Да будет ад нашим раем

Энн неподвижно лежала на левом боку, подтянув ноги к животу и плотно сжав руки под подбородком. Взгляд ее глаз, в которых поблескивали остатки слез, был невидящим. Когда я присел на другую сторону кровати, она даже не пошевельнулась и если и чувствовала мой взгляд на неподвижном, как маска, лице, то никак этого не показывала.

На полу у кровати спала утомленная Джинджер. Я повернул голову и посмотрел на нее, ощущая прилив нежности и жалости. Какая безусловная преданность! Если бы только она могла понять происходящее.

Я снова взглянул на Энн. Я ощущал во всем теле холод и ломоту. Сидя там, я понимал, что меня подкарауливают темные страшные силы, готовые затянуть в ту пустоту, в которой пребывала Энн. Позволь я этому случиться, и жуткая атмосфера полностью меня поглотит, превратив, как и ее, в пленника, забывшего про все, что было прежде.

Я с ужасающей ясностью понял, до чего глупы и самонадеянны были мои надежды. Альберт

пытался меня предостеречь, но я не послушался. Теперь наконец я это осознал.

Достучаться до Энн невозможно.

И все же слова находились. Те слова, которые я хотел до нее донести, — теперь, когда я мог сказать их ей с глазу на глаз. Те слова, которые, как я понимал, не могли на нее подействовать, но которые переполняли мой разум и душу.

— Помнишь, как ты все время писала людям благодарственные записки? — спросил я. — За обеды, подарки, услуги? Я, бывало, тебя поддразнивал, потому что ты их писала без конца! Но это было очень мило, Энн. Мне всегда так казалось.

Ни звука с ее стороны. Безжизненное тело на кровати. Я дотянулся до ее правой руки и взял в свои ладони. Рука была холодной и вялой. Держа ее в своих ладонях, я продолжал говорить.

— Теперь я хочу на словах поблагодарить тебя. Не знаю, что с нами будет. Молю Бога, чтобы мы когда-нибудь, где-нибудь оказались вместе, но сейчас я понятия не имею, возможно ли это. Вот почему сейчас я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала, за все, что для меня значила. Один человек — ты его не знаешь — говорил мне, что мысли реальны

и вечны. Так что, если даже ты не поймешь мои слова сейчас, знаю, придет время, когда они до тебя дойдут.

Сжав ее руку ладонями, чтобы согреть, я рассказал ей о своих чувствах.

— Благодарю тебя, Энн, за все то, что ты сделала для меня в жизни, — от самого малого до большого. Все, что ты делала, имеет смысл, и я хочу, чтобы ты знала о моей благодарности за все.

Спасибо за то, что содержала в чистоте мою одежду, наш дом, себя. За то, что всегда была свежей, душистой, всегда ухоженной.

Спасибо за то, что меня кормила. За приготовление разнообразных вкусных блюд. За то, что пекла пироги, а ведь мало кто из женщин это делает.

Спасибо, что беспокоилась за меня, когда у меня бывали разные сложности. За сочувствие, когда я бывал расстроен.

Спасибо за твое чувство юмора. За то, что заставляла меня смеяться, когда я в этом нуждался. За то, что заставляла меня смеяться, когда я в этом не нуждался и не ожидал этого, но все равно получал удовольствие от ощущения остроты жизни.

Спасибо, что ухаживала за мной, когда я бо-

лел. Что всегда заботилась о том, чтобы постель и пижама были чистыми, чтобы вкусно меня накормить и чтобы был свежий сок или вода. Чтобы было что почитать, чтобы работали телевизор или радио и чтобы в доме стояла тишина, когда я отдыхаю. И все это в дополнение к прочим твоим обязанностям.

Спасибо, что разделяла со мной мою любовь к музыке. За то, что разделяла со мной любовь к красоте и природе.

Спасибо за то, что помогала нам обрести наш чудесный стиль жизни. За то, что обставляла и украшала наши жилища, делая их открытыми для знакомых и друзей.

Спасибо за то, что относилась с любовью к моим друзьям и родственникам. Спасибо за то, что помогла наладить множество взаимных дружеских контактов. Спасибо за то, что была тем человеком, которым я гордился, независимо от того, где я бывал и кого видел.

Спасибо за нашу близость. За то, что дарила мне свое тело. За то, что сделала нашу сексуальную жизнь такой насыщенной и волнующей. За то, что щадила мое сексуальное эго. За то, что наслаждалась моим телом в той же степени, как я твоим. За тепло твоего тела в холодные

ночи и неизменное тепло твоей любви.

Спасибо за то, что верила в мою работу и мой окончательный успех. Знаю, это было нелегко из-за детей, счетов и различного рода мешающих факторов. Но ты никогда не сомневалась в моем успехе, и спасибо тебе за это.

Спасибо тебе за воспоминания о том, что мы делали вместе с тобой и детьми. Спасибо за то, что предложила купить для семьи кемпер, за то, что помогла приобщить меня и детей к радостям походной жизни. Я знаю, что теперь это будет частью их жизни, как было частью нашей. Спасибо за все чудесные национальные парки, что мы видели вместе. За Секвойю и Йосемитский парк, Лассен-Волканик и Шаста, Олимпийский парк и Маунт-Ранье, Глетчер и Йеллоустонский парк, Большой каньон и Брайс. За Канаду и все штаты, которые мы проехали от побережья до побережья.

Спасибо, что помогла нам обрести и разделила с нами удовольствие от путешествий на Гавайи и в южные моря, в Европу и по Соединенным Штатам.

Энн, ты помнишь проведенные нами вместе рождественские праздники? Как мы, бывало, отправлялись все вместе в кемпере на елочный

базар в Рисиде и выбирали елку? Как прохаживались между рядами пушистых, пахнущих хвоей елок и сосен, смеясь, переговариваясь и споря, пока наконец не выбирали такую, чтобы нравилась всем? Как привозили ее домой, ставили в гостиной, украшали игрушками и мишурой, вешали гирлянды лампочек? Как вместе сидели, глядя на нее и слушая записи рождественских песен? Как повторяли всегда, каждый год, что эта елка самая лучшая из всех, и для нас так оно и было? Я помню все эти дорогие мне минуты и благодарю тебя за них.

Спасибо за те воспоминания о нас двоих, что у меня сохранились. Когда мы в выходные отправлялись на машине или автобусе в разные интересные места. Ходили вместе за покупками. Гуляли. Сидели на скамейке и любовались холмами при закате солнца. Я обычно обнимал тебя, а ты прижималась ко мне, и мы смотрели, как заходит солнце. Это было счастье, Энн.

Помнишь овец, обычно пасшихся на тех холмах? Как мы смотрели на них, улыбаясь при звуках несмолкаемого блеяния и нежного позвякивания колокольчиков у них на шеях? Ты помнишь стада коров, приходивших иногда на эти холмы? Милые воспоминания, Энн. Благо-

дарю тебя за них.

Спасибо за то, что я мог наблюдать твое общение с птицами. Смотреть, как ты за ними ухаживаешь, лечишь их, одаривая их своей любовью, из года в год. Эти птицы ждут тебя, Энн. Благодарю тебя за них.

Спасибо за то, что показывала мне пример мужества и стойкости, когда выздоравливала после нервного срыва. То было ужасное время в твоей жизни, в жизни каждого из нас. Бессонные ночи, страхи и неуверенность, болезненные воспоминания о твоем прошлом. Годы усилий, борьбы, надежд.

Спасибо за то, что не позволяла этим годам себя сломить. Что не оставляла попыток вырасти над собой и воспитать свою волю, несмотря на душевные раны, полученные в детстве. И хотя я этого не хотел, спасибо за то, что ты изо всех сил старалась оградить меня от собственных страданий на протяжении всего этого времени.

Спасибо за то, что ты все время старалась развиваться как личность, несмотря на то что высоко ценила свое замужество и семью. За твое желание расти и успехи в этом.

Ты помнишь, как снова пошла учиться? Сначала прошла отдельный курс или два, потом, через

некоторое время, занялась этим более углубленно и получила степень младшего члена Академии художеств, а потом степень бакалавра и стала готовиться к работе в качестве консультанта. Я так гордился тобой, Энн. Мне бы хотелось, чтобы ты продолжала этим заниматься. Ты была бы замечательным консультантом — сопереживающим и любящим.

Спасибо тебе за наших детей. Спасибо за то, что чистый и прекрасный сосуд твоего тела дал им материальные жизни. Ты знаешь, я ведь помню точное время рождения каждого из них. Луиза — в три часа семь минут пополудни 22 января 1951-го; Ричард — в семь часов две минуты утра 14 октября 1953-го; Мэри — в девять часов четыре минуты вечера 5 июля 1956-го и Йен — в восемь часов семь минут утра 25 февраля 1959-го. Спасибо тебе за радость, испытанную мной, когда я впервые увидел каждого из них, — и за ту радость, которую доставлял мне каждый из них. Спасибо, что учила меня быть внимательным к ним и уважать их индивидуальность. Спасибо за то, что была прекрасным примером для наших дочерей и сыновей, показывая им, какой должна быть жена и мать.

Спасибо за то, что не мешала мне быть самим

собой. За то, что принимала меня таким, каким я был, не придумывая себе какой-то другой образ. Спасибо за то, что твое сознание и чувства были так созвучны с моими. За то, что не давала моим возвышенным мыслям унестись далеко от земли, за то, что не была ни лидером, ни подчиненным, а тем и другим, как того требовали обстоятельства. За то, что была женщиной, принимая то, что я мог предложить как мужчина. За то, что всегда помогала мне ощущать себя мужчиной.

Спасибо за то, что была терпима к моим неудачам. За то, что, не ущемляя моего самомнения, не давала ему вырасти сверх разумных границ. За то, что внушала мне представление о том, что я — человеческое существо, у которого есть обязанности. Спасибо за то, что переделывала меня, но всегда незаметно для меня. За то, что помогла мне лучше себя понять. За то, что помогла мне совершить больше с тобой вместе, чем я мог бы один.

Спасибо за то, что поощряла меня обсуждать наши проблемы, в особенности с течением лет. Оттого что мы учились говорить друг с другом, наш брак становился все лучше. Спасибо за то, что помогала мне сочетать идеи с чувствами

и полноценно с тобой общаться. Спасибо за симпатию и любовь, за то, что ты была мне не только женой и возлюбленной, но и другом.

Спасибо тебе за твое воображение, которое помогало нам в жизни. За то, что учила меня ценить новые начинания и идеи. За то, что привила мне любовь к риску во всем, начиная с малого.

Спасибо за то, что своими действиями, а не словами показывала мне, как правильно поступать в отношении других людей. За то, что учила меня на своем примере тому, что жертвенность может быть позитивным проявлением любви. Спасибо за то, что дала мне возможность созреть.

Спасибо за твою надежность. За то, что всегда была там, где я в тебе нуждался. Спасибо за твою честность, моральные принципы и сопереживание. Спасибо тебе даже и за наши трудные времена, потому что тогда я учился самосовершенствоваться.

Прости меня за те случаи, когда я обманывал твои ожидания, когда мне не хватало понимания, которого ты заслуживала. Прости, если был недостаточно терпелив и добр. Прости за все случаи, когда я проявлял эгоизм и не видел твоих нужд. Я всегда любил тебя, Энн, но часто разочаровывал. Прости за все это и спасибо тебе за то,

что заставляла меня чувствовать себя сильнее, чем я был, мудрее, способнее. Спасибо, Энн, за то, что скрасила мне жизнь своим чудным присутствием, за то, что привнесла в мое существование частичку своей милосердной души.

Спасибо тебе, любовь моя, за все.

Теперь она смотрела на меня с таким страдальческим выражением, что на миг я пожалел о сказанном.

Но это выражение моментально исчезло.

В ее глазах что-то появилось.

Неуловимое и расплывчатое, борющееся за существование. Как пламя свечи на ветру.

Но это определенно было.

Как она старалась. Боже правый, как она старалась, Роберт. На ее лице отражался каждый миг этой борьбы. Что-то в моих словах зажгло в ее сознании крошечный огонек, и теперь она пыталась его сохранить. Не понимая даже, что именно осветило ее жизнь. Не понимая даже, что оно зажглось, а лишь его чувствуя. Осознав что-то. Что-то иное. Нечто, отличающееся от ее жалкого существования.

Я не знал, что делать.

Следовало ли мне говорить дальше, чтобы поддержать пламя? Или хранить молчание,

дав ей время самой подбросить топлива в огонь? Я не знал. В этот самый напряженный момент наших отношений я оказался в растерянности.

Так что я ничего не предпринял. Не отрываясь смотрел в ее лицо. Ее лицо было как у ребенка, силящегося понять некую важную, далеко запрятанную тайну.

«Пытайся», — умолял я мысленно.

То было единственное слово, приходившее мне на ум. Пытайся. Думаю, я даже кивал в знак одобрения. Пытайся. Думаю, я улыбался. Пытайся. Я крепко держал ее за руку. Пытайся. Я почувствовал, как мы оба задрожали. Пытайся, Энн. Пытайся. Каждый миг нашей долгой близости — от момента нашей встречи до этого невероятного мига — сейчас достиг кульминации. Пытайся, Энн. Пытайся. Прошу тебя, пытайся.

Пламя погасло.

Я видел, как оно умирает. Секунду оно еще теплилось, едва заметное. Потом пропало, и его слабый отблеск исчез из ее сознания. И то, как менялось выражение ее лица — от тревожной надежды до унылого безразличия, — было для меня самым ужасным зрелищем, что я видел с момента своей смерти.

— Энн! — закричал я.

Никакого отклика. Ни в словах, ни в выражении лица.

Все мои попытки оказались тщетными.

Я молча смотрел на нее; проходили мгновения.

Пока для меня не стал очевидным единственный возможный ответ.

Я не могу оставить ее здесь одну.

Удивительно, но почему-то самое ужасающее решение из тех, что я принял за все свое существование, привело меня в состояние умиротворения.

Тотчас же меня начали окутывать злые чары этого места.

Теперь остановить это было невозможно. Я чувствовал, как цепенеет моя плоть, ощущал это жуткое, леденящее отвердение всего тела.

Я попытался было побороть это ощущение, но тут на меня накатила волна бессознательного ужаса.

Я остановил себя.

Это было единственное, что я мог для нее сделать.

Скоро я перестану это осознавать, буду лишен даже утешительной возможности помнить о собственном поступке. Но тогда, в те короткие мгновения, я точно знал, что делаю. Единствен-

ное, что оставалось сделать.

Отказаться от рая, чтобы быть с ней.

Доказать свою любовь, оставшись подле нее на эти двадцать четыре года, которые ей предстояло здесь пробыть.

Я молился о том, чтобы мое общение — каким бы оно ни оказалось, когда я перестану контролировать ситуацию, — хотя бы в незначительной степени уменьшило муки ее существования в этом ужасном месте.

Но я здесь останусь во что бы то ни стало.

Я вздрогнул, озираясь по сторонам.

Джинджер лизала мою свободную руку.

Пока я, не веря глазам, смотрел на собаку, я услышал то, что показалось мне прекраснейшим во всей Вселенной звуком.

Голос Энн, произносивший мое имя.

Я в изумлении повернулся к ней. Слезы у нее на глазах высохли.

— Это и правда ты? — пробормотала она.

— Да, Энн. Правда.

Я видел ее сквозь мерцающую пелену слез.

— Ты это сделал… для меня?

Я кивнул.

— Да, Энн, да. Да.

Я уже чувствовал, что теряю контроль. Как ско-

ро наступит пустота? Как скоро воцарится безысходное отчаяние?

Это не имело значения.

Ибо на те несколько мгновений мы воссоединились.

Я притянул ее к себе и обнял, почувствовав, как она обвивает меня руками. Мы рыдали в объятиях друг друга.

Вдруг она отстранилась с выражением ужаса на лице.

— Теперь ты не сможешь отсюда уйти, — сказала она.

— Не важно. — Я смеялся и плакал в одно и то же время. — Не важно, Энн. Рай без тебя никогда не будет раем.

И как раз перед тем, как сознание мое окутал мрак, я в последний раз заговорил с женой, моей жизнью, моей драгоценной Энн. Вот те последние слова, которые я ей прошептал:

— Да будет этот ад нашим раем.

И видеть сны…

В Индии

При пробуждении я испытал необычные ощущения — словно появился из плотной, тяжелой куколки насекомого. Открыв глаза, я уставился на потолок. Он был бледно-голубым и слегка подсвечивался. Кругом царила совершеннейшая, глубочайшая тишина.

Попытавшись повернуть голову, я, к своему удивлению, обнаружил, что слишком слаб для этого. Я с ужасом стал думать, что парализован.

Но потом понял, что это сильное утомление, и снова закрыл глаза.

Не могу сказать, сколько времени я проспал. Следующее, что я помню, — это то, что снова открыл глаза. Тот же голубой потолок — бледный, светящийся. Я осмотрел себя. Я лежал на кушетке в белой мантии.

Был ли я снова в Стране вечного лета?

Медленно приподнявшись на левом локте, я осмотрелся.

Я находился в необъятном зале с потолком, но без стен. Навес держался на высоких ионических колоннах. В зале стояли сотни кушеток;

почти на всех лежали люди. Мужчины и женщины, в мантиях такого же цвета, что и потолок, ходили между кушетками, время от времени наклоняясь и беседуя с лежащими людьми, иногда гладя их по головам. Все-таки я был в Стране вечного лета.

Но где же Энн?

— С вами все в порядке?

Я обернулся на звук женского голоса. Незнакомая женщина стояла у меня за спиной.

— Я в Стране вечного лета? — спросил я.

— Да. — Наклонившись, она погладила меня по волосам. — Вы в безопасности. Отдыхайте.

— Моя жена…

Что-то успокоительное перетекло с кончиков ее пальцев в мое сознание. Я снова улегся.

— Ни о чем сейчас не беспокойтесь, — сказала она. — Просто лежите.

Я почувствовал, как на меня вновь накатывает сон — теплый, нежный и тихий. Я закрыл глаза и услышал слова женщины:

— Вот так. Хорошо. Закройте глаза и засыпайте. Вы в полной безопасности.

Я подумал об Энн.

Потом уснул снова.

И опять не могу сказать, сколько проспал. Знаю

лишь, что, проснувшись, вновь увидел голубоватый сияющий потолок.

На этот раз я подумал об Альберте, мысленно произнеся его имя.

Но он не появился, и я в тревоге рывком приподнялся на локте.

Зал был все тем же — миролюбиво тихим. Я заметил, что пол покрыт толстым ковром, а сверху, там и сям, свисают красивые гобелены. Как я говорил, все пространство пола было заставлено кушетками. Посмотрев направо, я увидел одну из них в шести-семи футах от меня; на кушетке спала женщина. Слева от меня на другой кушетке спал пожилой мужчина.

Я заставил себя сесть. Надо было выяснить, где Энн. Я снова подумал об Альберте, но тщетно. В чем же дело? Прежде он всегда ко мне приходил. Может быть, он еще не вернулся в Страну вечного лета? Может, он все еще в том ужасном месте?

Я с трудом встал на ноги, испытывая невероятную тяжесть во всем теле. Словно, несмотря на защиту этого кокона, моя плоть по-прежнему была почти окаменевшей. Я едва двигался по залу, мимо бесконечных рядов спящих людей, мужчин и женщин, старых и молодых.

Я остановился перед входом в соседний зал.

Здесь покоя не было. Люди метались в беспокойном сне или, на время очнувшись, пытались сесть, но, обессиленные, тяжело валились обратно или пытались встать, но их удерживали мужчины и женщины в голубом.

Не было здесь и тишины, как в том зале, из которого я вышел. Здесь раздавались нестройные рыдания и крики, озлобленные и раздраженные голоса.

Поблизости я увидел мужчину в голубом, беседующего с женщиной на кушетке. У нее был смущенный, рассерженный вид, и она пыталась сесть, но не могла. Мужчина похлопывал ее по плечу, пытаясь успокоить.

Услышав чьи-то крики, я вздрогнул и посмотрел в другой конец зала.

— Я — христианин, последователь нашего Спасителя! Требую, чтобы вы отвели меня к Господу! Вы не имеете никакого права держать меня здесь! Никакого права!

Я увидел, как мужчина в голубом сделал знак нескольким своим коллегам. Сгрудившись вокруг рассерженного пациента, они стали дотрагиваться до него руками. Через несколько мгновений тот забылся крепким сном.

— Вам следует отдыхать, — произнес голос.

Оглянувшись, я увидел молодого человека в голубой мантии, с улыбкой смотревшего на меня. Я попробовал ответить, но мой язык стал разбухшим и неповоротливым. Я был в состоянии лишь молча смотреть на него.

— Пойдемте, — сказал он.

Я ощутил у себя на плече его руку, и это касание вновь принесло мне чувство успокоения. Все вокруг меня начало расплываться. Я знал, что он меня ведет, но ничего не видел. «Что за слабый наркотик содержится в его прикосновении?» — думал я, снова валясь на мягкое ложе и погружаясь в глубокий сон.

Когда я проснулся, на краю кушетки сидел Альберт, улыбаясь мне.

— Теперь тебе лучше, — сказал он.

— Что это за место? — спросил я.

— Зал отдыха.

— Сколько времени я здесь нахожусь?

— Совсем недолго, — ответил он.

— Те люди в соседнем… — указал я.

— Это те, что внезапно умерли насильственной смертью и впервые пробуждаются, — сказал он. — Не могут поверить в то, что их тела умерли, а сами они по-прежнему существуют.

— Тот мужчина…

— Один из многих, рассчитывающих сидеть по правую руку от Господа и полагающих, что те, кто не смог разделить их убеждений, обречены на вечные муки. Во многих смыслах это самые неразвитые души из всех.

— Ты не приходил раньше, — сказал я с невольным упреком.

— Не мог, пока ты достаточно не отдохнул, — отозвался он. — До меня доходил твой зов, но мне не разрешали на него отвечать.

— Я думал, ты все еще… — Я умолк, протянув руку и сжимая его плечо. — Альберт, где она? — спросил я.

Он не ответил.

— Она больше не в том ужасном месте?

Он покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Ты ее от этого избавил.

— Слава богу!

На меня нахлынула радость.

— Отправившись туда и оставшись там по своей воле, ты дал ей достаточно знания для избавления.

— Так она здесь, — сказал я.

— Вы были вместе некоторое время, — объяснил он. — Вот почему тебе потребовалось побы-

вать здесь — восстановить силы. — Он положил руку мне на плечо и сжал его. — Я действительно не думал, что это возможно, Крис, — признался он. — Не смог предвидеть, что ты сможешь для нее это сделать. Я размышлял логически. Следовало догадаться, что на нее могла подействовать только любовь.

— Она в безопасности, — молвил я.

— Ограждена от того места, где была.

Я в тревоге задрожал.

— Она здесь? — спросил я. — В Стране вечного лета?

Он, казалось, не хотел отвечать.

— Альберт. — Я беспокойно посмотрел на него. — Я могу ее увидеть?

Он вздохнул:

— Боюсь, нет, Крис.

Я уставился на него, совершенно сбитый с толку.

— Видишь ли, — сказал он, — хотя любовь близкого человека и может иногда вознести душу в Страну вечного лета — правда, ни разу не видел, чтобы такое произошло с самоубийцей, — эта душа почти никогда не может здесь остаться.

— Почему? — спросил я.

То, что я снова был в Стране вечного лета, вдруг показалось мне никчемной победой.

— На этот вопрос можно найти сотню разных ответов, — сказал он. — Тысячу. Самый простой — это то, что Энн еще просто к этому не готова.

— Где же она тогда?

Я сел, выжидающе на него глядя.

Казалось, он старается сдержаться. Была ли это улыбка?

— Понимаешь, — начал он, — ответ на твой вопрос затрагивает настолько обширную тему, что я не знаю, с чего начать. Ты находишься в Стране вечного лета еще не так долго и с ней не сталкивался.

— Какую тему? — спросил я.

— Повторное рождение, — сказал он.

Я в растерянности оцепенел. Чем больше я узнавал о жизни после смерти, тем в большее замешательство приходил.

— Повторное рождение?

— Ты фактически много раз переживал смерть, — сказал он. — Ты помнишь ту жизнь, с которой недавно расстался, но ты пережил — как и все мы — множество прошлых жизней.

Из темноты памяти всплыло воспоминание. Деревенский дом, лежащий на постели старик,

рядом с ним двое — седая женщина и мужчина средних лет; на них какая-то странная, непривычная одежда. Женщина произносит с незнакомым акцентом: «Думаю, он умер».

Тот старик — это был я?

— Ты хочешь сказать, что Энн снова на Земле?

Он кивнул, а я не смог сдержать стона отчаяния.

— Крис, ты предпочел бы, чтобы она осталась там, где ты ее нашел?

— Нет, но…

— Поскольку ты помог ей понять то, что она совершила, — сказал он, — ей удалось заменить свое заточение на мгновенное повторное рождение. Ты наверняка увидишь в этом заметный шаг вперед.

— Да, но…

И снова я не смог закончить свою мысль. Разумеется, я был счастлив, что она вырвалась из того ужасного места.

Но теперь мы опять были врозь.

— Где? — спросил я.

Он тихо ответил:

— В Индии.

Наконец я произнес единственное слово:

— Индия?

— Это место сразу оказалось свободным, — сказал он, — к тому же там предлагалось испытание для ее души: преодоление физического недуга с целью нейтрализации отрицательного воздействия самоубийства.

— Физического недуга? — с тревогой спросил я.

— Выбранное ею тело в последующие годы приобретет недуг, который приведет к тяжелому расстройству сна.

Энн лишила себя жизни с помощью снотворных пилюль. Для восстановления равновесия она придет в состояние, не позволяющее ей нормально спать.

— И она сама это выбрала? — спросил я, желая точно удостовериться.

— Без сомнения, — ответил Альберт. — Повторное рождение всегда выбирает сам человек.

Я медленно наклонил голову, пристально на него глядя.

— А как насчет остального? — спросил я.

— В остальном все хорошо, — уверил он ме-

ня. — В качестве компенсации за испытанную ею муку и ее достижения в прошлой жизни. Ее новые родители — интеллигентные, приятные люди; отец работает в местной администрации, мать — успешная художница. Энн — разумеется, звать ее будут по-другому — будет окружена любовью и получит возможности для творческого и интеллектуального роста.

Прежде чем заговорить, я немного подумал. Потом сказал:

— Я тоже хочу вернуться.

Альберт явно расстроился.

— Крис, — начал он, — если человеку этого не суждено, ему никогда не следует выбирать повторное рождение, пока он не изучит и не улучшит свое сознание, так чтобы следующая жизнь стала шагом вперед по отношению к прошлой.

— Не сомневаюсь, что это правильно, — признал я. — Но мне надо быть с ней и помочь ей, если это возможно. Чувствую себя виноватым, что недостаточно помогал ей в нашей совместной прошлой жизни. Хочу попробовать еще раз.

— Крис, подумай, — сказал он. — Неужели ты действительно хочешь так скоро вернуться в мир, где горстка людей грабит и обманывает народ? Где уничтожается продовольствие,

в то время как голодают миллионы? Где государственная служба — это грубое лицемерие? Где убийство — более простое решение проблемы, нежели любовь?

Эти слова звучали резко, но я знал, что говорит он их ради моего блага, в надежде убедить меня остаться в Стране вечного лета, где я мог бы расти духовно.

— Понимаю, что ты прав, — сказал я. — Понимаю также, что ты действуешь из лучших побуждений. Но я люблю Энн и должен быть с ней, помогая ей, как только могу.

Он печально и понимающе улыбнулся.

— Понимаю. — Он кивнул. — Что ж, меня это не удивляет, — сказал он. — Я видел вас вдвоем.

Я вздрогнул.

— Когда?

— Когда вас обоих освободили из того эфирного заточения. — Его улыбка смягчилась. — Ваши ауры смешались. Я тебе уже говорил, что у вас одинаковая частота вибраций. Вот почему тебе невыносимо быть с ней порознь. Она — твоя духовная супруга, и я вполне понимаю, почему ты хочешь с ней быть. Уверен, что Энн выбрала повторное рождение в надежде, что вы когда-нибудь соединитесь. И все же…

— Что?

— Хотелось бы мне, чтобы ты осознал последствия возвращения.

— Это можно сделать, правда? — с тревогой спросил я.

— Все может оказаться непростым, — ответил он. — К тому же существует риск.

— Какой риск?

Замявшись, он ответил:

— Лучше спросить специалиста.

Я полагал, что смогу вернуться немедленно. Следовало догадаться, что такой сложный процесс осуществить нелегко и что, как и все явления потустороннего мира, его надо прежде изучить.

Сначала я прослушал лекцию.

Недалеко от центра города я оказался в гигантском круглом храме, вмещающем тысячи людей. Сверху на него падал луч белого света, хорошо различимый, несмотря на яркое освещение.

Когда мы с Альбертом вошли в храм, то не раздумывая направились к двум сиденьям, расположенным на полпути от кафедры лектора. Не могу сказать почему. Эти места не были помечены и ничем не отличались от других. И все же я знал, что это наши места, прежде чем мы до них

дошли.

Многочисленные слушатели тихо переговаривались между собой; я хочу сказать, беззвучно. Когда мы усаживались, многие нам улыбались.

— Все эти люди хотят повторно родиться? — с удивлением спросил я.

— Не думаю, — ответил Альберт. — Многие пришли, вероятно, чтобы поучиться.

Я кивнул, стараясь не обнаружить растущее беспокойство. Это было похоже на то чувство, какое я испытал, когда впервые прибыл в Страну вечного лета, — бессознательно предчувствуя надвигающееся самоубийство Энн.

Я говорю, похоже. Но не могло быть тем же самым. Я знал, что теперь она будет жить, а не умирать. И все-таки наше расставание было для меня столь же мучительным. Не могу сказать, Роберт, в чем заключаются высшие проявления этого состояния «родственные души». Но вот что я тебе скажу. Существуя отдельно от своей половинки, ты постоянно испытываешь тревогу. Не имеют значения обстоятельства, не имеет значения, насколько изысканно твое окружение.

Быть половинкой — мучение, когда другая половинка от тебя далеко.

И вот на кафедру взошла очаровательная жен-

щина и, улыбнувшись, начала говорить.

— Шекспир так сказал о смерти, — начала она. — «Безвестный край, откуда нет возврата земным скитальцам».

Она снова улыбнулась.

— Красиво сказано, — молвила она, — но только слишком неточно. Мы все нашли этот край после нашей «смерти». Более того, из его пределов должны вернуться в конечном итоге все скитальцы. Мы триедины, — продолжала она. — Дух, душа и тело; последнее — в земной жизни — состоит из физического, эфирного и астрального тел. В этот раз не буду говорить о нашем духе. Наша душа вмещает в себя божественную сущность. Эта сущность направляет нас в жизни, проводя душу через многие жизненные испытания. Каждый раз, как часть души уходит в плоть, она поглощает какой-то опыт и развивается, обогащаясь от этого. Или… — она на мгновение умолкла, — обедняясь.

Я припомнил, что Альберт говорил именно это.

Самоубийство Энн обеднило ее душу, и теперь она для восстановления души выбрала путь, который поможет ей напитаться позитивным опытом.

Как же выходит, что наша личность может что-то получить или что-то потерять? Посредством памяти. Каждый из нас обладает внешней и внутренней памятью. Внешняя относится к нашему видимому телу, внутренняя — к невидимому или духовному телу. Все то, что любой из нас когда-либо думал, желал, говорил, делал, слышал или видел, записано в этой внутренней памяти.

В «доме Господа» всегда остается эта полная память, обогащаясь или беднея от результатов каждой новой физической жизни.

Астральное — или духовное — тело возвращается на Землю в неизменном виде. Изменяется лишь физическое тело и его эфирный двойник.

Между высшими проявлениями личности и тем физическим воплощением, которое на время избрала душа, существует линия связи. К примеру, если физическое «я» получает вдохновение, оно приходит из души. Так называемый «тихий, тонкий голос» — это усвоенные из прошлых уроков знания, удерживающие человека от совершения поступка, который нанес бы вред душе.

Однако в целом, не считая случаев, когда человек рождается с восприимчивостью к этому существованию или когда он, направляя взгляд

внутрь себя — медитируя, — его познает, мало кому удается внедрить это истинное «я» в материю.

— Таким образом, процесс состоит в следующем, — говорила женщина. — Одна жизнь вслед за другой, каждая полная усилий, с перерывами на отдых и занятия на этом плане, постепенно формирует душу до ее желаемого состояния. Иногда то, чего не удалось достигнуть при жизни, может быть достигнуто после смерти, так что при следующем рождении познание становится более глубоким, усиливается способность к наивысшему устремлению к Богу.

Итак, триединство, коим мы являемся, проходит триаду воплощения, развоплощения и перевоплощения. Человек должен хорошо себе представлять, как следует умирать, ибо он делает это много раз. И все же при каждом воплощении он — за редким исключением — снова об этом забывает.

У меня возник вопрос. Удивительно, что эта женщина ответила на него, словно прочла у меня в мыслях.

— Сейчас вы имеете тот вид, который имели в последнем воплощении, — сказала она. — У вас было, разумеется, много различных воплощений,

некоторые из них противоположного пола. Однако вы держите в памяти облик предыдущей жизни, потому что он сохранился наиболее живо. Когда окончилась эта жизнь, ваше сознание стало поэтапно возвращаться к источнику, отмежевываясь от участия материи. В эфирном мире произошел процесс отступления, когда усовершенствовались ваши желания и чувства, а все нерегенерируемые силы из вашей жизни были сконцентрированы и преобразованы. В конце концов ваше сознание преобразовалось в это ментальное, или «небесное», состояние, совершенно свободное от материи, и в нем вы сейчас пребываете.

Я не знал, дойдет ли до нее моя благодарность за ответ, но я кивнул один раз. Может, мне это показалось, но она улыбнулась и кивнула мне в ответ.

— Длительность пребывания в потустороннем мире может быть разной, — продолжала она. — Иногда между воплощениями может пройти тысяча лет. Когда после смерти приходит осознание, первое побуждение личности — перевоплотиться. Вновь прибывшие неизменно начинают осваивать метод управления вибрациями, позволяющий родиться повторно. Хорошая

тренировка для души — остаться в Стране вечного лета и заняться самоусовершенствованием, чтобы следующее воплощение стало более значительным шагом в процессе воспитания души.

И на другой мой вопрос немедленно нашелся ответ. Интересно, один ли я думал об этом?

— Не все рождаются повторно, — сказала женщина. — Некоторые души настолько развиты, что не перевоплощаются, а переходят на уровень существования, превышающий все то, что предлагает Земля, и достигают в конечном счете воссоединения с Богом. Эти души, не испытывая недостатка в попытках искупить промахи или приобрести знания, могут воссоединиться с Создателем, достигнув состояния полного единения с Ним, становясь неотъемлемой частью универсальной системы.

Она не стала вдаваться в подробности этой так называемой третьей смерти, поскольку это чересчур сложно, а всем нам предстояло еще многое испытать, многое узнать, преодолеть многие ограничения. Ограничения, с которыми можно столкнуться лишь на Земле, поскольку это единственное место, где их можно облечь в конкретную внешнюю форму. Страна вечного лета слишком текучая, ее слишком легко кон-

тролировать. Только находясь в материальном мире, личность может встретиться с самыми суровыми испытаниями. Это главная испытательная площадка человека, место для действий и экспериментов.

Всем нам предстоит пройти путь, и этот путь начинается на Земле.

Сквозь вечность

— Как же конкретно это происходит? — продолжала женщина. — Рассказываю для заинтересованных.

Я поймал себя на том, что наклоняюсь вперед. Сказанное ею до этого момента было интересно. Теперь же она собиралась рассказать нам — рассказать мне, как я смогу снова воссоединиться с Энн.

И вот что она поведала нам, Роберт.

Когда душа, стремящаяся вселиться в чье-то тело, выбирает себе родителей, он — или она — очищает его чем-то, что можно назвать компьютером. Затем, если существует, так сказать, конкуренция за определенное место, компьютер решит, какая душа наиболее подходит для конкретного задания — или, скорее всего, более в нем нуждается.

Я называю это компьютером, но, разумеется, это более сложная структура, способная смешивать мыслительные процессы всех тех, кто претендует на одинаковый тип наследственности и окружения. По мере того как этот обширный мыслительный материал синхронизируется

в виде общей схемы, наиболее пригодной душе дают знать, что его или ее выбрали, после чего поиск продолжается.

Женщина-лектор предупредила нас, что в состоянии свободы, которой мы наслаждаемся в Стране вечного лета, одной из величайших амбиций является искушение спланировать жизнь вперед.

— Позвольте предостеречь любого из вас, планирующего повторное рождение, — сказала она, — по поводу ограничений, с которыми вы столкнетесь в материальной жизни. Самый предпочтительный подход — это требовать меньше, с тем чтобы достичь большего.

Подробности приведут тебя в восторг, Роберт. На Дальнем Востоке души, желающие вновь воплотиться, остаются в жилищах мужчин и женщин и в благоприятное время мысленно представляют себя клетками, проникая затем в матку своих будущих матерей. Это не так уж сложно.

Но это и опасно. Если ребенок рождается мертвым, то душа оказывается запертой в коме на эфирном уровне, не являясь больше жизнеспособной сущностью, и не может освободить свое сознание. Это происходит потому,

что при повторном рождении разум души находится в глубоком сне. Умственная деятельность невозможна, пока не сформированы способности ребенка.

Другая опасность этого способа состоит в том, что душа может нечаянно выбрать умственно или физически деформированный сосуд. В таком случае за этот промах приходится расплачиваться всю жизнь. По временам, разумеется, этот способ умышленно выбирается как средство «уплаты» кармических долгов. Карма подразумевает неизбежные последствия наших деяний. Душа, вселившаяся в больное или немощное тело и с оптимизмом превозмогшая эти недуги, в духовном смысле совершенствуется быстрее, чем та, у которой по земным стандартам есть для жизни все. Как, по воле Божьей, произошло с Энн.

Если в любой области мира душа может вселиться в новый носитель жизни на любом этапе — от зачатия до рождения, — то в западной методике обычно ждут рождения ребенка. В таком случае душа не может оказаться в коме, о которой я уже упоминал.

Фактический процесс повторного рождения зависит от способности души сжимать свои ду-

ховные тела — астральное, затем эфирное — так, чтобы они были скоординированы с телом ребенка. Такая координация обычно происходит сразу после рождения; это сложный процесс. Посему данный процесс требует присутствия психотерапевта, который в состоянии увидеть мысленным взором спинной мозг как ребенка, так и духовных тел и соединить их.

Другой способ реинкарнации состоит в следующем: душа не вселяется в тело, пока ребенку не исполнится пять — восемь недель. При этом способе не вызывает сомнения надежность применяемого физического сосуда.

— При воплощении, — продолжала женщина, — стираются все воспоминания предшествующей жизни, а также периода загробной жизни и начинается новая полоса внутренних впечатлений. Подчас, если реинкарнация происходит стремительно, память сохраняется — что объясняет, например, высокий процент таких случаев в Индии.

В течение нескольких месяцев душа в ребенке спит, и он использует животные инстинкты для овладения телесными функциями — кормление, сон и естественные отправления. И только когда пробуждается душа, ребенок начинает

проявлять активный интеллект.

Душа пробуждается не сразу, а постепенно, в течение детства и юности нового индивидуума. Изредка душа пробуждается преждевременно и вспоминает если не прошлую жизнь, то прошлые способности — так время от времени появляются вундеркинды.

Душа постепенно сливается с телом, и приблизительно в возрасте двадцати одного года она полностью воплощается. Иногда душа пробуждается, только когда ее вместилище достигает среднего возраста. В таком случае вплоть до этого возраста личность не обнаруживает признаков полноценной интеллектуальной активности.

И, следуя по новому жизненному отрезку, бессмертная душа, прошедшая через воплощение для совершенствования своей природы, еще раз возвращается домой для подкрепления и обретения новых знаний, перед тем как снова оказаться на Земле в своем бесконечно повторяющемся поиске совершенства — и воссоединиться с Богом.

Не стану больше говорить о лекции. Для моего рассказа не важна дальнейшая информация о реинкарнации. Если заинтересуешься, можешь почитать книги.

Следующий мой шаг состоял в том, чтобы вновь

открыть закрытую книгу моей памяти и еще раз ее изучить.

С помощью моей индивидуальной длины волны мне были показаны мои предшествующие жизни.

То был головокружительный спектакль, Роберт, в котором ничего не было утаено. Я едва успевал реагировать на проносившиеся передо мной картины, живой поток событий, каждый момент которых был детально воспроизведен.

Я прожил много жизней, но упомяну лишь последние две, в которых мы с Энн были вместе.

Мы общались с ней в 1300-х, когда обе наши души воплотились в том, что можно назвать «женским обличьем». Мы были сестрами, с разницей в одиннадцать лет — я был старшей, — но такими близкими по духу, что наши друзья и родственники отмечали это как нечто удивительное. На протяжении наших жизней мы были психологически неразделимы.

Мы снова встретились в 1700-х, в России, я — в мужском обличье, она — в женском. В детстве мы были знакомы, потом на время расстались, снова встретились в юношеские годы, влюбились друг в друга и поженились. В той жизни я тоже был человеком творческим: писателем-романи-

стом и автором коротких рассказов. Энн (тогда ее, разумеется, звали по-другому) безоговорочно верила в меня, хотя мои успехи были весьма скромными.

В конце той жизни я стал свидетелем своей второй смерти.

Теперь же я увидел не только завершение этой жизни, но ее всю. Мне была дана перспектива, позволившая увидеть образ действий и цели не одной той прошлой жизни, но также и всех моих жизней.

Не стану сейчас вдаваться в подробности — это опять не имеет отношения к тому, о чем я собираюсь рассказать. Достаточно упомянуть: я решил, что для роста моей души более других необходим один-единственный фактор — помощь людям. А это в полной мере связано с моим желанием снова быть с Энн. Альберт сказал мне, что со временем ей потребуется усиленная медицинская помощь.

Я стану врачом.

Поначалу я рассматривал вариант повторного рождения в Индии. Однако в этом случае могут возникнуть почти непреодолимые трудности во врачебной карьере, поэтому пришлось отказаться от этой мысли. Как бы то ни было,

родиться в Индии — еще не цель. Цель — в конечном счете оказаться в Индии, чтобы помочь Энн.

Вот почему я выбрал таких родителей: доктор Артур Брэнингуэлл и его супруга из Филадельфии. Они молоды, обеспечены, и я буду их единственным ребенком. Я получу хорошее воспитание, буду посещать медицинский колледж с намерением идти по стопам отца.

В возрасте тридцати лет это намерение полностью изменится по причинам, в которые не буду вдаваться, и я сверну с ровной дорожки, чтобы заниматься медицинской практикой в бедных регионах Земли.

В конце концов я приеду в Индию, стану выхаживать молодую женщину с душой Энн, влюблюсь в нее и затем женюсь. Не важно, узнаем ли мы когда-нибудь или почувствуем, что происходит на самом деле. Мы будем снова вместе.

Все остальное не имеет значения.

Ребенку, тело которого я выбрал, сейчас четыре с половиной недели от роду. Только после семи недель он достаточно окрепнет, чтобы принять мое астральное и эфирное тела.

Я постоянно нахожусь около его тела, экспериментируя с процессом сжатия этих моих тел до размера ребенка. Когда я буду готов к перехо-

ду, опытный врач-специалист по этой процедуре настроит радиоактивный поток, с помощью которого можно будет соединить наши тела через железу у основания головного мозга ребенка.

Тогда я смогу войти.

Непосредственно перед самым воплощением я попытаюсь создать четкий образ того типа тела, который мне нужен. Таким образом, я сумею сгенерировать здоровье и силу, необходимые для выполнения намеченной мной в жизни работы. Если этого сделать не удастся, то ребенок может заболеть неизлечимым недугом или, как Энн, станет слабым и болезненным.

Признаюсь, Роберт, я испытываю сильное отвращение к повторному рождению. Прошло уже много времени, и мысль о воплощении уже меня не привлекает. В данный момент меня заставляет вернуться лишь сознание того, что Энн уже там. Ибо, честно говоря, для того, чтобы умереть, большой храбрости не надо. Истинная отвага в том, чтобы вновь родиться по своему желанию, оставив разнообразные красоты Страны вечного лета, и погрузиться обратно в глубины темной, удушающей материи. Не смерть нам наносит раны, а жизнь. Человек может умереть, даже не зная об этом.

Рождение неизменно влечет за собой потрясение новизны.

Я буду утешаться своей мечтой.

Мечтой о том, что однажды мы вместе окажемся в Стране вечного лета. Что в этом изумительном климате будем наслаждаться любовью, нашим единением, неизменно утешая и поддерживая друг друга.

Может быть, как предположил Альберт, мы однажды вновь обвенчаемся в одном из огромных небесных соборов. Церемония будет проводиться Мастером из высших сфер; хор будет исполнять гимн радости в честь нашей вновь обретенной любви.

Я поднесу ей подарки, сотворенные собственноручно, — цветы, одежду, драгоценности и украшения, а также принадлежности для дома, который мы будем вместе строить. Дом, в котором смешаются наши вкусы и желания; дом, расположенный в прелестном природном уголке, и мы всегда будем бережно к нему относиться.

Там мы, надеюсь, и останемся, чтобы учиться и совершенствоваться, пока не поднимемся вместе до предельных высот, изменяясь внешне, но оставаясь навсегда преданными друг другу и пронеся ни с чем не сравнимое блаженство

нашей любви сквозь вечность.

Возвращаюсь к своей любимой

Перед отправлением оставалось сделать еще одну вещь.

Продиктовать эту книгу и передать ее тебе.

И снова не стану подробно рассказывать, как меня свели с женщиной, передавшей тебе эту рукопись. Сначала я рассчитывал, что ее передадут моим детям. Но когда оказалось, что единственный экстрасенс живет на Восточном побережье, я решил, что книгу вручат тебе.

Надеюсь, ее напечатают и прочтут тысячи людей. Надеюсь, что по крайней мере несколько человек будут готовы к неизбежному переходу, который должен произойти в конце их жизней.

Мой рассказ подходит к концу.

Помни вот что: рассказанное мною субъективно. И по-другому быть не могло. Я мог описать лишь то, что сам видел и слышал. Это не более чем мои воспоминания о случившемся. Вспомни, что говорил мне Альберт.

Сознание — это все.

Я особо это подчеркиваю. Этот опыт был пережит мною, и никем больше. Хотя все это вполне

правдиво, но никоим образом не является окончательным суждением по поводу загробной жизни.

Другой человек расскажет иную историю.

Помни вот еще что: вещи, о которых я не рассказал, займут сотни томов. Поверь мне на слово, что в потустороннем мире разнообразие бесконечно. Существует так много всего, что мой дневник — песчинка в океане песка всех пляжей и пустынь мира.

Должен отметить также, что описанные мною события происходили на относительно низком уровне духовного существования. Имеются планы, о которых я ничего не знаю и могу не узнать за целую вечность.

Короче говоря, не существует стандартной потусторонней реальности. Я поведал тебе о своих впечатлениях. Твои могли быть другими. Можешь не сомневаться лишь в одном.

Это произойдет.

Чувствую, что очень важно подробно остановиться на моей точке зрения.

Все не так просто, как я излагал.

В действительности реалии потусторонней жизни невозможно описать категориями времени, пространства и формы. Я описывал людей,

места и события, но это описание зависело от моей способности — или неспособности — видеть вещи в истинном свете.

Фактически все эти впечатления могли оказаться именно тем, чем я их считал после смерти.

Сном.

Когда человек спит, мир его сновидений столь же реален, как жизнь, верно?

И здесь может быть то же самое.

Лишнее доказательство — это то, что Страна вечного лета предстает в подобном виде. Поскольку явления на этом уровне — это в основном мысленные картины, приносимые сознанием вновь прибывших с Земли, чем еще может быть Страна вечного лета, как не идеализированным вариантом Земли?

Альберт говорил мне в самом начале, что небеса — состояние души.

Так и есть.

Но подумаем. Разве Земля не является также умонастроением? Материя — не более чем энергия, кажущаяся человеческому интеллекту статичной. Жизнь — состояние сознания, воспринимающего энергию в качестве материи. Смерть — состояние сознания, более не воспринимающего ее таковой.

Жизнь на Земле — всего лишь панорама ярких наблюдений, кажущихся нам реальными.

Почему жизнь после смерти должна казаться менее реальной?

Но не буду тебя смущать.

Она покажется тебе вполне реальной.

И прошу тебя, брат, не страшись ее.

Смерть — вовсе не повелительница всех ужасов.

Смерть — это друг.

Подумай вот о чем. Ты боишься спать ночью? Разумеется нет. Потому что знаешь, что опять проснешься.

Думай о смерти то же самое. Как о сне, от которого неизбежно пробудишься.

Настоящая жизнь — это процесс становления. Смерть — один из его этапов. Вслед за жизнью не наступает небытие.

Существует только непрерывность бытия.

Не сомневайся в том, что мы являемся частью замысла. Замысла, состоящего в том, чтобы поднять каждого из нас на высочайший возможный уровень. По временам путь может проходить во мраке, но он, несомненно, ведет к свету.

Но никогда не забывай о том, что мы платим за каждый свой поступок, мысль и чувство.

В одном изречении из Библии об этом сказано.

Что посеешь, то и пожнешь.

Люди бывают наказаны не за свои деяния, а своими деяниями.

Если бы только люди это помнили.

Если бы каждый мужчина и каждая женщина на Земле знали — без тени сомнения, — что им придется столкнуться с последствиями своих жизней.

Тогда мир изменился бы в одночасье.

Господь тебя благослови.

Возвращаюсь к своей любимой.

Эпилог

Я только что вернулся из Филадельфии.

Может, с моей стороны это было глупо. Вполне возможно, что женщина, принесшая мне рукопись, знала о существовании доктора Брэнингуэлла и его жены. Невозможно сказать наверняка. Я снова в недоумении. Если и так, зачем ей было придумывать все это и обманывать меня?

Поначалу я решил отправиться к Брэнингуэллам и рассказать им свою историю.

Но здравый смысл подсказал мне этого не делать.

А сделал я вот что: подождал, пока няня повезла ребенка в коляске на прогулку. Я пошел вслед за ней в небольшой окрестный парк и, пока она сидела на скамейке, заговорил с ней, поглядывая на ребенка. Чувствуя себя при этом полным идиотом. Но, глядя в глаза этого ребенка, я чувствовал также что-то еще.

Неужели этот младенец обладает душой моего брата Криса? Действительно ли он поедет в Индию в возрасте тридцати лет, встретит молодую женщину с душой жены моего брата Энн и же-

нится на ней?

Хотел бы я это знать.

Мне уже шестьдесят три. Ясно, что я не проживу так долго, чтобы проверить. Можно было бы попросить детей это выяснить, но я уверен, что вряд ли они заинтересуются неопределенным, маловероятным событием, которое может или не может произойти через несколько десятилетий в удаленной на тысячи миль стране.

Так что на этом история, несомненно, заканчивается.

Я могу лишь повторить: если в рукописи написана правда, каждому из нас следует присмотреться к своей жизни.

Внимательно.